

Сергей Попов

ЖИВАЯ ЛАТЫНЬ

Проза и пьесы

АО «Воронежская областная типография»

Воронеж

2025

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6-46
П 58

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства культуры Воронежской области*

П 58 Попов Сергей.
Живая латынь. Проза и пьесы. – Воронеж: АО «Воронежская
областная типография», 2025. – 240 с.

Книгу составили прозаические произведения и сочинения для театра.
«Серёжа не переставал удивляться странному своему свойству... В экстраординарные истории попадал он нередко, а потому то и дело оказывался в иных местах и временах – как в прошлых, так и в будущих – но в ситуациях, в чём-то событийно схожих и по эмоциональному накалу сопоставимых. Будто всякого рода острые события были лишь нестойкой материализацией его психического строя, и ничего сверхъестественного в их непрошеном калейдоскопе не было».

ISBN 978-5-4420-1245-3

© Попов С.В., 2025

Отпуск без сохранения

Лесная история

Прощай, мой тихий сельский дом!
Тебя бежит твой летний житель.

Сергей Аксаков

То вечерам мы усаживались на старом причале и ждали водяного. Лохматого, пучеглазого, зеленоусого. С илистым брюхом, перепончатыми лапами, чешуйчатым хвостом. Он выберется, наконец, из неведомого омута у заброшенной береговой мельницы, поднимет со дна своих жён-утопленниц, и через минуту мы вздрогнем от его утробного хохота, зловещего крика, леденящего душу воя... Сидели молча, чтоб не спугнуть чудище ненароком. Ёжились от позднего холодка и предстоящего ужаса, тосковали оттого, что сомневались... Старой мельницы ведь в округе не было. Но так ли уж она страшилищу кровожадному необходима?.. Озоровать по-любому можно – места-то какие! Мрачные деревья, густой подлесок, исполинская трава... Они подступали вплотную к дощатым домикам, настырно протискивались между ними, неудержимо стремились прямо к воде... В глубине меркли тяжёлые облака и медленные тени поздних неведомых птиц. Дощатый причал на глазах растворялся в темноте...

Домой мы пробирались почти на ощупь – ступали медленно, чутко, опасливо. Тропа истоиво петляла, ныряла в ложбины, пряталась в кустарники. Потому приходилось часто останавливаться, слепо озираться, прислушиваться... А потом задирать голову и, позабыв о дороге, глупо смотреть на крупные

звёзды.. Они были такими огромными, что не помещались в сознании. Их ровный холодный огонь уничтожал время, и мы стояли бесконечно долго... А между тем дома всю разгоралось испепеляющее материнское негодование. Но кто помнил о том, что его ждёт?..

– А я думал, что больше и не увидимся...

– Чем больше думаешь, тем реже сбывается.

– Спорное наблюдение... И почему же?

– Не берись объяснить. Из печального опыта...

– А я-то думал, что печали – удел неопытных... Слышал, ты будку свою продаёшь. Потому на встречу и не надеялся... Правда?

– Была такая мысль. Но сейчас самое время именно тут покантоваться. И ковид, и мой бывший с делёжкой имущества... Это покруче ковида!

– Я без этого обошёл. И несколько не жалею... Нервы бесценны.

– Умный ты. Надо было за тебя замуж идти...

– Кто бы ещё позвал...

В этом дачном посёлке мы жили каждое лето. Родители сначала снимали домик, а потом и купили его. Летняя жизнь была особой. Мы с друзьями безнаказанно занимались чёрт-те чем... Пропадали в лесу, тонули в реке, попадали под машины... Впечатлений хватало на весь год. До следующего лета.

В родительские времена главным печатным органом администрации садового товарищества была доска объявлений. Здесь можно было узнать даты общих собраний, фамилии должников, сроки замены счётчиков... И множество разнообразных сведений общего порядка, способствующих укреплению сознательности граждан, как то: комплексы гимнастических упражнений, здоровые низкокалорийные диеты, правила

воспитания подрастающего поколения... И взрослые не только глядели объявления. Задерживались, читали пространные вырезки, удивлялись, обсуждали... Как правило, критиковали прочитанное. Прежде всего за то, что оно возведено в ранг официальной информации. Это всегда задевает...

Я грешным делом думал, что доска сия давно уже сгорела на костре одного из бесчисленных субботников или сгнила на помойке рубежа веков. А потому немало удивился, когда нежданно увидел её в целости и сохранности. И даже подошёл, чтобы убедиться...

«1. Необходимо соблюдать меры индивидуальной профилактики. В этом главный залог сохранения здоровья.

2. Использование марлевых масок и медицинских перчаток обязательно в общественных местах. Это обезопасит вас и окружающих.

3. Помните, что наше здоровье в наших собственных руках. Проводите разъяснительные беседы о здоровом образе жизни с родными и близкими.

4. При первых симптомах заболевания не теряйте самообладания.

5. Необходимо вызвать врача. Если это невозможно, принять срочные меры нужно самостоятельно.

6. Принимайте жаропонижающее, употребляйте достаточное количество жидкости, соблюдайте домашний режим.

7. Не настаивайте на сдаче тех или иных анализов, проведении тех или иных обследований. Это прерогатива медицинского работника. В каждом конкретном случае целесообразен свой алгоритм обследования.

8. Воздержитесь от голословных обвинений сотрудников учреждений здравоохранения в ненадлежащем исполнении своих обязанностей. Это дезорганизует их текущую работу и привносит неоправданную социальную напряжённость.

9. Не подвергайте огульной критике действия органов власти и управления, направленные на борьбу с заболева-

нием. Этим вы затрудняете их реализацию и существенно снижаете эффект от санитарно-эпидемиологических мероприятий.

10. Проявляйте бдительность и сообщайте о нарушениях санитарно-эпидемиологического режима в контролирующие органы. Этим вы поможете общей борьбе с болезнью и приблизите окончательную победу над ней.

11. Не забывайте о личной ответственности за нарушение гигиенического режима и несоблюдение социальной дистанции. Игнорирование предписанных норм влечёт суровое наказание.

12. Только солидарными усилиями мы сможем переломить негативные тенденции в состоянии общественного здоровья. Лишь выступая единым фронтом против возбудителя недуга, мы можем защитить своё право быть эффективными и счастливыми. И мы сделаем это!»

Кое-какой народ в посёлке жил, но многие домики пустовали. Из города эпидемия вычистила далеко не всех... Самая прочная – связь с привычным, въевшимся, ставшим тобой. Так что ничего удивительного...

Через несколько домиков от родительского в раскрытом окне я увидел толстую немолодую женщину. Она дружелюбно улыбалась мне из недр папиросного облака.

– Здравствуйте, тётя..

И я осёкся. Никак не мог вспомнить, как её зовут. Маша, Таня, Нина?.. А я ведь знал её с детства... В последнее время имена испаряются из моей памяти. Ощущение от человека – навсегда. А поминать как звали – увольте... Значит, это не имеет значения. Всё, что лишено смысла, отмирает...

– Привет, дорогой! Давненько тебя не видно. Где пропадал?

– Работа, будь она неладна...

– Нужно и для жизни время выкраивать. Помирать, не пожив, – не по-божески...

– Вот и я так думаю. Так что проживу тут какое-то время. Правда, тесно тут. Но ничего – в тесноте, да не в обиде.

– А чего тесниться-то? Вон сколько будок заброшенных! За бесценок купить можно. С радостью отдадут...

– Посмотрим. Чем чёрт не шутит? А то и сделаюсь тут крупным домовладельцем, да и осяду, хозяйством обрасту... Смешно представить, правда?

– Это сейчас смешно. А потом по-другому глянется...

– Потом всё по-другому глядится. Дожить только надо.

– И то верно. Может, зайдёшь? Чайком угощу.

– Нет, спасибо! Я уже кофеином заправился. А то башка лопнет раньше времени.

– Ну тогда извиняй. Время всему своё...

Я взял отпуск. Без сохранения, по семейным обстоятельствам. Смех и грех. Какие такие, интересно, у меня обстоятельства?.. Со скандалом, конечно. Собрал свои нехитрые пожитки, да и сюда прикатил... Не думал, что оказия такая случится. Почему я не оказался в авангарде борьбы с пандемией? Не парился в «скафандрах» по красным зонам? Не бегал, высунув язык, по домам температурающих? Не подправлял диагнозы для нужной статистики?.. А потому что не хочу быть расходным материалом. Как маски, перчатки, бахилы... А эскулапов наших несчастных нынче таковыми и числят. Вперёд, братцы, – грудью на амбразуру! Пробил ваш час! Если не вы, то кто же?.. Вы ведь у нас хорошие? Да?.. Мы это всегда знали. Ну вот и замётано, вот и ладненько... Государство поумилялось, подачки какие-то посулило, поболтало-поболтало... Да и позабыло, как это у него водится. А попробуй-ка выбей из чинуш обещанные гроши... С инфарктом сляжешь. Но это уже мало кого волнует. Да и сколько здоровье твоё стоить может?.. Кто, интересно, расценки эти утверждал? Хотел бы я посмотреть в глаза владельцу тайного знания...

- А тебе понравилось бы приглашение на вечеринку?
- Если бы я делала только то, что мне по шерсти!..
- С годами я совершенно отчётливо осознал одну вещь. Делай то, что тебе нравится. И не делай то, что тебе не нравится. Иначе неизбежно станешь глубоко несчастным человеком. И сопьёшься раньше времени...
- Альтернатива ещё та... Неизвестно, что лучше.
- А нам никогда не известно, что лучше. Лишь только что желаннее...
- Желания слишком сиюминутны.
- А оттого что их откладывают, они исчезают...
- С этим не поспоришь.
- А разве мы встретились, чтобы спорить?..

В домике моём таились вещи прошлого века. Железная, с пружинами кровать, фанерный, беспощадно исполосованный кухонными ножами стол, не раз подвергавшийся оперативному вмешательству радиорепродуктор «Нейва» отечественного производства. На него даже межсезонные воруги не польстились, хоть и явно захаживали сюда с инспекцией. Впрочем, весьма благодушной.

Люди живут, время неизбежно меняется. И разные предметы, дома, переулки, города сопровождают их в движении календарном. Но это люди... А у меня всё ровно наоборот. Мне выпало всю жизнь быть исправным проводником старых вещей, прежних строений, их неизменного порядка... О городах я вообще молчу. Он у меня с детства числился одним-единственным... Родиной.

- А у тебя давно был секс?
- Где ты таких выражений деревянных набрался?! Ничего более дубового в жизни не слышала. Даже от врачей...
- Извини. Но что тут обидного?..

– Обидно за твой язык. Я что, на приёме у гинеколога? Спроси ещё про последние месячные...

– А что? Совсем нелишне во избежание... Но я о другом. Маска-перчатки-презерватив не отвлекает?.. Это я фигурально. Глобальная ситуация душу при этом не леденит?

– Маски и прочая – не в ходу. Сам видишь. А что касается души – ёжится она по другим поводам.

В родительской лачуге было темно и тихо. Я на удачу щёлкнул клавишей репродуктора и крутанул тумблер. К немало моему удивлению допотопный агрегат решительно отозвался.

– ...водяной внимательно следит за каждым, кто так или иначе оказывается в пределах досягаемости. Водяной забирает на безвозвратное жительство всех, кто вздумает купаться в реках и озёрах после заката. И особенно – в самую полночь... Как он выглядит? Это голый, обрюзглый и пучеглазый старик с рыбьим хвостом или непомерно длинными ногами. Он опутан тиной или одет в красную рубаху. У него огромная окладистая борода и усы с налипшими водорослями. Он может обернуться зверем, свиньёй, коровой, щукой, уткой... А может явиться заросшим шерстью чёртом с острыми рогами или ещё кем... Водяной может ездить верхом на крупном соме. Потому эту рыбу и величают чёртовым конём... Водяной – большой любитель похихотать в голос, а в ожидании близкой жертвы может азартно хлопнуть в ладоши. А ещё любит подражать людям и животным – кричит, воеет, ухает, визжит, крикает и блеет. То ли пугает, то ли влечёт к себе... По всей Великороссии он хватает цепкими лапами и с быстротой молнии увлекает вглубь всех забывших при погружении в воду осенить себя крестным знаменем. С особой страстью он зарится на тех, кто вовсе не имеет обыкновения носить нательные кресты. Такие в подводных весях обречены на самую мучительную работу – бесконечно перемывать песок... Водяной предпочитает жениться на

утопленницах, охотнее всего – на девицах, что прокляты родителями... А бурные свадьбы его чреватые новыми негаданными несчастьями... Трупы сгинувших он возвращает не всегда. У него свои соображения и капризы. Поговаривают, что мертвецы идут порой на пропитание семьи. Но это – только слухи...

– Привет, дорогой!

– Здравствуйте, тётя...

– Ну что? Надумал тут обосновываться?

– Да приглядываюсь пока...

Так им всё вынь да положь... Ох, и любит наш народ в чужую жизнь соваться! Мёдом не корми...

– А я тут уже кое с кем переговорила. Дёшево дом отдадут...

– К чему бежать впереди паровоза? Всеми своё время...

– Как знаешь... Может, зайдёшь?

– Да некогда сейчас.

– Зря гребуешь... Твоя покойная матушка частенько захаживала. И мир был, и дружба была...

– Да Бог с вами... В следующий раз обязательно загляну.

– Ну гляди. Тебе виднее...

Я всегда любил ходить по одним и тем же улицам. Новые маршруты меня не влекли. Моё ветхое внутреннее равновесие питали сызмальства знакомые проулки и скверы. А нечастые архитектурные новости лишь подчёркивали его хрупкость. Почему я так дорожил этим отнюдь не фееричным и праздничным состоянием? Внятно ответить было невозможно. Но я подозревал, что если эта расстановка ощущений нарушится – случится нечто непоправимое. Так оно и произошло...

О чём разговаривали наши родители? О своей работе. Но разговоры эти вовсе не были скучными. О, сколько всего искрилось в родительских словах! Одутловатый, зеленолицый

завотделом, азартно клеющий пошедших на дно жизни со-трудниц-разведёнок. Крючконосая нахохленная секретарша-весталка, исправно оповещавшая коллектив о том, с кем начальник будет ужинать сегодня. Вечно озабоченная выгодной партией квакушка-хохотушка, ежедневно меняющая наряды местного производства. Изрядно потрёпанная семейной жизнью рыбоголовая чертёжница в тяжких раздумьях об ответе на ухаживания...

И анекдотов родители не чурались...

– Что такое демократический централизм?

– Это когда все вместе – «за», а каждый в отдельности – «против»...

Мне давно хотелось поговорить с водяным. И не потому что мне неинтересны люди... Это трудно назвать страстью к общению, но я зачем-то – порой ни с того ни с сего – звоню своим старинным знакомцам, с которыми не контактил годами. И они не отвечают. И раз, и два... А потом выясняется, что человек давно умер... И ощущение сформулировать не получается.

У них были огромные выпуклые, в крупных прожилках глаза. Они надвигались неспешно, глядели в упор и, казалось, улыбались. Их зелёные лохмотья пышно струились вдоль тусклых туловищ. Они глядели насквозь, и мнилось, будто что-то радостное различали вдали. Ко мне никакого интереса они не проявляли, потому страшно не было. Лишь одно жгучее любопытство яростно подначивало обернуться. Что же их влекло?.. Что же такое неодолимо манкое светило где-то далеко-далеко позади? Что же необыкновенное осталось у меня за плечами? Я хотел посмотреть, но у меня не было сил повернуть голову. Она точно выросла в шею... Впереди ничего весёлого не вырисовывалось, потому я страстно силился крутануться на сто восемьдесят... И понимал, чего это стоит... Я и раньше много раз пытался это сделать. Жуткая процедура!.. Но даже

когда выходило, никак не умел настроить своё зрение – а потому всю дорогу бесплодно пялился в речную мглу, сходил с ума, выдумывал невиданное...

Но водяницам дана была иная сетчатка, и они втайне ликовали.

– Ты в самом деле в медицинский случайно попал?.. А я на истфак поступила – благо туда народ особо не рвался. Занялась славянской мифологией...

– Медицина – тоже мифология.

– Это почему же?

– Потому как никто никого здоровым не сделает. Но заставить поверить – можно...

– Вот это санпросветработа!

– Как есть. Ну разве что в экстренных ситуациях выручить иногда или хворь бессрочную продлить... А тебя-то как на стезю этакую занесло?

– Из-за наших поздних бдений – речных да чащобных. Темь непроглядная, дрожь неуёмная, чудища подводные да небесные... Помнишь? Вот эта сомнительная братия меня и прельстила. И кому сейчас вся эта нечисть нужна? Поди попробуй продайся!..

– Она всегда нужна. И куда больше, чем кажется...

– А я-то думала, что это именно она мне всю жизнь загубила. Заманила в болото, зацекотала вусмерть...

– Одно другому не мешает. В нашей сказке без губителей никуда...

– А мы в сказке?

– Ты ещё сомневаешься?..

...кожа её светилась зеленоватым. Где-то чуть дальше угадывался какой-то секретный светильник. Что это за фокус? Она спала на боку спиной ко мне, и линия бедра зловеще контурировалась на этом разбавленном холодом подозрения свету... У меня под окнами фонарей нет... Откуда же эта

вкрадчивая подсветка?.. Я вдруг понял, что меня коварно и жестоко обманули. Но кто? За что? К чему вся эта ледяная игра в обличья?.. Я в ужасе приподнялся на локте и распахнул глаза...

Её волосы, лицо, грудь послушно двигались в такт дыханию. А неровное пунктирное посапывание лишь подчёркивало всамделишную работу лёгких... Я на всякий случай тронул её за плечо и убедился, что, слава богу, оно тёплое... Совсем с ума сошёл... Что же это такое происходит?.. Пришлось встать, подойти к столу, налить рюмку... Зелёные звёзды с издевательской прямоотой глядели на мою минутную трапезу. Редкие облака тёмными птицами висели над смутной душой. Лукавая река швыряла резкие отблески в пыльное родительское окно.

– Кстати, Блок не особо разбирался в древней мифологии. Есть такой у него стишок – «Сирин и Алконост». Это он в нежном ещё возрасте начертал, картин васнецовских посмотревшись. Там он просто-напросто перепутал этих самых пресловутых пернатых... Что мы у Александра Александровича видим?

...Закинув голову назад,
Бросает Сирин счастья полный,
Блаженств неведших полный взгляд...

А между тем создание это страшноватое. Даром, что птица райская – даже имя созвучно со стародавним названием рая – Ирий... Однако Сирин – птица тёмная, посланница властелина подземного мира. Кто послушает её голос, забывает обо всём на свете и обрекается на беды и несчастья. И никто и ничто не может заставить человека не слушать голос Сирина... А другая – Алконост – светлая птица, воплощение солнечного бога Хорса... А что у некогда юного сочинителя?

Другая – вся печалью мощной
Истощена, изнурена...
Тоской вседневной и всенощной
Вся грудь высокая полна...

– У него ещё про птицу Гамаюн стихотворение есть. Там вроде всё на месте...

Этой весной на улицах появились мёртвые голуби. Такого раньше не было. Или я просто не замечал, что происходит вокруг... Расплющенные шинами сизые тушки в мелких лужах, редкие грязные перья на обочинах, голодные вешние вороны, слетевшиеся на поживу... Поначалу я грешил лишь на прежнюю свою слепоту. Но вскоре критическая масса птичьих трупов влѣгкую перевесила груз сомнения... Что-то явно переменилось в ближних небесах. И прежним их обитателям стало более невозможно постно существовать над здешней землѣй, безропотно перебиваясь её скупыми подачками.

– А у Плещеева... Помнишь из школы?

Травка зеленеет,
Солнышко блестит,
Ласточка с весною
В сени к нам летит.

Дам тебе я зѣрен,
А ты песню спой,
Что из стран далѣких
Принесла с собой.

А ласточка, между тем, насекомоядная птица, а не зерноядная...

– Стало быть, с птицами в отечественной поэзии, как я понимаю, не сложилось?

– Да что с птицами! Там и прочей живности досталось...

...Вкруг шатра; в ущелье тесном
Рать побитая лежит.
Царь Дадон к шатру спешит...
Что за страшная картина!
Перед ним его два сына
Без шоломов и без лат
Оба мёртвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.
Бродят кони их средь луга...

Это наше всё, «Сказка о золотом Петушке»... Возникает вопрос: а луг с конями откуда взялся, если действие происходит в тесном ущелье? И ещё: как можно вонзить один меч друг в друга?

– Что делать? Разве ты не готова прощать классиков?

– Если б не прощала, о них и разговора не было бы...

...И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте...

У львиц, как ты знаешь, грив нет. Но как такого юношу не простить?..

Когда, наконец-то, собрались выйти – стемнело уже основательно. Лес сливался с рекой, а река – с небом. Но мы всё же разглядели, как с причала по-комсомольски задорно нырнула ласточкой игривая жена-утопленница в купальнике фирмы «Работница». И водяные круги отчаянно сверкнули под лунным приглядом.

– Если б я только представлял себе, какая ты роскошная женщина, – женился давно и бесповоротно.

– Если б тебе давным-давно не дали от ворот поворот...

Сосуды на её груди проступали отчётливо. Вены дружно ветвились прямо под кожей и настойчиво змеились вглубь. Они всё контрастнее множились вокруг сосков – голубели, синели, темнели... А потом и вовсе становились чёрной сетью на матовом – ноябрьскими кронами на вечернем небе, причудливым абрисом окончания, странным рисунком прощания...

Бёдра ширились, размывались, оперялись... И на глазах превращались в огромные птичьи крылья. Они дразнили и ужасали своим издевательским размахом. И росли, росли, наползая на обшарпанные стены и заслоня пыльное окно... Волнистый пол шёл речными бликами, в дальнем углу стремительно набухало грозное лоно... Через минуту из него показалась зеленоволосая голова с безумными радостными глазами и разинутым в изумлении ртом...

Первые роды я увидел на третьем курсе. Нашу группу отправили на ночное дежурство в роддом. Он располагался в старинном ветхом особняке, пару сотен лет назад завещанном местным олигархом родному городу. В ординаторскую нас, само собой, не пустили, и разношёрстный коллектив незадачливых дежурантов охотно рассосредоточился по просторным сумеречным холлам, непроглядным извилистым коридорам, пафосным пологим лестницам. Кто-то по внезапному требованию Эрота, кто-то для дерзкой встречи с Бахусом, кто-то ради сладких объятий Морфея... Облупленные статуи глядели на всё это безобразие с немим сочувствием.

Я же, по своей нерастраченной любознательности, расположился на кушетке невдалеке от родовой: и прикорнуть можно, и посмотреть, если повезёт... Когда ещё такой случай выпадет?

Здание было полупустым. Может быть, потому что почти разваливалось – через несколько месяцев роддом и вовсе закрыли из-за аварийного состояния... В полудрёме я

запросто здоровался с теньями, дружно гнездившимися в этих неудобных пространствах. Спорил, соглашался, негодовал... Подсказывал, как было бы лучше... Трудно сказать, сколько продолжались бы эти увлекательные беседы, но в непосредственной от меня близости послышался долгожданный топот акушерки: «Воды! отошли воды!» Грузная тётка в поисках дежурного врача потрусила дальше, а я тем временем засунулся в зальчик, из которого неслись крики... Кресло стояло за ширмой, по диагонали от двери. Чтобы увидеть, кто кричит, я проскользнул внутрь бывшей гостиной... Меж разверстых ног я увидел уже явившееся на свет, искажённое гримасой узнавания лицо, обрамлённое патиновой порослью... Более всего я поразился не наличию её, а цвету. А потому глядел как замороженный – минуту, другую... Пока за спиной не раздалось грозное: «А вы что тут делаете? Немедленно освободите помещение!» Последнее, что я там увидел, – это огромные насупленные вороны на голых сучьях под уличным фонарём. В старинном витражном окне он был изумрудным...

Чем дальше я жил в родительской избушке, тем прочнее становились позабытые, казалось, детские привычки. Неспешный подъём без будильника. Краткий заплыв по колючей воде, полной холодной ряски. Головокружительно крепкий индийский в огромной кружке. И, конечно, настольный репродуктор...

– ...западноевропейские технологии птицеводства в до-революционной России не прижились. Хотя питомники и хозяйства того времени разводили именно заграничную птицу. Она была модной и дорогой. Вообще занятие птицами считалось делом почтенным. Этому посвящались целые трактаты. Так, в 1774 году появилась книга академика Теплова «Птичий двор». И в ней рассказывалось не только о падуанских или гиланских курах, но и о местных поро-

дах, которые обобщённо именовались русскими... С начала XVII века в Москве в Измайловском зверинце народу показывали не только лесную дичь, но и всякую птицу. И она была важнейшей частью экспозиции... В 1855 году прошла первая выставка птиц. А в 1880 отечественные поклонники петушиных боёв основали Московское общество любителей птицеводства. А потом такие общества стали появляться и в других городах. Возникали племенные хозяйства, где внедрялись новейшие технологии. Птицеводы консультировали, проводили выставки и конкурсные испытания, поставляли чистопородных птиц всем желающим... С 1897 года Россия уверенно вошла в число лидеров по экспорту продуктов птицеводства, а с 1903 года она заняла первое место в мире в этой области. Доходы, полученные только от торговли продуктами птицеводства в России, существенно превысили доходы от оборота всей продукции животноводческой отрасли страны...

– А почему ты не рассказываешь о своей бывшей? Какой она была женщиной?

– В общем-то холодной... «О, Русь моя! Жена моя!..» Но мне это нравилось. Это оправдывало мою свободу.

– Я тоже не слишком страстная...

– А женщины у нас вообще не страстны. Они пристрастны.

– А ты не замечал, что они разные?

– Они одинаковые. А по большому счёту все они – одно. Одна... Разве нет?

– Это смотря как считать...

– Ну, если, конечно, как официальная статистика...

– Из этой статистики только статисты и произрастают...

А они кого хочешь изобразят. Хоть женщину, хоть мужчину, хоть сома донного, хоть крота почвенного... Слов, один чёрт, им не полагается...

Революция, гражданская война и последовавшие за ними годы налаживания новой системы привели к разорению всего, что было наработано: частных питомников, коллекций и птицеводческих хозяйств, в которых сохранялись представители богатейшего отечественного и ввозного генофонда. Большой бедой стала коллективизация и многочисленные кампании по раскулачиванию, они практически уничтожили местные породы и разновидности птиц в СССР. Курс на индустриализацию привёл к тому, что во всех хозяйствах утвердилась однообразная привозная птица.

Селекционная работа по разведению птиц в СССР снова началась лишь в конце двадцатых – начале тридцатых годов. Это было связано с ростом потребности в продуктах птицеводства. Для нового витка разведения птиц в СССР необходимо было развивать промышленные хозяйства на базе полноценных научных исследований. В рамках поставленных задач организовывались инкубаторные станции и профильные хозяйства. В Сергиевом Посаде открылся специализированный НИИ... Но все селекционные усилия по работе с птицами в СССР были направлены на достижение целей промышленного птицеводства, то есть на высокую продуктивность и экономичность. В планах было исключительно увеличение количества штук яиц и килограммов мяса. Многие отечественные дореволюционные и декоративные зарубежные породы остались в стороне от этого процесса. Основу для пород птиц СССР составили импортированные американские породы леггорн и плимутрок. Бесценный потенциал отечественных пород в расчёт никто не брал... Но напряжённая политическая обстановка шестидесятых заставила отечественных селекционеров активизировать работу. Результатом их усилий стало выведение порядка 20 новых пород птиц в СССР... Параллельно формировалось большое число новых линий и кроссов, которые удовлетворяли промышленность по своим характеристикам яйценоскости, скороспелости и экономичности... А в 1966 году Советский Союз был удостоен права провести

XIII Всемирный конгресс по птицеводству. Он с большим успехом прошёл в Киеве. И в честь этого знаменательного события была выпущена почтовая марка...

– Всё потому и рухнуло, что птиц разводили только из-за мяса и яиц...

– А может, потому что плохо разводили?.. Больше народ свой разводили, чем пернатых. Да ведь и сам народ наш, если не разводят его, что-то недоброе подозревает... «Ах, обмануть меня не трудно!.. Я сам обманываться рад!» Так что развод – это социальный заказ...

– Стало быть, всё было правильно.

– Всё было, как было...

– Знаешь, что у бедных школьников в тестах по литературе спрашивают? Почему в названии гоголевского сочинения «Майская ночь, или Утопленница» последнее слово написано автором с заглавной буквы?

– Нынче в нашей стране среднего образования я получить бы не смог... А ты, я погляжу, училка ещё та... А у тебя в школе прозвище есть?

– Не интересовалась... Между прочим, у Николая Васильевича тоже блохи есть...

– Они в то время процветали...

– Ты находишь, что время сильно изменилось?.. Так я о своём, о «Мёртвых душах». Детей же этим сочинением мучаю... Там со временами года беда. В начале вообще неясно, что на дворе. Явно не зима, потому что Чичиков путешествует в бричке, а не в санях, но осень, весна или лето – сказать сложно. Во время поездки к Манилову Чичиков кутается в шинель, видит мужиков в овчинных тулупах, что заставляет предположить, что на дворе поздняя осень, ближе к зиме. Но потом вдруг дорога становится по-летнему пыльной, появляется зелень, в пруду по колено в воде бредут бабы. А уже через

пару дней, когда Чичиков, объехав помещиков, будет в городе оформлять купчую, – он снова в шинели. А Манилов ещё и в тёплом картузе с ушами... Правда, говорят, что это он нарочно. Дескать, приём такой у него. Этакая длящаяся неподвижность... Ну, не знаю. По-моему, извечная наша безалаберность...

– А может, в этом подколка какая хохляцкая?

– Вряд ли... Кстати, хохляцкого в облике его было мало... Знаешь, каким Айвазовский его увидел? «Низенький, сухощавый, с весьма длинным, заострённым носом, с прядями белокурых волос, часто падавшими на маленькие прищуренные глазки. Гоголь выкупал эту неприглядную внешность любезностью, неистощимой весёлостью и проблесками своего чудного юмора, которыми искрилась его беседа в приятельском кругу».

– И откуда у хлопца испанская грусть?.. То бишь итальянская...

– Наверное, там писалось лучше...

– Потому что вовремя из возка птицы-тройки выпрыгнул...

– Может, и ты там на что-нибудь эпохальное сподвигнешься?

– Нет уж, увольте. Не желаю в гробу буйствовать...

Эпидемия возникла потому, что напрашивался какой-то событийный рубеж прежним друзьям, прежней любви, прежней литературе... Всё итожилось, распадалось, исчезало... Но время как будто не решалось подвести, наконец, жирную черту. Будто всё подыскивало – устало и с тайной надеждой на неудачу – подходящий письменный прибор. И вот Бог протянул то самое перо... Интересно, что нет никакого желания возвращаться к тому, что отграничено этой самой божьей линией. Потому как жить по старым лекалам будет невыносимо скучно...

Формулировать можно бесконечно. Это забавный процесс, чреватый многими и многими странными открытиями... Но нужны ли они нынешней живности в здешнем лесу?

– А у Льва Николаевича со временем просто чертовщина творилась... Может, Гоголь оттого в гробу и перевернулся... Каждый герой «Войны и мира» стареет по индивидуальному графику... Календари у всех разные... Так, в 1805 году Наташе тринадцать лет, Вере – семнадцать. Через год Вере исполняется двадцать. Наташа же через четыре года вырастет только на три. Но к тому моменту, когда Наташе исполнится шестнадцать лет, Вере станет уже двадцать четыре. Четырёхлетняя разница в возрасте между сёстрами вырастет в два раза...

Да и не только со временем у Льва Николаевича нелады... В той же «Войне и мире», заводя речь о Кутузове, Толстой всю дорогу забывает, что главнокомандующий обладал лишь одним глазом... А что видят читатели? «...губы Кутузова дрожали, и на глазах были слёзы»; «...глаза его блестели глубоким, умным выражением»; «...сузившимися, повеселевшими глазами взглянул на Вольцогена»...

– ...и читатели, поражённые живостью и исторической достоверностью образа великого полководца, не замечают этих трогательных шероховатостей...

– И Фёдор Михайлович недалеко ушёл... Дарья Онисимовна из романа «Подросток» к концу книги становится Натальей Егоровной... А комната старухи-процентщицы из «Преступления и наказания»! «Мебель, вся очень старая и из жёлтого дерева, состояла из дивана с огромною выгнутою деревянною спинкой, круглого стола овальной формы перед диваном...» Нужно сказать, что Михаил Никифорович Катков, издатель «Русского вестника», где и публиковался роман, обратил внимание Достоевского на эти строки и посоветовал определиться с геометрией стола. «Оставьте так, как есть», – подумав, отвёл классик.

– Да, русская литература вообще попугала всех и вся... И оставила всё как есть.

На берегу было темно и тихо. Редкие водяные блики нехотя скользили по течению. Чёрные кроны лениво кренились под

тяжестью невидимых птиц. Сонные звёзды едва выглядывали из-за исполинских туч... Я был уверен, что ждать придётся долго. Но оказалось, что прогнозы – не моя стихия...

Вдруг вода в десятке метров от меня вскипела, и яростные брызги засверкали при лунной подсветке. «Как всё быстро меняется», – мелькнуло в башке заскорузлого идиота...

– Ну, что? Дождался?

– Не чаял, что ты так быстро...

– Быстро? А кто сызмальства меня поджидал? Или думаешь, я не вижу ничего?.. Даром, что в придонных корягах век коротаю, а вот, поди ж ты, не ослеп...

– Вот уж не думал... Спасибо.

– Ну, я ж не зверь какой. Хоть и похож, что и говорить... Рассказывай, с чем пожаловал.

– Спросить тебя кое о чём хочу... Посоветоваться...

– Прямо как с наставником на производстве...

– Вроде того.

– Тогда, подшефный, валяй.

– Скажи, теперь – когда-то и наше советское производство, и это недоделанное на дно ушли – заводы под водой дышат как-то?

– А кому дышать-то? Они ж задохнулись уже...

– Да я про людей...

– А воздух для них – вовсе не предмет первой необходимости. От него давно отвыкли...

– Ты думаешь, можно обойтись?..

– Обходятся. А ты это с какой стати интересуешься? В пучину нацелился?

– Типун тебе на язык... Просто спросить хотел, поговорить о важном. Теперь ведь эти разговоры никому не понятны и не нужны. От них кругом вред один...

– А то милости прошу. Заодно и нам поможешь. План-то выполнять надо...

– Какой такой план?!

– Продовольственный. У нас хозяйство плановое... Вон глянь, сколько энтузиазма в русле...

И я вдруг увидел высунувшиеся из воды головы... И не понял даже, слушали они весь наш разговор или явили себя только что по мановению начальства... Многие оставались в тени. Но иные попали как раз в лунную дорожку. И я хорошо разглядел крючковатый нос секретарши, жабы щёчки модницы, рыбы глаза чертёжницы... В повисшей тишине они вопросительно глядели на водяного.

– Почему кругом молчат? – предварил моё недоумение тот. – И в самом деле непорядок... Работать надо.

Он трижды хлопнул в растопыренные щупальца, и раздалось вначале тихое, а затем всё более мощное пение. В этом хоре можно было различить и клёкот, и уханье, и плач... Но общее звучание выходило дразнящим, энергичным, призывным... Только манкость эта была нисколько не опасной. Как у прежних песен про БАМ или Казахстан. Авторы и слушатели охотно подмигивали друг другу и с комсомольским задором улыбались... И я тоже невольно ослабил сознательным речным сиренам. Ничего не попишешь – закон жанра...

– А что бы ты сказал, если я захочу полететь с тобой?

– Я бы сказал, что это невозможно.

– И почему же?

– Потому что ты и есть Родина, от которой я бегу. И к чему тогда дёргаться...

– А непременно надо бежать?

– Надо. Иначе я изведу себя этим вопросом до смерти...

– Да ладно – живи... Шучу.

Мы стояли на краю леса у пологого берега. Зеленоватые речные блики вспыхивали совсем рядом... В десятке метров от нас уже начинались выдавшие виды домики с редкими оконными огнями. Домики были дощатыми, куцыми, жалкими... Они стояли почти вплоты – наделы были мизерными. Но и

этому первые дачники были рады без памяти. Собственный загородный дом!.. Капитальное строительство здесь было запрещено с самого начала – с шестидесятых. И запрета никто не снимал...

– Ты заметил, что в детстве мы возвращались домой долго-долго? А нынче вышли к родным пенатам почти сразу...

– Очевидно, кардинально поумнели.

– Если бы так – не застряли бы здесь наглухо...

– Не бойсь. Скоро всё одно отсюда исчезнем...

– Смотри!..

Я увидел, как полупрозрачное, едва различимое облако, точно речное чудовище, переползло с водной поверхности на берег и накрыло квёлые обшарпанные будки. И трухлявые доски разом покрылись мелкими гребнями бесцветного пламени. А через пару мгновений гребни росли уже из всех окон... Пламя яростно цвело в полной тишине, а потом грянули крики... Я вытащил мобильник и набрал службу спасения.

– Уже знаем... – ответила трубка.

Я незаметно и безотчётно переключился на дачный распорядок дня. Подъёмы в половине шестого решительно ушли в прошлое. Очнувшись ни свет ни заря, я вновь забывался сладким сном. А из постели выбирался, когда светало уже вовсю. И чувствовал себя от поздних побудок куда бодрее прежнего. А потому в эти ранние часы безоговорочно шёл на поводу у Морфея...

Когда в дверь постучали, я открыл глаза и увидел сизый предутренний сумрак, наплывающий с веранды. Кого это несёт? Выбираться из-под одеяла категорически не хотелось, и я минуту-другую медлил с возвращением к яви, лукаво надеясь, что это мне просто приснилось. Однако стук повторился. На сей раз он был громким и настойчивым. Стало понятно, что объясниться придётся...

– В чём дело? – спросил я из-за двери.

- Откройте. Полиция, – бегло ответил бесцветный голос.
 - Чем обязан?
 - Мне необходимо с вами поговорить.
 - А почему я должен вам верить? Может быть, вы грабить пришли...
 - Подойдите к окну. Я покажу вам удостоверение.
 - Да ладно. Чего уж там...
- На пороге стоял средних лет мужичок без погон и особых примет.

На другом берегу у самой воды виднелись две фигуры. Мужчина и женщина. Они недвижно стояли, взявшись за руки. Река в этом месте была широкой, и в наползающих сумерках трудно было рассмотреть их лица. Однако мне они сразу показались знакомыми. Я даже был уверен в этом... Но различить их черты не получалось – темнота густела и размывала береговую линию. И чудилось, что их тела вырастают прямо из чёрной воды... Река всё ширилась, сливалась с небом, превращалась в бескрайний океан... И фигуры удалялись, тускнели, исчезали в непроглядных недрах последнего сна.

- Хочу задать вам несколько вопросов.
- Слушаю.
- В котором часу вы обнаружили воспламенение?
- Точно не скажу. Наверное, часов в десять вечера.
- И где был очаг возгорания?
- Такое впечатление, что везде...
- А если точнее?
- Показалось, что всё началось с реки.
- Это только у Корнея Чуковского реки горят... Вам в детстве не читали?
- Наверное, просто показалось...
- Меня интересует то, что вы видели, а не что вам показалось.
- Я увидел, что всё горит, и позвонил...

– То есть вы решили позвонить, когда огонь уже распространился на многие постройки?

– Я ничего не решал. Увидел – и позвонил...

– Хорошо. А вы принимали участие в борьбе с огнём?

– Нет, я не был в самом посёлке....

– То есть ко времени начала пожара вы из жилой зоны ушли?

– Да.

– А с какой целью, позвольте полюбопытствовать?

– Вышел прогуляться.

– Вы всегда гуляете в это время?

– У меня нет определённого времени для прогулок. Гуляю по настроению. Я на даче...

– Но именно в тот вечер настроение возникло?

– Не понимаю, к чему вы клоните.

– Просто интересуюсь. Это моя обязанность.

– Да, конечно.

– Что ж, спасибо. Позвольте откланяться. Не обессудьте, если потревожим вас ещё.

– Бога ради. Только вряд ли я чем-то смогу помочь.

– Кто знает? Никто не знает... Пока.

Здесь, на обломках прежнего государства, я надеялся выпасть из поля зрения нынешнего. Выдохнуть, развеяться, забыть о причастности... Разумеется, можно было браво перешагнуть порог истощенности и загреметь в депрессию, в запой, в психиатрический стационар... Дело известное. Только от него бежать нужно. А куда бежать от сегодня, как не в детство?

И я в самом деле думал, что мне это удалось... Пока держава не напомнила о себе. Решительно и, как всегда, бесцеремонно. Я так привык к этому державному стилю, что ничуть не удивился, а даже выдохнул с облегчением. Значит, я не во сне...

Бородатый вспомнил анекдот...

Поздней ночью стучат.

– Кто там?

– Почтальоны!

Хозяин открывает, а там товарищи в штатском.

– Абрам Моисеевич, какая страна самая богатая?

– СССР!

– А где самая счастливая жизнь?

– В СССР!

– Тогда какого чёрта вы решили перебраться к капиталистам?

– Понимаете, там почтальоны не будят людей в три часа ночи!

– Почему мы с вами нынче встречаемся? Потому что выяснились дополнительные обстоятельства произошедшего.

– Какие же, интересно?

– А вы сами ничего в этой связи не хотите сообщить?

– Вы любите говорить загадками?

– У меня предложение. Давайте вопросы будет задавать кто-нибудь один. Я, например. Принимается? Вот и хорошо... Итак, ничего?

– По-моему, предмета разговора попросту нет.

– Ладно. Вы, вероятно, хотите делегировать свои гражданские обязанности мне... Поступил сигнал, что вы, владея домиком и участком в дачном товариществе, намеревались приобрести и другие домики и участки в нём. Так ли это?

– Таких намерений у меня не было. А хоть бы и были... В чём тут криминал?

– Не имея намерений, вы, тем не менее, обсуждали их со своими знакомыми. Странно, не правда ли?

– Говорить я могу, с кем хочу и о чём хочу. И никаких домиков я не покупал...

– Вот и я думаю, зачем их покупать втридорога, халупы эти... Жить в пяти конурах сразу один чёрт не будешь... Тем более в гордом одиночестве. А вот территорию под поместье себе освободить – это самое то... Свой-то надел куцый. Тесно ведь?..

– А вы бесцеремонны и фамильярны. Это метод работы такой?

– Опять вопросы... Я просто размышляю вслух... А цены на выгоревшие участки и в самом деле бросовые...

– Спасибо за информацию. Я подумаю.

– Вот и отлично. Подумайте. Хорошенько подумайте...

И я с улыбкой подумал об их проницательности... Ну, не смешно ли, что мои намерения видятся с точностью до наоборот? И так ли это смешно?

Что меня всегда здесь больше всего расстраивало? Немереные вложения своего нутра и почти никакой выхлоп... Закон сохранения энергии не работает. Да и другие законы недалеко ушли...

– Здравствуйте, тётя!

– Привет, привет...

– Что-то давненько на чай к себе не зовёте. Или стряслось чего?

– А то ты сам не знаешь...

– Напрасно. Я бы столько интересного вам бы порассказал... Не пожалели бы.

– Да? А что ж ты раньше молчал?

– Так разве могу я с вами тягаться? Вы ведь прямо-таки на шедевры разговорного жанра горазды. И не подозревал за вами такие таланты...

– Это ты о чём?

– О птичках. Вон их сколько в лесу нашем... Но что-то так, как вы заливались, – таких не сыскать.

– Да ты шутник, оказывается...

– Кто кем только нынче не оказывается...

Люди – на то они и люди, чтобы расставаться. И нет ничего трагического в том, чтобы распрощаться при жизни. Потому как смерть – всего лишь один из вариантов завершения общения.

– С какой целью, когда и где вы родились?.. Была такая шутка про следователя...

– Думаете, я пристаю к вам по своей природной кровожадности? Поймите, погибли люди... Вы когда-нибудь видели обгоревшие трупы? Скрюченные пальцы, торчащие рёбра, жуткие посмертные улыбки...

– Да. Разные ситуации бывали. Я врач...

– Знаю, знаю... Нынче быть врачом престижно...

– Я был врачом вчера.

– А я вчера был солдатом. Приднестровье, Карабах, Абхазия... И что с того?

– Ничего.

– Вот и я о том же. Мы говорим о сегодняшних проблемах.

– Вы называете это разговором?

Я старался не думать о том, что совсем не знаю языка. Нужно было учить его и учить. Но это для меня сложно... По правде говоря, для меня и русский сложен до отчаяния... К примеру, «охрана» и «защита» – это синонимы, а «правоохранительные» органы и «правозащитные» – антонимы... Ну что на это скажешь?

О чём же я думал? О зелёном цвете. Этот цвет живого и мёртвого – единственное моё достояние. И меня не лишит его ни при каких обстоятельствах... А не вступить ли мне там в «Партию зелёных»? А что, я бы внёс свежую струю, расширил смыслы... Эх, если б я только был способен на членство!

Я не помнил этого места на берегу... Плоский мыс округлыми очертаниями походил на грушинскую гитару-эстраду. Там были люди, но фигур в темноте я не различал. Слышались гомон, смех, восклицания... Собравшиеся явно не скучали. И Бог с ними... Я бы так и проскочил мимо... Но почему я совершенно не помнил этого места? Мне же сызмальства здесь знакома каждая коряга! Может, я из памяти выживаю?.. Или так всё изменилось за эти годы?.. Или зрение бессовестно подводит?..

И вдруг меня позвали... Голос был знакомым. В последние дни я стал узнавать его безошибочно... И я, конечно же, подошёл. Но человек без погон только глянул в мою сторону и продолжил разговор с массивным одутловатым субъектом.

– И почему же вы позволили себе морально разложиться напрочь?

– Да всё из-за пьянки проклятой... – виновато пролепетал завождем.

– Не нужно путать причину и следствие. Особенно следствие...

И человек повернулся ко мне.

– Может быть, вы нас рассудите?

– Позвольте поинтересоваться... Или вопросы – исключительно ваша прерогатива?

– А вы злопамятны...

– Ну что вы! Я лишь легко обучаем... А что до предмета разговора... Толочь воду в ступе – не самое эффективное занятие. Нет никаких причин и следствий. Есть процесс. Повлиять на него нереально. Можно лишь либо участвовать, либо нет. Товарищ участвует, а я пас... А, кстати, беззастенчиво использовать выпавших из процесса для своих надобностей – некрасиво...

И я погрозил пальцем и завождем, человеку без погон... И любезно раскланялся со стоявшими невдалеке крючконосой секретаршей, полногрудой квакушкой-хохотушкой и чертёжницей, похожей на немолодую рыбу. В руках они держали коктейли с трубочками и что-то весело обсуждали. Судя по всему, я попал на вечеринку...

Оглянувшись, я увидел пышнотелую особу почтенных лет с папиросой в углу рта. И решительно направился к ней.

– Очень хотел бы с вами познакомиться. Как вас зовут?

– А ты что, не знаешь?.. С луны, что ли, упал?..

– Отчего же вы не хотите со мной знаться?

– Да ты ещё дитём с маманей своей ко мне каждый вечер на чай забегал... Хороший она была человек. Не тебе, малахольный, чета. Ох, и вырождается народ... Просто страх божий!

– Целиком и полностью разделяю ваше отчаяние, уважаемая, уж не знаю, как и поименовать – из народа. Спасибо, что так полнокровно отражаете типические черты!

– Да ты просто сволочь...

Не берусь предположить, что произошло бы дальше... Но вдруг вода вскипела, и из неё показалась огромная усатая морда в волосах-водорослях...

– Ну что, не надумал? У меня вон и невест пруд пруди...

И из речных недр возникли головы его питомиц.

– Я же хочу улететь, а не утонуть...

– Да, кому улететь, тот не утонет...

– Мы улетим вместе, – внезапно появившаяся спутница по детским прогулкам крепко схватила меня под руку и повлекла на дальний край мыса. Оттуда было видно, как мужчина и женщина на противоположном берегу уходят всё дальше от воды...

– Так летим?..

Ответить я не успел... Грянули дикий вой, тяжкое уханье, истошный визг... А потом раздался хохот. Жуткий хохот, от которого иссякло дыхание...

«Очень прошу вас позвонить. Нам необходимо встретиться. Хотел бы задать вам ещё несколько вопросов».

Я всегда удивлялся, что, по странному стечению обстоятельств, не заболел. Столько работал с инфицированными, помогал, как мог, напрягался по наивности... Пока не понял, что, по утверждённому сценарию, переболеть должны все. Предприятия должны работать, а люди – хворать... И прививки – разумеется, не выход, а только отсрочка... Ну, чуть позже организм просядет... И там, куда я направлялся – те же понукания

и исходы... Другую систему координат не выдумали. Но чтобы не стать одной из мёртвых точек на необозримых полях этой системы, нужно перемещаться. Обязательно перемещаться, чтобы в каждый новый момент отсутствовать на прежнем месте. И тогда никакая система тебя не зафиксирует. И никакое время тебя не пленит... Это же так просто.

Они продолжали присылать мне эсмэски. «Убедительно просим в течение трёх суток известить о вашем местонахождении. В противном случае будем вынуждены принять соответствующие меры. За препятствование следственным действиям в соответствии с законодательством предусмотрена административная или уголовная ответственность».

...даже когда самолёт оторвался от земли, я так и не поверил во всамделишность происходящего. Даром, что реалии эконом-класса были более чем земными... Сломанный рычаг кресла, мятый стаканчик в тесном проходе, блямба жвачки у иллюминатора... Но чудилось, что всё это инсценировка, розыгрыш, чья-то злая шутка... Я посмотрел сквозь стекло и различил реку, лес, кубики домиков. Всё это на поверку оказалось крошечным, игрушечным, ненастоящим. А потом ключья облаков стали всё чаще заслонять то, что осталось далеко внизу... А вскоре и вовсе слились в молочную пену.

...сквозь прикрытые веки я различал невиданное пернатое с громадным, уходящим в пучину, туловищем и невообразимо длинной – под облака – шеей. Голова – оттого, что была на жуткой высоте – казалась маленькой, будто выя этого странного существа попросту сходила на нет, завершаясь нелепым крючковатым клювом. Крылья нездешнего причудливого создания, с тусклыми пятнистыми перьями, были угрожающе велики... Казалось, это лишь призрак, исчадие немолодого воображения, ухмылка лукавой оптики... Но вдруг правое крыло

отлепилось от исполинского остова и медленно, властно заполняя собою небо, поползло всё выше и выше... Тварь встрепенулась, по морю пошли частые буруны, грянуло в сумраке петушиное пение... И тут из-под спуда выкатился небольшой розоватый шар, который начал на глазах расти и наливаясь кровью огня... Так это же Страфиль-птица, всем птицам мать! Отечественная реинкарнация сказочного страуса. Даром, что в морях гнездится – но как раз земли от бед вселенских стережёт, следит, чтобы новый день всякий раз наступал... Значит, всё будет продолжаться... И я безбоязненно открыл глаза... И вспомнил, что ещё в 1896 году на заседании Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений барон Фальц-Фейн сделал резонансный доклад «О разведении страусов в России». Странные мысли порой лезут в голову, не правда ли? Да и где теперь она – Россия?

«Нам необходимо определить, почему всё произошло именно так, а не иначе. Это необходимо для сохранения законности и правопорядка. И во избежание повторения случившегося. Менее всего хочется, чтобы складывалось впечатление, будто следственные действия обусловлены некими сторонними мотивами и направлены против вас лично. Это досадное заблуждение. Закон для всех одинаков. И никаких мотивов, способных поколебать это утверждение, попросту не существует. Очень рассчитываем на вашу помощь».

Я бы и хотел помочь следствию. Но чем я могу помочь?

Илья

Скелет из семейного шкафа

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий...

М. Л.

На станции перрона не было – сразу февральский снег... С подножки мы плюхнулись в обледеневший сугроб. Дорожная сумка ушла в него целиком. Бабушка собралась выругаться, но сдержалась... Ломая колкий наст, она с горем пополам выволокла меня на дорогу и указала на несколько разнокалиберных шлакоблочных строений: «Тут недалеко...»

Шагали мы часа полтора. То спотыкались на скользких кочках, то вязли в ледяной мязге, то останавливались, чтобы перевести дух... Бабушке было за восемьдесят, и переход давался ей непросто. Но вида она не показывала – подшучивала, толкалась, покрикивала... Закалка была ещё та.

...Мы опоздали совсем немного. Он умер вчера вечером. А сегодня его собирались хоронить. «С чего вы взяли, что на третий день? – удивился главврач. – Это религиозные предрассудки...» Как выяснилось, одежда на этот случай была припасена загодя. Не было только подходящих ботинок...

Мы шли с бабушкой по широкой улице. Она начиналась прямо от интерната для пожилых и уходила чуть ли не за горизонт... В посёлке она была единственной. Мы усердно озирались по сторонам в поисках промтоварного магазина – как утверждали местные, там продавали и обувь. Но отыскать тор-

говую точку у нас не получалось... В отрочестве бабушка какое-то время жила в этом посёлке, и потому всюду силилась различить прежние черты. Но прошло семь десятков лет...

По вечерам, укрывшись одеялом, я любил слушать странные бабушкины истории. В них говорилось об удивительных вещах, которых в жизни не бывает. Но вещи эти казались гораздо более важными, чем сама жизнь. И они становились снами – цветными, яркими, пугающе реальными... Вот Елисей ловит на лету плащ Илии, ударяет им по воде, и река расступается, позволяя перейти преграду посуху... Вот он проклинает целую толпу дерзких детей, и дикие медведицы разрывают их на части... Вот молитвой об обильном изведении влаги спасает от гибели стоящие в безводной пустыне войска Израильского и Иудейского царей...

Мне было лет семь-восемь. После самозабвенной игры в штандер, окрылённый победой, я возвращался домой. Взлетел по лестнице, трижды нажал дверной звонок и громко крикнул: «Это я!» Но к двери никто не подошёл... Я помялся на лестничной площадке, позвонил ещё несколько раз, спустился и сиротливо присел на лавку у подъезда. На соседней лавке сидел худой пожилой человек с коричневым лицом. Рядом у штакетника стоял грязноватый баул, окружённый липкой бордовой лужей. На кольях ограды сушились две треснутые банки из-под варенья.

– Парень, а ты не знаешь, здесь ли живут... – и он назвал нашу фамилию.

– Да, – буркнул я озадаченно.

– А не в курсе, они куда не уехали?

– Не в курсе.

– Ну, тогда подожду ещё... Гостинцы вот родственникам вёз, да не довёз, – он с огорчением указал на пострадавшую тару, достал из кармана папиросу и закурил...

– Я, парень, в родных местах редкий гость – всё по стране мотает, – продолжил он после долгой паузы, – то севера, то Урал, то Алтай... Где-то и подолгу задерживался... В дальних краях люди другие. Не в том плане, что лучше или хуже... А о вещах судят крупнее, не мелочатся почём зря. Понятно, что не все подряд – особенно которые не по своей воле туда прибыли... Но в целом – такая штука имеется. Там сама природа диктует: по пустыкам разменяешься – сгинешь...

А как на родину попадаешь – кругом хитрожопость, возня, подозрительность... Будто в кадушку с дерьмом, прости, господи, окунули. Когда жил тут – вроде бы и не замечал, вроде бы так уж оно и положено... А как новыми глазами глянешь – так себя прежнего в идиоты и зачислишь...

А там – кедрач роскошный, зверь наглый, воздух ядрёный... Перед этакой цельной перевозданностью мельчить запаadlo. Всю широту разом принимать надо...

Мне нравилось его обращение «парень» – никакой наигранности в голосе не было. И то, что он говорил со мной о серьёзных материях, – скидок на возраст не делал. К тому же я просто бредил неведомыми землями – дикими, страшноватыми, непредсказуемыми. С дальними медленными дымами, молчаливыми небритыми кострожогами, огромными тяжёлыми звёздами...

И вообще (трудно определить, чем), но незнакомец располагал к себе. Сухой, нервный, с лукавым прищуром... Но признаваться в родственных с ним связях я не решился.

– Я ведь и в странствия пустился, чтобы всё в себя вместить, чтобы внутри простор был, чтобы душа углой жизни не стеснялась... А уж сколько умопомрачительных песен наслушался! Был в тех краях, где самая лучшая наша певица сначала лес валила, потом из него клуб строила, а потом в этом клубе кон-

церты давала... Какой голос! Мощный, необыкновенного тембра, звонкий, резкий, пронзительный. Чудо... Диапазон – от контральто до сопрано. Ты знаешь, что такое «контральто»?

– Я и про сопрано ничего не знаю...

– Не важно. Когда качество грамзаписи было из рук вон плохим, такой голос был в особой цене. Его легко можно услышать сквозь любые помехи, как бы радио ни шалило... Сила! Одни «Валенки» чего стоят... Какую-то пустяковую песенку в настоящий гимн превратила. Да ты, наверное, и не слышал?

– Слышал, – возразил я и не соврал.

На улице между тем темнело. В окнах уже загорались огни, и по странному предубеждению к шторам частная жизнь становилась достоянием всего двора. Мой новый знакомый долго взирал на детские шалости, кухонные хлопоты, семейные разборки...

– Адольф Игнатъевич после отсидки ото всего этого отошёл... С Рут отношения разладились... В Хабаровском крае с его лагерным оркестром выступала Антонина Грачёва, от которой у него родился сын Владимир... Позже был переведён на Колыму, где сошёлся с танцовщицей Маглага Мариной Бойко, которая также родила ему дочь, Ирину... А уже на свободе жил с танцовщицей Галиной Ходес... Совсем другая жизнь... Кто знает, что лучше?..

– Вы о чём?

– Это я так... Прошу прощения – забылся... Он всё равно потом умер. Потому что вернулся...

– Куда?

– В Германию.

– А почему?

– Потому что он там родился...

– Кто?

– Этот самый Эдди...

– Вы снова забылись?..

– Слава богу, нет. А по-твоему из Эдди не мог получиться Адольф Игнатъевич?

– Скорее наоборот... Но кто из кого получится, одному Богу ведомо.

– Да ты, я гляжу, совсем взрослый... А Эдди умопомрачительную музыку делал.... И в Берлине, и в Варшаве... А как они со знаменитой режиссёршей Идой Каминской и её дочерью еврейскую Пасху трепетно встречали! В седер ставили на стол лишний прибор для того, кто попал на небо живым, открывали дверь, четыре раза поднимали бокалы с лучшим вином и ждали... Чтобы не числиться тёзкой Гитлера, он даже имя себе немного подправил – стал зваться Ади... Это только потом он в Эдди превратился... Уже в Белостоке... Недаром Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, главный в то время белорус, его к себе приблизил. Джаз, старая партийная каналья, любил... Он для Эдди и оркестр организовал, и целый поезд оркестру выделил. Концерты, концерты, концерты... По всей стране катались. Вся жизнь на колёсах. Прямо как у меня...

– У вас транспорт есть? – с надеждой спросил главврач.

– Какой ещё транспорт?! – возмутилась бабушка. – Мы сюда обычным паровозом за тридевять земель тащились. Личных автомобилей не держим.

Главврач тяжко вздохнул и надолго замолчал.

– Могилу соцобеспечение выроет...

– Уже вырыло, – мрачно усмехнулась бабушка. – А отчего он умер?

– Умер? – эхом отозвался главврач. – От сердечной недостаточности. Как и все у нас...

И главврач широко вдруг разулыбался...

...Окно на нашем этаже отворилось, и из него выглянула бабушка.

– Этот тюремщик совсем ушёл? – на весь двор спросила она. – Или грозился вернуться?..

Я задрал голову и пожал плечами.

– Иди скорей домой. А то неровен час по новой явится...

– А как он жил тут?

– Сначала права качал, скандалил. А потом вдруг стал тише воды, ниже травы, – раздумчиво констатировал главврач. – А почему вы спрашиваете? Вы ведь при жизни не слишком им интересовались.

– Так и он к нам приязнью не горел...

– Да, нынче это для родственных отношений норма...

– А что же тогда отклонение?

– Любовь...

Нам выделили крытый грузовичок и двух упитанных мужиков, электрика и сантехника – даром что Илья богатырскими габаритами не отличался, гроб был жутко тяжёлым... У мужиков соответствующий опыт имелся, и они не мешкая собрали необходимое для подобных случаев: молоток, гвозди, две табуретки...

– Ох, и брательник у меня! Наградил же Господь... А знаешь, что ты едва его тёзкой не оказался?.. Ты ведь аккурат на Ильин день родился... Не случилось. Но что ни делается – всё к лучшему... Ты всё ещё не переделся? Сколько тебя ждать? До Второго пришествия?

– А что это такое – Второе пришествие?

– А это когда Иисус на Землю вернётся.

– А что, это будет не скоро?

– Когда помрачение Солнца и Луны случится. Вообще оно уже случилось, но ещё не безраздельное... И когда проходимцы разные, вроде братца моего, души смущать начнут...

– Это знаки такие?

– И землетрясения, и разор – всё знаки... Только никто замечать их не желает... Что ты копаешься? Борщ стынет!..

У кладбищенской конторы подхватили копачей. В моём представлении могильщики должны были быть жизнерадостными, брутальными, циничными... Но эти хмурились и молчали и всю, до крайнего захоронения, дорогу молчали. Судя по одутловатым их лицам, похмелье одолевалось трудно...

– Бабушка, а кто он, твой брат?

– Шаромыжник. Где-то чего-то уволок... Понятно, что закрыли. Потом ещё... Потом то там, то сям кантовался, колесил бог знает где... Кем только не был! Был даже директором вагона-ресторана... Но, ясное дело, недолго... Да ладно. Марш ужинать!

– А мы в кино завтра пойдём? – торговался я.

– Пойдём, пойдём... Ешь, вон, иди...

– А там перед фильмом «Хочу всё знать!» будет?..

Я очень любил этот киножурнал – неожиданный, стремительный, весёлый... Фильм можно было представить себе заранее. И предварительное ощущение, как правило, не обманывало. А журнал перед ним – это всегда фейерверк неведомого. Я ведь и в самом деле хотел всё знать...

Ветер то налетал, то стихал, снег то занимался, то прекращался... По серому насту густо шли проплешины суглинистого грунта. Вокруг торчали простые деревянные кресты.

Мужики извлекли из кузова табуретки, поставили их у вырытой могилы. Затем, кряхтя и тихо матерясь, с трудом вытащили гроб и водрузили его на импровизированный постамент и сняли крышку. Копачи безучастно взирали на происходящее и курили...

Лицо Ильи было гладким, розовым, морщины расправились... Он прикрыл глаза и слегка улыбался. В чертах его сквозили решимость и лукавство... Занимающийся снег падал на его лоб и щёки и таял...

– А почему он в плаще? – возмутилась бабушка. – Вы что, с ума сошли?

– А что? Отличный плащ. Ненадёванный почти... Выкидывать, что ли? – резонно возразили интернатские мужики. – И очень идёт, кстати... Хотите, можно и снять...

– И как вы это себе представляете? Совсем уже тронулись. Пусть будет как есть, – бабушка зло сверкнула глазами и перекрестилась.

Свинцовые тучи угрожающе нависали, ветер легко пронизывал куртку, ледяная сырость забиралась за воротник... Я вспоминал, как незадолго до этого лежал с воспалением лёгких. Необоримый озноб, горячее молоко, приторный мёд... Жар, переходящий в зримые картинки... Плоскогорье, песок, белые камни...

– Живой... – выдохнула бабушка и высморкалась в носовой платок.

Я не знал, что от меня в этой ситуации требуется. И, помедлив, подошёл к гробу, положил ладонь на грудь Ильи и долго вглядывался в его лицо, стараясь запомнить. Я подумал, что уместным будет сказать несколько слов, но слов этих не нашёл...

– Ну, вот и попрощались... – заключила бабушка и призывно поглядела на мужиков.

Те сноровисто прикрыли гроб крышкой и как следует закрепили её гвоздями...

– Царствие небесное, – объявила бабушка, когда первые комья земли упали на крышку...

Копачи работали грамотно и быстро. Бабушка за ними приглядывала и давала краткие указания.

Илья просил сделать музыку погромче и смотрел в окно. На крутом повороте состав изгибался, и было хорошо видно

начало поезда – тепловоз, слабый дымок над ним, первые вагоны... Оконные огни издали казались праздничными, нездешними, свежими. И они всё убегали и убегали вперёд...

О чём вечеряющий думал? Он и сам не знал. Обрывки мыслей по причине своей мимолётности и незначительности не запоминались. Он просто смотрел. И ему хотелось видеть то, что он видел.

– Поставьте мне этого сладкоголового педераста Козина! – требовал Илья.

– Ну что ты всякую замшелую муть слушаешь? – вздыхала пышногрудая буфетчица и вожделенно глядела на Илью.

– Ох, Клавка! Во всём ты поперёк. Уволю я тебя...

Он подливал себе по чуть-чуть и вглядывался в знакомую темноту...

– У вас свободно?

Илья обернулся и увидел мужчину в строгом костюме и пригалстук.

– Да, пожалуйста...

Незнакомец заказал себе коньяку, подождал, пока Клавка принесёт графинчик, и с удовольствием выпил две рюмки.

– Осень, прозрачное утро... – негромко подпел он голосу из динамика.

– Вам нравится этот певец? – оживился Илья.

– Не знаю. Но с него всё у меня и началось... Он взял меня в свой ансамбль, когда оба на зоне парились. Зэкам лишь музыка и позволительна... Сами знаете. Вы ведь тоже там бывали? Вижу...

Илья вздрогнул и остро посмотрел на незнакомца.

– Я всё вижу... Прекрасно видел, как люди, заслышав фамилию Макаркин, беспричинно лыбились... Пришлось поменять. И когда конференсье потом объявлял: «На сцене Владимир Макаров» – встречали уже вовсе не смехом... Это мне мэтр посоветовал. Я как-то заметил, что и у него фамилия не особо благозвучная. Мэтр ответил, что он – это другое дело... Что он самому Сталину

аккомпанировал, когда тому на банкете захотелось частушки исполнить... Вообще штучный был человек. Та ещё штучка...

Но потом больше пришлось с Ади общаться... Какой это был эстет, дипломат, дамский угодник! Я в его лагерном оркестре такую школу прошёл... Никакая консерватория и в подмётки не годится! Ох уж этот Магадан... Что за люди там собирались! Уникальное место. Точно мёдом намазано...

А через десять лет, уже на воле, Ади меня нашёл и в Мосэстраду позвал. Там его новая банда обороты набирала... Отпад-ные были ребята!

И почему эти сволочи так с ним поступили?! В начале семидесятых выкинули с эстрады как котёнка... Чинуши, твари, лизоблюды!.. Он от этого и захворал смертельно...

Макаров налил себе ещё коньяку и, не приглашая визави к соучастию, выпил залпом.

– Маэстро всеяден был. Это его и сгубило, – задумчиво отозвался Илья.

– В каком смысле?

– В прямом. Он всё хотел охватить – и джаз, и песни народов мира, и нашу сермяжную эстраду, и ихнюю... Ну и в переносном тоже... То «Синкопаторы Вайнтрауба» – а они работали на океанских лайнерах, из Гамбурга в Нью-Йорк ходили: ананасы, шампанское, клубничка... То варшавский еврейский театр: форшмак, синагога, семь-сорок... То компартия Белоруссии: первач, dranики, объятья... К кому угодно подкатиться мог. И с бабами та же история...

– Вы так считаете? – Макаров с интересом посмотрел на Илью. – А ведь существуют и другие определения. Широта взглядов, стремление к новому, универсальность...

– Клавка, притарань нам клубнички! – прервал собеседника Илья.

– А вы не находите, что, веди себя по-другому, Адольф сгинул бы ещё в довоенной Германии?.. Да что говорить? Мне тоже

досталось по самое не балуйся. Творили, что хотели... Если б не жена, пошёл бы по миру... Она тогда в «Берёзке» работала – шмотьё, зелень кое-какая водились. А иначе – кирдык...

– Наверное, жена – это хорошо. Тут уж не мне судить... Но если б я был султан, был бы холостой...

Макаров пожал плечами и с минуту помолчал.

– ...Я через четверть века снова в Сибирь попал. В Красноярске трудился, в филармонии... Вместе с Магомаевым и Ободзинским. Тогда этой нашей филармонической системе бабки были ох как нужны!.. А когда они не нужны? Понятно, что и левые концерты подворачивались? А кто их не давал? Высоцкий, что ли?.. Ну и как водится, кто-то телегу по этому поводу накатал... Муслиму-то хоть бы хны... А меня от выступлений отстранили, записи размагнитили... Меня как бы и не стало... И всё вокруг дальше пошло, как и шло... Кто кому нужен?.. Понимаете, люди – это труха. Песни – это труха. А уж о прошлом я вообще молчу... Но живу всем прорухам назло.. Всё время лечу куда-то... Как будто за мной гонятся...

Илья ещё выпил коньяку и обнял Макарова...

Вагон наполнялся сигаретным дымом, фигуры за столиком расплывались, превращались в несуразные пятна, таяли... Состав набирал ход, ночь безнадежно отставала, дальние огни обесцвечивались... Я открывал глаза и узнавал, что уже шесть. Пора вставать и собираться в школу...

– Какие ещё бутылки?! Вы что, не на работе, что ли?.. Сделали дело – и спасибо.

Бабушка подбоченивалась и грозно надвигалась на копачей.

– Не по-божески это, – корили её могильщики. – Плохо ему там лежать будет...

– Ему там будет, как заповедано. Не вам, алкашам, Господа всуе поминать... Он всё без ваших подсказок управит. Ишь моралисты, блин... Идите с миром!

Мне всегда не по нутру было препираться с бабушкой, не по делу спорить, чего-то требовать...

– Бабушка, давай походим по посёлку. Ты покажешь, где жила. Мне ведь интересно... Да и тебе, наверное, вспомнить хочется...

– Ничуть не хочется. Жила... Разве это жизнь? Да пропади она пропадом...

– Но всё равно... Что мы тут торчать будем? Драгоценные часы в доме престарелых коротать мне ещё рановато...

– Типун тебе на язык... У тебя в башке что-то вообще есть?

– Тогда пойдём...

– У нас мало времени. Мы на поезд опоздаем. А он – последний... Заляжем тут на место Ильи. Если пустят...

– Ну, пойдём... Мы ведь сюда больше и не попадём никогда...

– И слава Богу! Твоими бы устами да мёд пить...

– Если ты не пойдёшь, я уйду один. Я не хочу тут находиться...

– Накажу...

– Да? Каким же, интересно, образом?..

– Слушай ты, наглая тварь, никакого уважения к старшим у тебя за душой отродясь не было?..

– У меня – любовь. И я надеюсь, что и у тебя ко мне тоже...
Пойдём?

– А тебе наплевать, что у меня ноги больные? Что я упаду и не встану?..

– Бабушка, пойдём. Ты же сама себя ругать потом будешь...

– Ох, кровопивец!.. Пойдём.

Посёлок был серым, отсыревшим, советским... По обе стороны от пустой улицы теснились двухэтажные коробки с остатками грязной штукатурки на фасадах. Видно было, что строения не ведали ремонта десятилетиями. В одном из дворов возник вдруг обшарпанный и неприметный памятник усатому человеку в кителе. Почему в своё время не снесли? А кому он

нужен?.. Чуть дальше начинался частный сектор и через пару сотен метров сходил на нет...

– Странно, – удивлялась бабушка, – время здесь будто остановилось, а узнать ничего и нельзя... Чудеса, да и только...

Мы притормозили, чтобы бабушка отдышалась, и я услышал, как из открытой форточки выплывала мелодия. «И вновь от меня сбежала последняя электричка...» Бодрый, приятного тембра голос словно специально уравнивал непрезентабельный поселковый пейзаж и давал почувствовать во всём этом неповторимую гармонию. И я с удовольствием и любопытством шагал всё дальше и дальше...

В первую и единственную нашу встречу Илья сказал, что совсем неважно, откуда он родом. Он, дескать, оттуда же, откуда и все. Так что без разницы...

– Это всё презренная проза, – пояснил он, – давай я лучше стихи почитаю. Если есть у нас такая поэзия, как же не здравствовать назло всему?..

Гремит тайга, работают машины,
Ударный труд и здесь своё творит.
Штурмует глушь, взрывая гор вершины,
И день и ночь грохочет динамит.

Где рыскал зверь да выли ураганы,
Воздвиглись ввысь железо и бетон.
Несутся дни и пятилеток планы...
В тайге растёт рудник за рудником.

Вперёд, вперёд! Грудь выше, твёрже ногу!
Тесней смыкай ударные ряды!
К богатствам гор быстрее строй дорогу,
Растёт страна и требует руды.

Эй, зорче глаз! Эй, слух острей, чекисты!
Разоблачай вредителя-рвача!
Стрелки – ударники и коммунисты,
За славный труд! За дело Ильича!

Трудна задача, но должны досрочно
Связать с тайгой мы рельсами Кузбасс.
Так дружно в бой! – И выполним мы точно
Правительства и партии наказ!

– Вот тут наш дом стоял. По вечерам у соседей пластинки крутили – им племяш из города привозил... Как тогда все Русланову любили! Колдовской голос... Ведьма эстрадная...

– А ты в нечистую силу верила?

– Нет, конечно. Мы и в Бога-то не верили. Но всегда о нём помнили... И Русланова, наверное, тоже. Во время войны на свои кровные она две батареи «Катюш» прикупила и на Первый Белорусский отправила. Там её муж комкором служил... Она и на тёплых ещё руинах рейхстага самой первой концерт для бойцов дала... Но это любезную не спасло. У Советской власти – хоть умасливай её всяко, хоть палки в колёса ставь – благодарность одна... Прямо после Отечественной певичка наша всенародная по этапу пошла как миленькая. С бравым супругом своим на пару... Картин, дескать, слишком много насобирала, квартира от антиквариата ломилась... А может и трофеями народа-победителя не брезговала?.. Кто докажет, что ничего такого не было? Это только в присказке говорится, что война всё спишет... При желании что угодно пришить можно... Песни у нас не в счёт.

И ещё в ту нашу встречу – на прощанье уже – снова прозвучали стихи.

Наш начальник, умный вроде,
 Говорил нам на разводе:
 «Убегать вам нет резона –
 Ведь вокруг сплошная зона.
 Ни за что не убежёте,
 Ни к какой едрёной тёте.
 Всё равно мы вас поймаем...
 Поздравляю с Первым маем!»

Праздников тебе, юноша!

В плацкартном вагоне было холодно и пыльно. Облезлый пластик угрожающе вибрировал, потолочные светильники трепетали, стёкла ходили ходуном. Казалось, эта конструкция может развалиться в любой момент...

Встречные огни бешено вспыхивали в ночном окне и мгновенно гасли. Радио почему-то не выключалось, и кругом звучало рознеровское «Мандолина, гитара и бас»... Я никогда прежде не слышал эту вещь, но она мне нравилась чрезвычайно. Бабушка мирно дремала, а я думал о том, что главное живёт в прошлом. Это казалось странным, но несомненным. А жизнь между тем ещё только предстояла...

«Ты, парень, сильно-то на перспективы не заглядывайся, – говорил Илья. – Никто же на самом деле не знает, что будет, а что уже было... И сколько времён на самом деле... И как нужно жить – плотно или подробно... А потому не заморачивайся тем, что важно, а что неважно... Смотри на всё с прищуром да вовремя сигарку туши, чтобы пожар не случился... А глаза распахнёшь во всю ширь – и пиши пропало...»

За окном начиналась пурга, и ветер всё отчётливее вёл свою джазовую партию... Всё кружилось и вспыхивало, становилось непроглядным маревом. Я прилипал к вагонному стеклу, пытаясь хоть что-то в этом безумном движении разглядеть... На повороте поезд изогнулся дугой, и я смутно угадывал его хвост – самый последний вагон, за которым неотступно стремились

неведомые преследователи... Я пытался всё-таки различить их, понять, как быстро они нагонят состав. Но попытки эти были, понятное дело, тщетными – зрение при таком раскладе утрачивало всякий смысл.

Я думал о том, что родители могли в своё время назвать меня иначе. И я стал бы Ильёй. И меня ждали бы иные пути... «Не нужно нам ветхозаветных пророков, – говорила бабушка. – Жить следует нынешним днём. А кто в измышлениях увязает, тот и не живёт вовсе... Я боялась, что родители твои подумают, дескать, старая посягает на их право выбора, верховодить желает. Глупости это... Я ведь только во благо их сына хлопотала...» И бабушку послушали. И всё случилось так, как случилось – мои несбывшиеся дороги были пройдены другим задолго до... Но никакой катастрофы от этого не произошло. И, вне всякого сомнения, самое интересное поджидало впереди. Ведь мы чудесным образом успели сесть в самый последний поезд, прежде чем лютая метель всё вокруг подчинила себе...

И вот я вижу Илью, поднимающегося на огненной колеснице в небо, вижу, как он сдёргивает плащ и кидает его мне... И я уже почти что касаюсь невесомой материи, но она в последний момент исчезает... «Зачем ты приходил, Илья?» – спрашиваю я сквозь дрему, а тот хитро улыбается и отвечает: «Ты скоро узнаешь. Ты скоро всё узнаешь».

Портвейн как портвейн

Шесть стаканов счастья

Действующие лица:

Надежда – решительная бизнесвумен средних лет.

Сергей – поэт прозаического возраста.

Наденька – подруга Сергея, девушка с лёгким нравом.

Сергуня – помощник Надежды, юноша с ухоженной бородой.

Мужчины в серых костюмах.

Юноша-курьер.

Наденька и Сергуня похожи на Надежду и Сергея в молодости.

Первый

В охотку

Спальня в квартире Сергея. В правом от зрителей углу сцены – обширная низкая кровать, большое зеркало, ночной столик, на котором лежит мобильный телефон; в левом – входная дверь в спальню и чуть поодаль – свисающая откуда-то сверху, старомодная лампочка в допотопном абажуре-тарелке. Сергей и Наденька лежат в постели под одеялом.

Над е н ь к а (*капризно*). Сергей, ну ты же обещал рассказать...

С е р г е й. Тебе всё рассказы... Как будто нам тут с тобой заняться нечем.

Над е н ь к а. Заняться-то можно с кем угодно. А расскажет-то кто? Скоро уже и некому будет...

Сергей. Ты уж меня и вовсе в ископаемые записываешь...
Кстати, цинизм – не твоя стихия.

Наденька. Ну какой цинизм? Это я люблю!

Сергей. Наденька!.. Ты меня и правда любишь?

Наденька (*надувая губки*). А ты как думаешь? Или ты об этом никогда и не думаешь? Конечно, не думаешь. Ты думаешь о чём угодно, только не обо мне...

Сергей. А что же ты такие слова идиотские говоришь?

Наденька. Ну я же женщина...

Сергей. А женщине всё можно?

Наденька. Женщине можно многое...

Сергей. Даже то, что нельзя?

Наденька. Даже это.

Сергей. Вот это я понимаю, принципы!

Наденька. Это у тебя и погодков твоих принципы были: выпить, по бабам прошвырнуться, о судьбах бытия с похмелья порассуждать... А у меня – капризы невинные, а не принципы.

Сергей. Если б это были не девчачьи капризы, а твёрдые убеждения, мы с тобой тут не ворковали.

Наденька. Выходит, я и мила тебе лишь капризами...

Сергей. Капризы не любят – их прощают.

Наденька (*иронично*). Ты считаешь, я достойна прощения?

Сергей. Это вопрос не ко мне.

Наденька. Понимаю, понимаю... Переадресовывать вопросы нынче модно.

Сергей. Ничего ты не понимаешь.

Наденька. Так вразуми.

Сергей. Нашла поводыря...

Наденька. Какой из тебя поводырь?! Ты расскажи просто. А уж я сама... Битый час прошу.

Сергей. Час?! У тебя со временем нелады.

Наденька. Это у тебя нелады.

Сергей. Да разве ж я спорю?

Наденька. И на том спасибо. Ну, рассказывай уже... Вре-
мя не ждёт.

Сергей. Всё стоящее неожиданно...

Наденька. Всё бы тебе в философа доморощенного поиграть...

Сергей. А то нет... Ну, слушай. Только зачем тебе это?..
Всё равно ни черта не поймёшь.

Наденька. Охота пуще неволи.

Сергей. То ли охота пуще, то ли задрыги гуще... *(Пауза)*
Итак, в некотором царстве, которого нынче нет, в удивительные
времена, которые давно прошли, жил-был один человек, пре-
вратившийся впоследствии в странного подержанного субъекта,
которого ты имеешь сомнительную радость лицезреть непосред-
ственно перед собою. То есть не одному ему, конечно, довелось
влачить праздные дни свои в ту несравненную пору. Просто в
нежной душе его многие тогдашние волшебные вещи запечат-
лелись первозданно и манко. Их теперь вокруг не сыскать. Вот,
как ни крути, и получается, что он и есть их главный правообла-
датель. Это не прихоть. Это миссия. Потому, какими бы незначи-
тельными и презренными все эти вещи нынче не казались, прошу
отнестись к ним с уважением и серьёзностью. Перечень их убий-
ственно велик. По этой причине позволю себе сосредоточиться
на чём-то одном. Самом ли важном? Бог знает. Просто первым
всплывающим в памяти. Впрочем, разве это не критерий?

Приходится признать, что почётное место в описи утрачен-
ного имущества занимает спиртной напиток низкого качества,
опасный для здоровья и жизни потребителя. Но из песни сло-
ва не выкинешь. Представь себе мутный гранёный стакан... Ты
знаешь, что такое гранёный стакан? *(Наденька кивает)* Ну, сла-
ва богу!.. Толстобокую зелёную бутыль, звонкую пластмассо-
вую пробку, сычужный продукт в фольге. Это я сразу перевожу
– тогда терминология, конечно, иной была. Но дело в другом...
Этот запах тошнотворный! Этот вкус выворачивающий! Что

в жизни может быть неотвязней? Что может так держать незыблемо? И почему? Есть ли ответ? Есть. Их много. Слишком много, чтобы сработать. Правильные словеса. Да лежат на поверхности. А голова дуреет, в висках стучит, под ложечкой посасывает... Мерзость. А нежности – через край... Что в гранях заляпанных отражалось! Какие блики по стеклу ширпотребному бродили! И что принципиально – свет вокруг возникал. Прямо из ниоткуда...

Свет постепенно гаснет. Лампочка под абажуром-тарелкой загорается. Под лампочкой – актёры, играющие Наденьку и Сергуню. Они одеты по моде тридцатилетней давности. Сергуня – без бороды. Это юные Надежда и Сергей.

Надежда – Наденька. Зачем мы здесь?

Сергей – Сергуня. Потому что этот свет только для нас.

Надежда – Наденька. А разве не весь свет для нас?

Сергей – Сергуня. И весь – для нас. Но не только. А этот – больше ни для кого.

Надежда – Наденька. Здорово.

Сергей – Сергуня. Ещё бы. В этом мире – лишь мы. За его пределами (*показывает на контур светового круга*) ничего нет. И если б мы были не здесь, а где-то – то и нас не было...

Надежда – Наденька. Да нет... (*указывает в темноту*) Там много всего...

Сергей – Сергуня. Всё – это и есть ничто... Но это нас не касается. Потому мы и такие счастливые...

Надежда – Наденька. Не говори так – сглазишь.

Сергей – Сергуня. Да нет же, нет! Говорить нужно обязательно! Только так и можно что-то удержать! Ведь слова – это как зарубки. Лампочка перегорит, а с ними и в темноте ничего не случится.

Надежда – Наденька. Когда что удержишь – оно нипочём не держится.

Сергей – Сергуня. И что же? С самого начала и пытаться не стоит?

Надежда – Наденька. Нужды в том не должно возникать. С самого начала и до самого конца.

Сергей – Сергуня. А если?..

Надежда – Наденька (*перебивает*). А тогда – всё. Это как рак. Лечи – не лечи...

Сергей – Сергуня (*перебивает*). Типун тебе на язык. Ты что, в медицинский собралась?

Надежда – Наденька. Собралась.

Сергей – Сергуня. Не пройдёшь. Там все блатные.

Надежда – Наденька. Поживём – увидим...

Сергей – Сергуня. Любить медичку! Так интересно...

Надежда – Наденька. Медичка? Это только до революции так говорили...

Сергей – Сергуня. К чему нам революции, когда есть любовь? Как сказано! Таких, как я, хоть на историю, хоть на филологию прямо без экзаменов брать нужно! Оцени пафос...

Надежда – Наденька. Да, это у тебя слабое место. Хотя горе-геродотам простительно...

Сергей – Сергуня. А у тебя слабых мест нет.

Надежда – Наденька. А издеваться – это не по-мужски.

Сергей – Сергуня. По-женски.

Надежда – Наденька. Неужели мы так всю жизнь друга друга подкалывать будем?

Сергей – Сергуня. Видно, судьба такая...

Надежда – Наденька. Откуда ты знаешь – какая?..

Сергей – Сергуня. Я всё знаю.

Надежда – Наденька. Я это уже поняла...

Лампочка постепенно гаснет. Свет на сцене восстанавливается. Сергей и Наденька лежат в постели под одеялом.

Надежда – Наденька. Я так и не поняла, что там отражалось...

Сергей. Я и не сомневался.
Наденька. Художник должен сомневаться.
Сергей. Я не художник.
Наденька. Не скромничай.
Сергей. Сочинитель – это нечто иное.
Наденька. Опять лезешь в дебри?
Сергей. Да какие уж тут дебри...
Наденька. Слушай, прочти что-нибудь. А то когда соблазнял,
по десять штук за раз шпарил. А потом как в рот воды набрал...
Сергей. Грешен.
Наденька. Вот и замаливай.
Сергей. Ну что с тобой делать?..
Наденька. Стихи читать. Другое тебя как-то уже и не
особо интересуется...
Сергей. Язва... Ладно, внимай.

* * *

ау амуров майских вакса
на небесах страны беда
и увезти затравка ваша
как николя спевал бельды

какие тундры руды дали
грозили горестным перстом
как на скамеечке рыдали
и пили горькую потом

и потупляли очи долу
чтоб выдать правильный ответ
очередному пиздоболу
сегодня можно или нет

и зелень крепнущим курсивом
обозначала здешний парк
красивым мерином но сивым
и сам такой курил табак

а ну как чёрт из табакерки
случалось прочее ещё
глотали глупые таблетки
вот дескать вам через плечо

какая в этом интересе
прожилка жизни говорит
и лишь желудочные рези
и реактивный гингивит

яснее солнце сердце краше
и все линуется с нуля
не расхлебаешь этой каши
ни до того ни опосля

румяный май в размере мира
подъездов редкое амбре
любви замедленная мина
на свежекрашенной жаре

и пусть мерцало чёрным устьем
и был исход неоспорим
но то что в будущем опустим
и по старинке повторим

что если мама мыла раму
и в речке мячик ерунда
не станем пестовать как рану
свое нагрудное тогда

Наденька. Авангардизм?

Сергей. Какой там авангардизм? Голимая архаика. Впрочем, нынче разницы никакой нет. Кому сейчас все эти строчки в столбик нужны? Кому в голову придёт всерьёз их разбирать? Девицам с пограничной психикой? Городским сумасшедшим? Отставным сочинителям? На всякие там творческие вечера

собирается именно такая публика... Без слёз не взглянешь. Один мужик забрёл по ошибке – и прямо с лица сразу спал. «Это, – говорит, – просто сбор комитетом призрения убогих своего контингента. Да лучше б они все барыгами прожили. И им бы радости больше было, и у посторонних сердце кровью не обливалось».

Наденька. Да, угораздило тебя...

Сергей (*перебивает*). Родиться в России с умом и талантом? Так то Блок жаловался. А я не в претензии.

Наденька. Какие у тебя могут быть претензии? Что до ума – тебе тут жаловаться не на что...

Сергей. Добрая ты. Сердобольная.

Наденька. Маленькая ещё. Но совсем не скучная.

Сергей. Вырастешь – поскучнееешь.

Наденька. Не думаю.

Сергей. О чём ты вообще думаешь?

Наденька. О зачёте. По анатомии. Я ещё и умненькая.

Сергей. И как ты всё помнишь?..

Наденька. Куда ж деваться? Труба зовёт...

Сергей. Что за труба?

Наденька. Мне – труба, если я зачёт прокину.

Сергей. А зачем его прокидывать?

Наденька. Вот и я о том. Бежать надо...

Сергей. Ну что с тобой поделать?.. Беги.

Наденька (*выскакивая из-под одеяла и спешно одеваясь*).
Завтра ведь увидимся?

Сергей. Конечно. Ключи не потеряла? (*Наденька отрицательно качает головой.*) Тогда ни пуха!..

Свет гаснет. Звучит дворовая песенка семидесятых годов прошлого века. По стенам скользят блёстки, зыбкие изображения монарших особ, каменистых местностей, винных бочек. Громко звучит дикторский мужской голос.

Г о л о с. Уже две тысячи лет в долине реки Дору выращивают виноград и производят вино. Однако «портвейн» много моложе. Ему всего-то два столетия.

Долина Дору настолько же живописна, насколько неудобна для возделывания. Виноградники взбираются по специальным террасам на многие сотни метров. Бытует присказка, что в этих краях люди голыми руками выжимают вино из камня. И, естественно, такие запредельные усилия не могут не сообщить напитку редкую цепкость и крутой нрав.

А дело было так. В 1688 году французский король Людовик XIV наложил запрет на поставки вина из своей страны на Туманный Альбион. А всё за то, что тамошний парламент отстранил от дел его закадычного приятеля, английского короля Якова II. Дальше – больше, и в 1696 году уже король Англии Уильям III запретил импортировать французские вина. Срочно требовалось импортозамещение. И английские купцы двинулись на Пиренеи. И не напрасно. В 1703 году Англия заключила с Португалией договор, по которому серьёзно снизила пошлину на ввоз португальских вин.

Но вот незадача – вина до Британских островов не доживали. Портились по дороге. Португалия – не ближний свет, а холодильники на судах появились века через три. И потому дело обстояло не радужно. Но предприимчивые виноделы приспособились подмешивать в вино спирт. Брожение прекращалось, а вино спокойно выдерживало дорогу. Спирт плескали в бочки до окончания брожения. А потому в вине оставался сахар. И это крепкое сладкое вино плотно легло англичанам на душу. А дальше – пошло-поехало...

Свет на сцене восстанавливается. Дворовая песенка звучит тише. Сергей садится на край кровати и некоторое время смотрит в зал. Затем поворачивается, смотрит в зеркало, встряхивается. Берёт с ночного столика мобильник, набирает номер.

С е р г е й. Алло! Надежда? Не узнал. Тыща лет...

Свет на сцене постепенно гаснет. Окончание песенки звучит в полной темноте.

Второй Врастяжку

Спальня в квартире Надежды. В левом от зрителей углу сцены – обширная низкая кровать, большое зеркало, ночной столик, дорогой аудиовидеоцентр; в правом – входная дверь. Надежда, облачённая в комбинацию, с мобильным телефоном в руке сидит на краю кровати.

Н а д е ж д а (*разговаривает по мобильному телефону*). Да вы что?! Какие две недели?! Вы представляете, сколько я потеряю? Какой смысл тогда вообще с этим затеваться?.. (*Пауза*) Издеваетесь?.. (*Пауза*) Просто бред какой-то... Может, мы всё же каким-то образом договоримся?.. Да понимаю, понимаю... А что мне прикажете делать? У меня другого пути нет. Иначе – крышка... Я не драматизирую. Это жестокая реальность. Поймите меня правильно: я не прошу никаких поблажек – просто сделайте так, как положено. Ни больше, ни меньше. И всё. А я буду всерьёз благодарна... Нешуточно. Я вообще шутить не люблю. Я женщина серьёзная. Неужели вы ещё не заметили? А производите впечатление человека наблюдательного... Ну вы ведь исправитесь? Обещаете? Ловлю на слове. Так как поступим?.. Конечно, не телефонный разговор... Нет, вино – это не санкционный товар. По крайней мере пока... Хорошо, завтра подъеду. Очень, очень надеюсь. До встречи! (*Нажимает на кнопку мобильного*) Ох! Умом тронешься... Что ни час – дураком больше. Что воздух сотрясать?! Нет, поломаться надо. Цену себе набить. Прямо как девулька с бульвара... (*Встаёт, подходит к аудиовидеоцентру, нажимает на клавишу. Звучит*

инструментальная эстрадная музыка восьмидесятых прошлого века. Надежда делает несколько танцевальных движений, потом возвращается и падает на кровать. Несколько секунд лежит на спине с ладонями за головой.)

Надежда. Сергуня, ты где?

Сергуня *(входит с подносом, на котором две чашки, заварочный чайник, пирожные)*. Я здесь. Для чайной церемонии всё готово.

Надежда. Неужели? Не прошло и часа...

Сергуня. Зато никаких отступлений от технологии.

Надежда. Одобряю. Растёшь над собой. Видишь, как полезно у меня работать? Тебе просто повезло.

Сергуня. Я это уже давно говорил.

Надежда. Я всегда знала, что ты умный... Ухаживай за дамой!

Сергуня ставит поднос на ночной столик, наливает чай.

Сергуня. Прошу!

Надежда. А почему так официально? Может быть, ты хочешь поцеловать меня в щёчку? По-моему, это было бы уместно.

Сергуня. Конечно! *(Целует её в щёку)* Прости...те. Затмение какое-то нашло...

Надежда. А разве мы на вы?

Сергуня. Не знаю...

Надежда. А кто же знает?

Сергуня пожимает плечами.

Надежда. Ты считаешь, что всё должна знать одна я?.. *(Пауза)* Возможно, ты и прав. Короче, после всего, что с нами случилось, «выкатать» – это клиника. А на брудершафт, будет оказия, выпьем для порядка. Партию вот только выручу... *(Отхлёбывает из чашки, одобрительно кивает)* Вкуснятина... Я в тебе не ошиблась. Что стоишь? Присаживайся.

Сергуня садится на кровать в некотором отдалении от Надежды.

Надежда. А ещё подальше нельзя? Ты дикий какой-то...

Сергуня. Я ручной.

Надежда сама придвигается к Сергуне и обнимает его за плечи.

Сергуня. Чай стынет...

Надежда *(в сторону)*. Тяжёлый случай. *(Затем оборачивается к Сергуне)* Тебя хвалить вредно.

Сергуня. Почему?

Надежда. Это у тебя надо спросить.

Сергуня. Я просто не могу привыкнуть.

Надежда. Человек ко всему привыкает.

Сергуня. Стало быть, я не дорос до этого звания.

Надежда. Откуда ж мне знать? Я звания не присваиваю...
Ладно *(убирает руку с плеча Сергуни)*, этак мы далеко зайдём...

Что с транспортниками?

Сергуня. Я ещё не выяснял.

Надежда. А пора.

Сергуня. Хорошо, сейчас займусь.

Надежда. Да погоди ты...

Сергуня. Жду.

Надежда. Нет, это совершенно невыносимо... *(Выключает музыку)* Хорошо. Будем изучать специальность.

Сергуня. Я готов.

Надежда *(сухо)*. Прекрасно *(вставляет в гнездо аудиовидеоцентра флешку и ложится в постель на спину с руками за головой)*.

Свет гаснет. По стенам скользят блёстки, зыбкие изображения долин рек, опалённых солнцем виноградников, женщин за сбором урожая. Громко звучит дикторский мужской голос.

Для изготовления портвейна используется виноград, произрастающий только вдоль реки Дору (от деревни Баркуэрос, что в 70 километрах выше по течению города Порту, и до самой границы с Испанией). Местность там гористая,

склоны крутые. Так что вся работа на виноградниках – это исключительно ручной труд. Летом тут очень жарко – выше тридцати пяти. Атлантические ветры перебраться через горы Сьерра де Марאו не в силах. Неласковый климат и скудные почвы осложняют жизнь лозы. Однако чем труднее лозе – тем лучше вино. В долине Дору растут больше восьмидесяти сортов винограда. Но для портвейна можно использовать только половину из них. Они делятся на три категории – рекомендуемые, разрешённые и допустимые. Рекомендуются только десять сортов чёрного винограда, лидерство – у Торига Насионал, и всего лишь два сорта белого, первенство за Мальвазия Фина.

Собирать виноград начинают в Дору на исходе сентября. Все операции – вручную: срезка гроздей, сортировка, выбраковка. С верхних террас женщины небольшими корзинами сносят виноград на промежуточные площадки. Там его перегружают в корзины побольше, и уже мужчины несут их ниже, куда может подъехать автотранспорт, с которым виноград и переправляется в давилню. Исстари виноград давили ногами. Ступни не расплющивали косточек, придающих вину горечь. Теперь техника позволяет давить виноград так же аккуратно, а потому ноги «отошли» в историю.

Сок с кожурой заливают в громадные ёмкости, где стартует брожение. Бродит это сусло от двух до трёх суток. Дальнейшее зависит от того, какой портвейн планируют изготовить: сладкий, полусладкий, сухой или сверхсухой. В ходе брожения кожура сосредотачивается на поверхности. Но всё это периодически перемешивают для ускорения экстракции фенолятов, придающих особый характер портвейнам. И, разумеется, постоянно контролируют количество растительного сахара. Если его содержание снижается до ожидаемых показателей, вино разбавляют чистым семидесятисемипроцентным спиртом. В четыреста пятьдесят литров вина добавляют сто литров

спирта. Брожение моментально прекращается, и образуется двадцатиградусная смесь с десятипроцентным содержанием сахара. Это вовсе ещё не портвейн...

Портвейн зреет не вдруг! Зиму он проводит в цистернах там, где его изготовили. И лишь в начале марта его перевозят в низовья реки. Но везут не в Порту, а в его город-близнец – Вила-Нова-ди-Гая, который находится на противоположном берегу и сообщается с Порту мостами. К слову, один из мостов построен самим Эйфелем! Там вино купажируют, переливают в огромные бочки-буты и оставляют дозревать. А на два года или полсотни лет – решает хозяин. Стало быть, «вино из города Порту» – таков буквальный перевод слова «портвейн» – ничем этому городу не обязано. Это в городе Вила-Нова-ди-Гая портвейн становится тем самым, знаменитым везде и всюду, «порто». Тогда почему, несмотря ни на что, – «порто»? Секрет прост: «Вила-Нова-ди-Гая» хуже выговаривается. Это действительно так. Хотя поверить в это трудно...

Раздаётся резкий телефонный звонок. На сцене загорается свет. Надежда выключает аудиовидеоцентр, берёт трубку мобильного телефона.

Надежда (*некоторое время слушает и молчит*). И вправду тыща лет... Да, говорить могу (*делает Сергуне знак, чтобы тот вышел. Сергуня встаёт и уходит за кулисы*). Я теперь всё могу... Даже самой противно. Что? Да ты больше меня слушай... Кокетничаю. Я кокетка ещё та... Забыл? (*Пауза*) Да? Приятно слышать... Мне вообще тебя приятно слышать. Как ни странно... Я дура, да? Отвечай, не стесняйся (*пауза*). Спасибо. С галантностью у тебя по-прежнему ни в Красную армию. Ладно, проглотила. Сама напросилась... Я вот о чём думаю. Не будь за спиной всяческих детских безобразий, как бы жила я потом всю оставшуюся? Не представляю. То, что сгубить должно – как ни крути, спасло (*пауза*). Странно? Ничего

не странно. Закономерно! Оно всегда так. Ежели не погубит – спасёт. Третьего не дано... Нет, всё в порядке. Всё в полном порядке. Чем я занимаюсь? Ни за что не отгадаешь... Нет, холодно. И не пытайся. Я тебе подсказку подкину. Потом. Чтоб любопытством потерзался как следует. Терзания возвышают... Да знаю, знаю – хабалка. Но другую голову не привинтишь. Не обессудь. И вот что я этой худо привинченной башкой думаю. Предположим ситуацию. Жил-был парнишка один. Подруживал с девчонкой. А чего не подруживать? Дело молодое, гормональное. У девчушки, знамо дело, голова кругом. А он возьми да исчезни. Ненадолго так. На четверть века... А потом вдруг возник – как новый пятиалтынный. И что, по-твоему, эта милая девочка должна ему сказать? Я так полагаю – послать. Это было бы абсолютно правильно. А она зачем-то начинает с ним ворковать. О чувствах, о себе, о жизни быстротекущей... Забавно, правда? С чего это она? Так с ходу и не ответить. Значит, что-то где-то всё это время теплилось. К чему только?.. Впрочем, и сама девчушка хороша. Этакой ухватистой тёткой стала, пройдой кромешной. Ничем особо не брезговала. Жизнь научила: побрезгуешь – ноги протянешь (*пауза*)... Я всё говорю как есть. Но ладно, ладно. Наговариваю я на девочку. Не так всё с ней безнадежно. Это ведь только кажется, что вот та – торговашка, эта – шлюха, а третья – прощельга... Каждая – там панинька, здесь – шалава, а ещё где-то – бухгалтер... Всё всегда в одном флаконе. Что? (*Пауза*) Друг мой, не будьте ханжой! Поглядите правде в глаза. За эти годы зрение не испортилось?.. А то ведь время отнюдь не лечит. Всё это враки (*пауза*). Да не дуйся! У меня язык что помело. Или не помнишь? Хотя – да: это, наверное, приобретенное. В ходе уже индивидуального освоения жизненных пространств... Ну да будет о суровостях. Лучше в «Что? Где? Когда?» поиграем... А живёшь там же? Я тебе мальчика пришлю. С одной вещицей. А ты уж, будь лю-

безен, и пойми: кто я, что я... А то никакой интриги – одни сопли. Да? Ну, значит, на том и порешили. Жди мальчика. А чуть попозже я тебя к себе жду. Поглядишь, как живу. А сейчас у меня тут дело одно... Стало быть, до связи... Прошу понять меня правильно. Шучу. Пока (*кладёт телефон на ночной столик*). Сергуня! Куда ты там запропастился?

Сергуня (*из-за кулисы*). Я на кухне.

Надежда. Поди-ка сюда!

Сергуня (*выходит из-за кулисы*). Я здесь.

Надежда. А где ж тебе ещё быть?.. Слушай. Поручение тебе будет. Не в службу, а в дружбу. Сделаешь?

Сергуня. Конечно.

Надежда. Что-то ты так лихо на всё соглашаешься? Ты ведь ни сном ни духом, о чём попрошу. А вдруг я тебя прикончить кого заставлю? А?..

Сергуня. Вы... Ты шутишь?

Надежда. Я всю дорогу шучу.

Сергуня. А я всю дорогу – всерьёз.

Надежда. Шутки – это гораздо серьёзнее, чем поначалу кажется. Гораздо серьёзнее...

Сергуня. А к чему тогда шутить? Лучше уж сразу к делу.

Надежда. Да нет, друг мой ситцевый, без шуток дела не делаются! Закон жанра.

Сергуня. Вы... Ты так считаешь?

Надежда. Считаю? Я не счетовод... Всё – исключительно на своей шкуре. А потому – за базар отвечаю.

Сергуня. Я это понял.

Надежда. Ну и молодец... Короче (*достаёт из ящика ночного столика небольшой целлофановый пакетик*). Нужно передать вот эту вещичку одному человечку. Да ты не дрейфь. Что так напрягся? Это не план, не бабло, не ствол... Что, терминология смущает?.. Успокойся – пугаю. Дивидишка обычная. А человечек – весьма законопослушный субъект.

К тому ж – поэт, насколько я помню... Но это к делу не относится. Держи...

Сергуня. Я тогда – завтра. Можно?

Надежда. Можно, можно. Спешка хороша только при ловле блох.

Сергуня. Каких блох?

Надежда. Кусучих. Кто не кусается – того терпят.

Сергуня. Таких как я?..

Надежда. Таких как ты... Ладно, молчу... Адрес сейчас напишу. Задача ясна?..

Сергуня. А что мне ему сказать?

Надежда. Скажи, что это сувенир от старой знакомой. Очень старой.

Сергуня. Хорошо...

Надежда (*перевивает*). Или лучше ничего не говори. Вручи – и всё. Молчание – золото.

Сергуня. Если честно, не ожидал такое услышать.

Надежда. Это почему?

Сергуня. По-моему, вы... ты... молчать не станете...

Надежда. Да будет запинаться уже... Правильно ты соображаешь. Но не совсем. Иногда лучше язык за зубами, чем зубы на полке.

Сергуня. Образно.

Надежда. Да уж не безобразно... Сказанное должно быть услышано. А иначе какой смысл изрекать?

Сергуня. Иногда кажется, что смысл есть...

Надежда. Когда что кажется – креститься надо.

Сергуня. Я не крещёный.

Надежда. Это заметно... Ступай, нехристь, золотому тельцу служить. Таможня, налоговая, вневедомственная... Я тебе список давала? Ну и отлично. Завтра отчитаешься об успехах. Советую меня не разочаровывать.

Надежда включает музыкальный центр. Сергуня уходит. Свет гаснет.

Третий

Как к себе домой

Спальня в квартире Сергея. В правом от зрителей углу сцены – обширная низкая кровать, большое зеркало, ночной столик, на котором лежит ноутбук; в левом – входная дверь; чуть поодаль – экран. В комнате одна Наденька. Раздаётся звонок в дверь.

Над е н ь к а. Кто там?

Г о л о с и з-з а д в е р и. Вам просили передать конверт.

Над е н ь к а. Хозяина нет дома.

Г о л о с и з-з а д в е р и. А вы не могли бы ему передать?

Над е н ь к а. А что за конверт?

Г о л о с и з-з а д в е р и. Не знаю.

Над е н ь к а. А что я ему скажу?

Г о л о с и з-з а д в е р и. Так и скажите. Передали, мол, бог знает что...

Над е н ь к а. И зачем же я ему это буду передавать?

Г о л о с и з-з а д в е р и. Бог его знает. Просили...

Над е н ь к а. Это вас просили.

Г о л о с и з-з а д в е р и. А я вас прошу.

Над е н ь к а. Вы не просите. Вы комедию разыгрываете.

Г о л о с и з-з а д в е р и. А вы подыгрываете.

Над е н ь к а. Сколько же можно пререкаться?

Г о л о с и з-з а д в е р и. Вот и я думаю, не проще ли было сразу открыть, забрать посылку и не тратить более драгоценное время на идиотские разговоры!

Над е н ь к а. Да вы дерзить начали...

Г о л о с и з-з а д в е р и. Нет, что вы... Вы меня не так поняли.

Над е н ь к а. А как прикажете вас понимать? Я так понимаю, что вы хотите в квартиру вломиться.

Г о л о с и з-з а д в е р и. Я хочу выполнить поручение. Иначе меня подвешат за одно место...

Н а д е н ь к а. Что?

Г о л о с и з-з а д в е р и. Ничего. Работа у меня такая. Что тут поделаешь?

Н а д е н ь к а. Да уж. Положение у вас патовое.

Г о л о с и з-з а д в е р и. Вы шахматистка?

Н а д е н ь к а. Я играю в другие игры.

Г о л о с и з-з а д в е р и (*жалобно*). Да неважно. Ну поддайтесь... Ну самую малость...

Н а д е н ь к а. Ну разве что самую малость... А вдруг вы сексуальный маньяк?

Г о л о с и з-з а д в е р и. Да что вы?!

Н а д е н ь к а. Жаль.

Г о л о с и з-з а д в е р и. Что?

Н а д е н ь к а. Жаль, что я не могу вам поверить.

Г о л о с и з-з а д в е р и. Ну, пожалуйста...

Н а д е н ь к а (*после некоторых колебаний*). Хорошо. Только учтите, что дверная цепочка крепкая, а сигнализация у меня под рукой.

Г о л о с и з-з а д в е р и. Конечно, учту.

Н а д е н ь к а. Без глупостей! Договорились?

Г о л о с и з-з а д в е р и. Я вовсе не глуп. Уверяю вас...

Н а д е н ь к а. Все уверяют. Это закон жанра...

Г о л о с и з-з а д в е р и. Какого?

Н а д е н ь к а. Просительного.

Г о л о с и з-з а д в е р и. Нет такого жанра. Все жанры вопросительные. Вопросы, вопросы... А ответов так и не дожидаясь. Вот и теперешняя моя интермедия остаётся безответной...

Н а д е н ь к а. Будет на жалость давить. Вам же нужно не чтоб ответили, а чтоб приветили. Этого не обещаю. Но на геройский поступок сподвигнусь. Отойдите на пару шагов...

Наденька приоткрывает дверь, не снимая дверной цепочки.
Наденька (*в изумлении*). Это ты?.. Вот это номер!
Голос из-за двери. Ни фига себе!
Наденька убирает дверную цепочку. В комнату входит Сергуня.
Сергуня. Кто бы мог подумать?! Не верю глазам своим!
Наденька. И правильно делаешь! Разве можно глазам твоим бесстыжим верить?
Сергуня. Ты всё в своём репертуаре..
Наденька. Так это ж здорово, что не в чужом..
Сергуня. И правда здорово... А то всё так быстро меняется..
Наденька. Кое-что всё-таки остаётся неизменным...
К сожалению.
Сергуня (*игриво*). Туманно выражаетесь, сударыня. А впрочем, я рад вашей сентенции.
Наденька. А я не рада.
Сергуня. Не кривите душой. Глаза ведь у вас по-прежнему предательски выразительны..
Наденька. Но ты же не из-за красивых глаз пришёл..
Сергуня. В этот раз – не из-за них. А в следующий – как знать..
Наденька. Что значит «следующий»?
Сергуня. Это значит, что я смотрю в будущее.
Наденька. Давай лучше о настоящем. Ну, что ты там порывался передать?
Сергуня. Так... Ерунду какую-то..
Наденька. А от кого интересно? Перед кем это ты так трепещешь?
Сергуня. Есть такое понятие – работодатель..
Наденька. Это святое..
Сергуня. Увы!
Наденька. А что всё-таки он передавал?
Сергуня. Не он, а она.

Наденька. Во как!.. Ну так что же?..

Сергуня. Диск какой-то. Для компьютера.

Наденька. И что же на этом диске?

Сергуня. А я откуда знаю? Пригласила бы пройти – могли бы глянуть... Компьютер есть?

Наденька. Да ты не работник, а находка, как я погляжу...

Сергуня. По нынешней жизни глядеть не на это надо...

Наденька. И чего все мужики вокруг с такими менторскими тараканами?.. Ладно, проходи.

Сергуня входит в комнату, оглядывается.

Сергуня. А у вас тут неплохо.

Наденька. У кого это «у вас»?

Сергуня. У тебя и у того, кому посылка полагается.

Наденька. Я не знаю, кому что полагается. Но мне эта квартира точно не полагается.

Сергуня. Да?.. Впрочем, всё поправимо.

Наденька. Что?

Сергуня. Это я так. К слову.

Наденька. Ты, как я погляжу, за словом в карман не полезешь...

Сергуня. Лазать по карманам – это по части моей хозяйки.

Наденька. А ты что – вещь?

Сергуня. Ещё какая! Многие дяди и тёти, заглянув в моё резюме, прямо так и восклицали: «Вещь!» Но восклицаниями всё и ограничивалось...

Наденька. И где ж это она тебя прикупила?

Сергуня. На распродаже. У нас ведь сейчас народец в розницу по дешёвке идёт...

Наденька. А при чём тут карманы? Я уж решила, что она – воровка.

Сергуня. Тут другое. Это она свои карманы выворачивает, чтобы вложиться на всю катушку. А потом набить их заново в десять раз туже.

Наденька. Тебя это напрягает?

Сергуня. А тебя этот твой... не напрягает?

Наденька. А это не твоё дело.

Сергуня. Я слышал, он поэт. Романтично!

Наденька. Да уж не холуй при хозяине!

Сергуня (*напряжённо*). Знаешь, я, пожалуй, пойду.

Наденька. А как же посылка?

Сергуня. А как-нибудь (*направляется к двери*)...

Наденька. Ладно. Не становись в позу. Тебе не идёт.

Сергуня (*оборачиваясь*). Я не ослышался?

Наденька. Давай сюда свою посылку.

Сергуня нехотя протягивает Наденьке диск. Та вставляет диск в ноутбук. На экране появляется изображение – юные Надежда и Сергей, которых играют актёры, исполняющие роли Наденьки и Сергуни.

Сергуня. Узнаёшь?

Наденька. С трудом... А они здесь, наверное, в нашем нынешнем возрасте.

Сергуня. Только на нас ничуть не похожи...

Наденька. Да, сходство не проглядывается.

Сергуня. А на себя нынешних похожи?

Наденька. Ничего общего.

Сергуня. Вот и я о том же... Ничего у нас с ними общего нет.

Наденька. Что значит «у нас»?

Сергуня. Ну, у нас с тобой...

Наденька. А ты считаешь, что мы друг у друга есть?

Сергуня. По-моему, это не обсуждается...

Наденька. До боли знакомая бесцеремонность!

Сергуня. До какой такой боли?

Наденька. Зубной боли. В сердце... Это из записки главного пролетарского писателя пред безуспешным юношеским самоубийством. Не помнишь? Или мы голову учёбой никогда забивать не любили, университетов покуда не кончали?..

Сергуня. И любили, и кончали.

Наденька. Не пошли. А то пошлю – мало не покажется.

Сергуня. Сама начала.

Наденька. А ты закончи. Мужик ведь...

Сергуня. Хоть этот биологический факт признала...

Наденька. Это не факт, а робкое предположение. Безосновательное, кстати.

Сергуня. Тогда как предположительный мужик, скажу. Как бы мы ни собачились – а жизнь всё одно друг к дружке толкает. Значит, так тому и быть: противиться бессмысленно.

Наденька. Бессмысленно не замечать реального положения вещей.

Сергуня. Золотые слова! Тебе не кажется, что реальное положение вещей можно оценить только трезвым взглядом? А опьянение прожитым застит очевидное. Но те, что подшофе, нипочём не хотят трезветь. И им нужно помочь. Потому как они не только оглушающе нелепы в своей заскоружлости, но и не безопасны – и ментально, и социально... Увы, исторически это закономерно.

Наденька. Ты тоже историк?

Сергуня. Почему «тоже»?

Наденька. Да есть тут один...

Сергуня. Нет, я не ищу научных лавров. Моё нынешнее поприще – иное.

Наденька. Да вижу я твоё поприще...

Сергуня. Не думаю.

Наденька. Любитель ты всё запутывать...

Сергуня. Скорей, распутывать.

Наденька. Что-то я не заметила.

Сергуня. А ты много чего не замечаешь.

Наденька. Тебе-то знать откуда?

Сергуня (*с негодованием и воодушевлением*). От верблюда. Кругом такое творится! А она всё туда пялится (*указывает*

на экран). Бред какой-то! Глаза разуй! Этого ничего не должно быть! А оно есть. Понимаешь?

На д е н ь к а (*с металлом в голосе*). Я никому в таком тоне разговаривать со мной не позволяю. Понимаешь?

С е р г у н я. Прости... Спокойно не могу. Почему мы должны умильно смотреть, как делеги совкового разлива учат нас жить: чем заниматься, что ценить, с кем спать? Как сонно выслушивают отчёты о выполнении наказов и отстёгивают несмышлёнышам от барских своих щедрот по три копейки за прилежание...

На д е н ь к а. А почему только совкового?.. Нынче что – не разливают? Делеги – вообще не то слово...

С е р г у н я. Совковые – самые противные. Перевёртыши чёртовы. Вчера – лютики-цветочки, сегодня – тёрки-бабульки... А завтра – воронки-отсидки. Им всё божья роса... Они ко всему – с ярим сердцем да от души...

На д е н ь к а. Но не все же подряд?..

С е р г у н я. Да. Некоторые на лютиках-цветочках застряли. Ну, так у них всё ещё впереди!

На д е н ь к а. Ты думаешь?

С е р г у н я (*вскакивает*). Если б ты знала, что нас ждёт впереди!.. Но не дождётся. Не допустим.

На д е н ь к а (*с натужной иронией*). От твоих заклинаний прямо дрожь пробирает...

С е р г у н я (*серьёзно и пафосно*). Наконец-то ты начала понимать!

На д е н ь к а (*искренне*). Я ничего не понимаю.

С е р г у н я (*с раздражением и напором*). А что тут мудрёного? (*Выключает ноутбук*) Есть люди, которые сопливаются над историей, а есть – которые следят, чтоб она не прекратилась. Сопливые, они только с виду смирные. На самом деле такое могут выкинуть – хоть стой, хоть падай (*с нарастающим раздражением*). А падать не нужно. Это

проще простого. Нужно прочно на ногах стоять. А не шукать всю дорогу, где бы карман набить. Да юностью голоштанной своей прикрываться.

Наденька (*неуверенно*). Каждый живёт, как умеет...

Сергуня. Живи, если другим не мешаешь.

Наденька (*робко*). А если мешаешь?

Сергуня (*твёрдо*). Тогда пеняй на себя (*садится рядом с Наденькой, приближает её за плечи*). Не всё соплями кичиться да шестёрками рулить. Пора и честь знать (*обнимает её крепче*).

Наденька (*не шевелясь*). Это ещё что? Просто кино...

Сергуня. Кино у нас уже было. Помнишь?

Наденька. Какое ещё кино?

Сергуня. Самое настоящее. Не хуже этого (*показывает на ноутбук*). Потом покажу. У меня сохранилось. А сейчас (*включает ноутбук*) – танцы до упаду!

На экране появляются выжженная солнцем сельская местность. Звучит португальская народная мелодия.

Наденька. Я не танцую!

Сергуня. Танцуют все!

Сергуня вскакивает и за руку притягивает Наденьку к себе. Она, упорствуя, повинуется. Начинается танец. Темп музыки увеличивается. Наденька танцует с нарастающей энергией. Сергуня становится ведомым. Наденька безраздельно доминирует, определяя весь рисунок танца. На пике темпа музыка обрывается. Свет гаснет.

Занавес

Антракт

Четвёртый

Вдумчиво

Спальня в квартире Надежды. В левом от зрителей углу сцены – обширная низкая кровать, большое зеркало, ночной столик, дорогой аудиовидеоцентр, чуть поодаль – экран; в правом – входная дверь. Надежда, одетая с некоторой торжественностью, нетерпеливо ходит по комнате.

Надежда (*досадливо*). Ничто не меняется. Ничто... Хотя вроде бы давно всё другое. Сколько, блин, ждать можно! Нет, вечность – не в главном. Она в мелочах. Вон привычка опаздывать. Мелочь, а приятно... Чёрт бы их побрал (*подходит к зеркалу, смотрится в него*)... Ну и рожа! (*Огорчённо вздыхает, затем строит зеркалу рожи*) А ведь какие-то прежние мелочи, как ни крути, в глазёнках проглядываются. Ну и дай бог!.. Забыла пиццу купить. Люблю грешным делом...

Звонит мобильный телефон. Надежда неохотно берёт трубку.

Надежда (*по мобильному телефону*). Да. Знаю. Я в курсе ситуации. Конечно, подставили. Ясно, что кто-то из своих. Нет, не вызывали пока. Обойдётся? Если всегда обходилось, это не значит, что это будет всегда. Хорошо сказала? Мне не до красивых слов... Слова – вообще не моя стихия... Хотя для протокола выражения подбирать нелишне. Шучу. Я вообще в последнее время слишком много шучу. К чему бы это? Не знаешь? Вот и я не знаю. А мне нужно знать. Иначе... (*Раздаётся звонок в дверь. Надежда на несколько секунд замолкает.*) Короче – ждём. Я на связи.

Надежда кладёт телефон на ночной столик, быстро смотрится в зеркало, поправляет причёску, подходит к двери.

Надежда (*нарочито кокетливо*). Кто там?

Голос за дверью. Открывайте! Не то будем брать штурмом. Считаю до одного...

Надежда (*опасливо*). Ты, что ли?

Голос за дверь ю. В этом мире – лишь мы. За его пределами ничего нет.

Надежда (*с облегчением*). Напугал ведь, чертяка! (*Отпирает дверь*) Заходи, коли в этом мире – лишь мы...

Сергей (*нерешительно*). Привет!

Надежда. Ну и дурак же ты...

Сергей (*нерешительно*). Почему?

Надежда. И ещё спрашивает. Пугать-то зачем? Я пуганая...

Сергей (*нерешительно*). Это я любя...

Надежда. Будет заливать. Раздевайся. Вешалка, помнишь, где?

Сергей (*решительно*). На память не жалуясь. Я же историк.

Надежда. Вижу. И то, что вовремя приходит ни к чему – помнишь, и присказку эту допотопную...

Сергей. Почему это допотопную?

Надежда. А какую ж ещё? До потопа дело было... А потом она стала без надобности.

Сергей. Многие стало без надобности. Дурацкое выражение, правда?

Надежда. А ты всё слова в разные выражения складываешь?

Сергей. Время от времени.

Надежда. Они-то, небось, всё время и отнимают. А то я не помню...

Сергей. Ну, кое на что всё-таки остаётся...

Надежда. И то слава богу.

Сергей. А ты что и куда складываешь? Если не секрет...

Надежда. Так мы ж договаривались! Что у тебя три попытки угадать. Или тебя память подводит?

Сергей. Почему это – три? Про это разговора не было...

Надежда (*с удовлетворением*). Ишь, помнит!

Сергей (*оглядывая комнату*). Я смотрю, живёшь ты очень даже неплохо...

На д е ж д а. Хорошо жить – это не профессия.
 С е р г е й. Ты думаешь? А по-моему, весьма нескучное занятие.
 На д е ж д а. Нескучное занятие должно искупаться скучным. Господь следит за балансом.
 С е р г е й. Ты игуменья?
 На д е ж д а. Что?
 С е р г е й. Понятно. Одной попытки – как ни бывало...
 На д е ж д а. Не беда – впереди вдвое больше. Вся жизнь впереди (*напеваает*)...
 С е р г е й. Тогда, наверное, что-то противоположное... Не сутенёрша, часом?..
 На д е ж д а. Это ближе. Ты на верном пути.
 С е р г е й. Заинтриговала...
 На д е ж д а (*подбоченясь*). Это мы можем...
 С е р г е й (*после некоторого раздумья*). Стало быть, ты – торговка. Матёрая такая торговка. На все сто. Атаманша торгашеской шайки. Угадал?
 На д е ж д а. Во даёт!.. И откуда ты знаешь?
 С е р г е й. Да ничего я не знаю. Я чувствую.
 На д е ж д а. Меньше знаешь – крепче спишь... А чувства – это хорошо. Пока они тебя не съедят. А они, видишь ли, прожорливые...
 С е р г е й. Да ничего я не вижу. Я чувствую.
 На д е ж д а. Ничего не вижу, ничего не слышу (*напеваает*)... Хорошая позиция. Долго проживёшь.
 С е р г е й. Мы и так уж с тобой живём ого-го-го сколько!
 На д е ж д а. Да, грех жаловаться.
 С е р г е й. Нет, ты определённо игуменья.
 На д е ж д а. Была бы. Если б в моём монастыре устав был. А мы по чужому живём...
 С е р г е й. Кстати, спасибо за подарок. Любо-дорого было глянуть.
 На д е ж д а. Понравилось? Я тоже, нет-нет, да одним глазком гляну. А то вокруг и глядеть не на что.

Сергей. Я и не знал, что эти кадры сохранились...

Надежда. Как видел...

Сергей. Как выражался один знаменитый поэт, Бог сохраняет всё.

Надежда. Ну вот! А сам мне религию шьёшь...

Сергей. Ох, и выраженьице!

Надежда. Кому выражаться, а кому шустрить. Волка ноги кормят.

Сергей. И зубы.

Надежда. Это само собой. Заяц вон тоже шустёр.

Сергей. И зубы у зайца ого-го-го какие...

Надежда. Только в ход пускает он их не по делу...

Сергей. У всех свои дела.

Надежда. Это уж каждый сам кумекает, какие считать своими...

Сергей. Нет, сам не раскумекаешь. Это как фишка ляжет.

Надежда. Фишка фишкой, а элементарно жрать тоже иногда что-то надо...

Сергей. А медицину ты бросила?

Надежда. Смеёшься? Какая теперь медицина? Там даже при наличии крепких зубов жевать нечего. Так, иногда – то там откусить можно, то там... С голоду сдохнешь.

Сергей. А в твоей нынешней епархии есть чем разжиться?

Надежда. Было.

Сергей. А нынче что-то изменилось? Серьёзно?

Надежда. Это гораздо серьёзнее, чем поначалу казалось. Гораздо серьёзнее...

Сергей. А ты показалась мне такой оптимистичной, энергичной, победительной...

Надежда. А я такая и есть. Это только с тобой чуточку нюни подраспустила. С другими поди попробуй... Ты прав – будет философию разводить. Садись. Кино смотреть станем.

Сергей присаживается на кровать. Надежда вставляет в гнездо аудиовидеоцентра флешку. На экране появляются обнажённые Наденька и Сергуня. Следует постельная сцена.

С е р г е й. Это что такое?

Н а д е ж д а. Документальный фильм о том, чем мои подчинённые занимаются в рабочее время.

С е р г е й. А эта девица у тебя работает?

Н а д е ж д а. У меня работает этот пацан. Точнее, работал. Выгоню к чёртовой матери...

С е р г е й. Симпатичный юноша...

Н а д е ж д а. Профурсетка тоже ничего.

С е р г е й. Ты думаешь?

Н а д е ж д а. Я всё говорю как есть.

С е р г е й. Compliment твой обязательно передам.

Н а д е ж д а. Ого! А вроде все слова в столбик... Давай валяй.

С е р г е й. Вот видишь: слова в столбик – это не игрушка. Тоже соврать не дают.

Н а д е ж д а. Да, игрушек у нас, считай, что и не осталось...

С е р г е й. За редким исключением.

Н а д е ж д а. Чуть ли не единственным... Да что мы опять о грустном? Полюбуйся, какие тела!

С е р г е й. Я уже не раз любовался.

Н а д е ж д а. Кто бы сомневался... Но натура – одно, а кино – совсем другое. Разные ощущения. Разве не так?

С е р г е й. Ты права: ощущения несравнимые. Искусство – это вам не жизнь.

Н а д е ж д а. Согласна: не булка с маслом. Хотя откуда мне знать?

С е р г е й. А кому знать? Никто ничего не знает. Ты знаешь, что будет завтра?

Н а д е ж д а. Догадываюсь.

С е р г е й. Ты самонадеянна.

Н а д е ж д а. Я хорохорюсь.

Сергей. Это здорово. Большинству этого не дано.

Надежда. Большинству дано только вот это (*показывает на экран и выключает аудиовидеоцентр*). И то за счастье... Это ведь счастье, когда это возможно?

Сергей. Лишь в том случае, когда возможно не только это.

Надежда. Философ, философ... Люблю философов.

Сергей. За что?

Надежда. За то, что всё знают и ничего не могут.

Сергей. Ты преувеличиваешь.

Надежда. Относительно первого или второго?

Сергей. Относительно третьего – относительно твоей любви.

Надежда. Неужели ты и это знаешь?..

Сергей. Я же знаю всё. Ты сама сказала.

Надежда. Я всё говорю как есть.

Сергей. Значит что-то всё-таки есть. Даром, что игрушечное.

Надежда. Если даром – это не игрушечное.

Сергей (*на выдохе*). Что ты такое говоришь?..

Надежда. Я всё говорю как есть.

Свет гаснет.

Пятый

По глоткам

Глоток первый

Правый угол сцены освещён. В световом кругу на стуле сидит Наденька и разговаривает по телефону.

Наденька. Сама не знаю, как такое могло произойти. Ума не приложу! Думала, всё пройдено тысячу раз... И на тебе! Я себя просто уважать перестала. Как будто затмение нашло... словно всё это не со мной... Ничего не могу объяснить. Как глупо!.. (*Пауза*)

Я завалила зачёт! Полный бред!.. Я же знала... И сама прекрасно знала, что знаю... И мандража никакого не было. И вдруг – раз! И как будто парализовало. И не пугал ведь особо никто... С чего это я? Раньше за мной такого не водилось. А может, не замечала? Прокатывало – и ладно. Хотя такое поди не заметишь... Есть в психологии такой термин – профессиональное выгорание. Это когда уже весь мозг вынесли. Наверное, именно оно меня сейчас и настигло. Не рано ли? *(Пауза)*

Весь мозг вынесли... Лучше держать надо было. Только и всего... Зачёты, зачёты. Если обернуться – за плечами одни зачёты. Когда это кончится? Ведь всё на свете кончается. А нынче снова зачёт. И завтра опять... И каждый день – день сурка. И даже рожи те же самые выплывают... Говорят, нельзя пускать прошлое в своё настоящее. А поди нынче разберись – кто твоё прошлое, кто будущее. Кажется, все времена сплывились в одно. И разницы нет никакой. А может, её и в самом деле нет? Только поначалу казалось. Или тогда всё было правильно? А кажется именно сейчас? Лучше не думать. Всё одно ничего не придумашь. Жалко только, что зачёт повис. И снова к нему возвращаться... Возвращаться, возвращаться и возвращаться! Несказанная жизнь!

Может, это оттого, что я всю дорогу учусь? Школа, репетиторы, институт... Говорят, когда цыплёнок вылупляется из яйца, он принимает за родителя первое, что видит. И везде следует за первым увиденным. Я проходила это тысячу раз. И сейчас прохожу... То за одним иду, то за другим. Учителя! Родители, блин! Зато каждый раз рождаюсь заново... С другими мозгами. Хорошо ли это? По крайней мере, нескучно. А это нынче дорого стоит. Впрочем, нынче всё дорого стоит. Даже дешёвое. Прежде всего, дешёвое. К нему крепче привыкли – отказать труднее. А за привычки нужно платить... Это только я привыкла их ломать. Чудо в перьях!

Хотя на самом деле ничего я не ломала. Это внутри у меня что-то ломалось. И что, я должна делать вид, что всё в исправ-

ности? Изображать то, чего и в помине нет? Правильнее быть самой собой. Такой уж, какая сейчас есть. И проще, и спокойней, и честнее. Да, нынче так, а завтра – этак. Но зато я и сегодня, и потом – я. А не муляж себя вчерашней... Есть такие дамы, которые только тем и занимаются, что пытаются себя сохранить неизменными с незапамятных времён. И внешность свою, и нутро, и повадки. Целое прямо-таки сословие! Пустое занятие. Хотя – занятие, кто спорит. Если больше занять нечем – очень даже ничего. Даром, что не плодотворное. Зато не самое пагубное. И окружающим вреда никакого – забава одна. А я не клоун, чтоб народ забавить. Если когда и случается, то не нарочно. Но вообще это вовсе не моё амплуа. А какое моё?.. Чёрт его знает. Если бы разуместь! Может, тогда всё и складывалось бы по-другому. Кто знает... А нужно ли мне по-другому? Но всё дело в том, что по-другому не бывает. Это только кажется, что могло бы быть. А на самом деле не могло. Что могло быть, то и есть. А все вздохи о возможном – от лукавого. Это принять нужно. А не надрывать сердце химерами. Оно одно. И дано не для этого.

Следовать за жизнью надобно. Принимать всяческие её подарки и сюрпризы, не отстраняться от неё брезгливо, не забывать о её капризном нраве. Она как собака – всегда не знаешь доподлинно, что у неё на уме. И есть ли что-то вообще. И воспринимать её надо как четвероногого друга – терпеливо, мускулисто, вежливо. Может, тогда и подружиться с ней удастся?

Впрочем, это невозможно. Разве что от глупостей звериных удержишь. И то – на время...

Свет гаснет.

Глоток второй

Левый угол сцены освещён. В световом кругу на стуле сидит Надежда и разговаривает по телефону.

Н а д е ж д а. Чёрт возьми, почему я всё-таки не успеваю? Никак не успеваю замечать, как всё моментально уплывает из-под ног. Влёт. Вчера одна земля, сегодня – другая, а завтра – и вовсе никакой... Дожила. О земле принялась рассуждать. Стало быть – пора!

Правильно всё-таки, что я в мед не пошла. Хотя учиться – дело богоугодное... А всё равно б не поступила. А если бы и поступила – всю жизнь маялась... Теперь хорошо вижу, что меня ждало... А потом завертелось-закружилось. И занятие как-то само собой слепилось из детских шалостей. Устаю, конечно, как собака. А кто нынче человек?

Да что Бога гневить? Занятие как занятие. Даже весьма и весьма! Гармония интеллектуального и физического. Труд – прямо как при коммунизме. Кстати, на радость людям. Полезное с приятным. Только мечтать можно! А я время от времени кочевряжиться начинаю, хандрю в чёрную, в капризы идиотские ударяюсь. Баба, одним словом... Но потом быстро в чувство прихожу. Стало быть – мужик! Кто бы сказал, что так всё обернётся, в глаза б расхохоталась... А будь под мухой – и глаз бы засветила. С меня станется... Ну и дамочка, скажете... А была бы другой – давно и не было уже на свете. Так что выбора не дано.

Портвейн, портвейн... Странно, но для меня сугубо производственные, можно сказать, вещи звучат как стихи. Ну как, скажите на милость, тут кайф не поймать?

Далее голос Надежды звучит энергично, напористо, страстно.

Портвейн созревает дольше, чем многие другие вина. Не один десяток лет он может томиться взаперти. И в специальных чанах, и в дубовых бочках, и в прочных бутылках. Портвейн созревает по-разному. Отсюда и столько его видов, каждый из которых имеет свой уникальный нрав и требует особенного ритуала употребления.

Портвейн «Винтаж» хранится много лучше и дольше других. Он производится лишь из отборного винограда, а потому его

всегда сравнительно немного. «Винтаж» заточается в дубовую бочку на два года. Потом он разливается по бутылкам и дозревает в течение многих лет в винном погребе, приобретает характерные мягкость и «округлость» вкуса. Однако часть вина бутилируется раньше – по истечении двухлетнего срока. Количество бутылок, предназначенных к продаже, объявляется заранее, подобно тому, как это происходит с «гран крью» из Бордо. Также как и в Шампани, далеко не каждый год объявляется годом великолепного урожая.

Винодел принимает независимый вердикт о том, следует ли объявлять данный урожай заслуживающим высшей оценки.

И честность, желание жить на широкую ногу, репутация, необходимость оплачивать труд наёмных работников приходят в жуткое противоречие... Как оно разрешается? По-разному.

Также как и классический, «Лэйт Ботлд Винтаж» производится из урожая одного года. Однако если первый выдерживается в дубовых бочках обычно два года, то в данном случае этот срок увеличивается втрое. И само название «Лэйт Ботлд» можно перевести как «поздно разлитый в бутылки». Поэтому «Лэйт Ботлд Винтаж» готов к употреблению сразу после того, как попадает в бутылку, и не предназначен для хранения в погребе. У «Лэйт Ботлд» нет фамильной насыщенности классического. Однако какие фруктовые тона можно в нём уловить! А как он сочетается с сырами! С незабвенным английским «Стилтон» или португальским «Кейжу-да-Серра». Да мало ли ещё с чем...

А есть ещё портвейн, который, выдерживаясь многие годы в дубовых бочках, утрачивает свой естественный рубиновый цвет и меняет его на золотисто-палевый. Такое вино называется «Тони». Оно, созревая в бочке, «дышит» сквозь её дубовые стенки, впитывает их запах и приобретает бархатистые и пряные ноты лакрицы и лесного ореха. Вкусовая сложность

«Тони» желанна по окончании трапезы. Особенно если под рукой шоколад, кофе или миндаль. А лучше – если всё вместе. В отличие от других, несколько тяжеловатых портвейнов, старый «Тони» может подаваться охлаждённым. А потому не стоит забывать о нём летом.

Существуют и «Руби» – молодые плотные портвейны, полученные смешением вин одного или нескольких урожаев. Среди них пруд пруди незатейливых напитков, которые не худо прихлёбывать между делом. Как, впрочем, и более изысканные марки – «Резерв» или «Винтаж Характер», созревавшие в деревянных бочонках по меньшей мере четыре года...

Господи, за что мне эта прелесть?..

Глоток третий

Правый угол сцены освещён. В световом кругу на стуле сидит Сергей и разговаривает по телефону.

С е р г е й. Будущее ещё не сбылось. Но оно важнее сбывшегося. Оно сильнее держит тебя за руку. Прямо-таки тащит за руку. А часто – и за шиворот. Куда только? А какая, собственно, разница? Главное – не какое оно. Главное, что оно предстоит. И лишь в малой степени зависит от того, насколько ты кочевряжишься, когда тебя тащат. Тебе не нравится, ты недоволен, ты оскорблён... А если б тебя взяли да бросили? И не беспокоили больше, оставили, где есть, забыли... Ты был бы раздавлен, сражён, развеян по ветру... Где ты, ау?! Ан, нету тебя. А ежели хочешь быть – терпи, что тащат. По-другому не выйдет!

Конечно, здорово, когда тащит тебя какое-нибудь добродушное и смышлёное существо. И оттуда, где оставаться тебе смертельно опасно. Например, португальская водяная собака – из какой-нибудь серьёзной реки. Хотя бы той же Дору. А потом бы она сторожила твои стада, охраняла твои виноградники... Я плохо знаю собак, но мне кажется, что она бы всё это смогла. Только где они, стада и виноградники?! Нечего

нынче сторожить. И завтра тоже... Хотя кто знает... Окажись я на родине этого прелестного водяного пса, как бы всё обернулось? А что? Может быть, оно и не поздно? Тут ведь только два пути. Либо согласиться с тем, что есть, либо не соглашаться. Представляете, что внутри творится, когда долго-долго соглашаешься, а потом... Опять соглашаешься. И всё.

Да, решиться – вещь каверзная. И будешь потом вспоминать нынешнюю свою житуху как благословенные времена. Но так-вы издержки. Против законов жанра не попрёшь. А решаются сплошь и рядом не ради благополучия, а ради другого воздуха. Ветер, свежий ветер!.. (*Напевает*) Перестройка, будь она неладна! Никуда она из нас не делась. Мысль о ней мёртво сидит в жадном мозгу. Только как её воплотить? Все ли вокруг для этого надобны? Или ты сам себе режиссёр? Большинство так и носит в себе всю дорогу неясную эту потребность. Она что-то вроде далёкого манкого маяка, бог весть для чего мерцающего. Смотришь – щемит за грудиной, а поплыть – ни в жисть...

Ведь понятно, что на самом деле на каменистом берегу у какого-нибудь атлантического маяка всё совсем не так, как мнится издали. Слишком каменисто. Кризис и всё такое... Но как бы ты не готовил себя к этому, всё одно за грудиной защемит ещё круче. Не за инфарктом же туда стремиться... А за чем-то совсем другим. А есть ли там другое? А если нет, то где?..

Наверное, самое мудрое – это жить как живётся. Есть какие-то невидимые токи, требующие согласия с ними. И если это достигается, тогда и жизнь ощущается как жизнь. А не отбывание номера. А самовольно их отключать – вещь чреватая. Что с лампочкой без тока бывает? Гаснет, да и всё...

Когда вмешиваешься – всегда губишь. Почти всегда. Разве что когда и губить уже нечего... Бывает. И ежели оглядеться – всё чаще и чаще. Но это – терминальная стадия. И вмешательство тут – всего лишь жест отчаяния... Жесты, жесты. Всё кругом состоит из жестов. А что они выражают?

Они самодостаточны. Жест равен жесту. Ни более, ни менее. Целая философия жестов произросла – прямо-таки холодок в груди. А кому какая разница, что в груди? Главное, что на лице. Встречают по одежке. А если хорошо встретят, то и метлой потом поганой не выгонят. Пусть только попробуют! Гость становится хозяином. Это особый талант. Актуальный тип. Завидный ресурс живучести. Время сделало его. А он теперь делает время. Роли меняются. Всё меняется – вечны лишь перемены...

Эмоций, что любопытно, уже не осталось. Есть только мрачноватое обдумывание возможных потерь. И выбрать – это при любом раскладе потери. И пустить дело на самотёк – они же. Но жить – это терять. Стало быть, живём!

Просторные долины, зелёные воды, винные погреба. Какое там, интересно, небо? Небо мёртво связано с землёй. С конкретной землёй. Независимо от времени суток, погодных причуд, исторических ветров. Только вверх голову задери – и ясно, что тебя ждёт. Лишь по выси и можно судить о тверди. И там. И здесь. А как иначе?

Глоток четвёртый

Левый угол сцены освещён. В световом кругу на стуле сидит Сергуня и разговаривает по телефону.

С е р г у н я. А вы не видите, как всё измельчало? Где действительные фигуры? Одни фантомы, муляжи, названия. Будешь кого-то изображать – тебе поверят. Будешь в своей шкуре – поморщатся скептически. А потом и раздавят как нечто сомнительное. От греха подальше. Вдруг ядовитое?..

Хочу, чтоб эта собачья жизнь прекратилась. Есть другие жизни. Только не забывать надо об этом обстоятельстве.

Да, существуют правила игры. И чтобы её выиграть, по ходу дела приходится порой подыгрывать. Это не слабость – это условие. А не принимаешь условий – сиди отдыхай. И ни на какие победы губы не раскатывай. А не будешь раска-

тывать – самого в асфальт закатают. Это у нас легко. Мне ли не знать?.. В чём проблема? Самим собой нужно при всём при том оставаться. И действовать, и лицедействовать. Хоть лицедейство – это вовсе не твоё дело. Но иначе – отпихнут. В лучшем случае. В самом безобидном. А о худших не будем. На всех перекрёстках – всё только о них... Как будто цель – это помереть пооперативнее. А жизнь – перетерпеть, да и вся недолга...

Может, вся эта карусель необходима, чтоб себя сохранить? Значит, верно, есть что хранить. Значит, вескость хорошую в себе чуешь. Может, оно и так. Верю, что так. По причине отсутствия других предположений. Вон – дерево. То сбрасывает листву, то снова отращивает. То в налесь сучья наряжает, то в цвет ударяется. На него то заглядываются, то косятся, то бочку катят. Что, мол, выделяется? А оно знай себе растёт да растёт. А весь маскарад для того и творится. Чтоб дураков отвлечь. Чтоб взять да спилить – в их головы не пришло. А когда их внимание занято – ты свободен. Расти – не хочу...

А расти нужно. Ох, как нужно! Для того чтобы этих самых соглядатаев унять. Это уж никак не древесное... А что ни на есть человеческое! Убрать из игры тех, кто по-человечески играть не может. Ну, такая вот у них начинка – собачья. Или волчья. Зоологическую принадлежность определить не берусь. Не ветеринар. Скорее, санитар леса. Тёмного, непроглядного покуда... Но всё – дело времени. Нужно только, чтоб оно делалось, а не забалтывалось. И всё сложится. Уже складывается. И как бы то ни было – это сложение, а не вычитание. Это плюс, а не минус. Хоть многие и многие рыла отминусуются. На то они и рыла. Им в калашном ряду не место. Верней, даже не так. Либо они, либо калашный ряд. Вопрос сейчас именно так стоит. Он всегда так стоит. Но сейчас особенно. Почему? А потому что расплодилось этих самых рылообладателей немало. А количество, как известно, переходит в качество.

Вот такое качество мы нынче и имеем. Что тут поделывать? Только то, о чём и веду речь. Не вижу других стёжек-дорожек. Позарастали. Причём давно и наглухо. Их и не угадать уже. Да и кто пытается? Что трын-траву косить? Всё теперь всем трын-трава...

Но причитания – не моё амплуа. Это так, для справки. Чтобы не было недоразумений и заблуждений. Чтобы потом не объяснять всё по кругу. Чтобы не удивлялись, не обижались, ножей в ночи не точили... Хотя всё равно будут. Уже точат. Да и не бросал их никто тут вострить. Поэтому всё здесь следует делать на опережении. Кто опоздал – тот не успел. И вечная память... Впрочем, какое тут вечное... Кругом вчерашнего не помнят. Всё моментально из голов вылетает. Может, конечно, тем и живы. Охранительное торможение и всё такое... Не знаю. Но без памяти худо. Хоть элементарной какой-то... А то – пустота. Восполняешь её, чем можешь. А оно опять пустота... И так нескончаемо. Да разве ж так можно? Не должно. И не будет так. Попомните моё слово. Когда дела пойдут делаться. А движуха пойдёт. И уверяю вас – совсем скоро!

Свет гаснет.

Шестой Залом

Спальня в квартире Надежды. В левом от зрителей углу сцены – обширная низкая кровать, большое зеркало, ночной столик, дорогой аудиовидеоцентр; в правом – входная дверь. Сергей и Надежда лежат в постели под одеялом.

Надежда (*задумчиво и чуть насмешливо*). Ты не находишь странным, что всё дурацким образом повторяется, возвращается в клоунском обличье, аукается?..

С е р г е й. Всё в конце концов рифмуется. Даже когда рифма и рядом не лежала. Это закон.

Н а д е ж д а. Ты думаешь?

С е р г е й. Я знаю. Странно, что ты не знаешь. Но незнание закона не освобождает от ответственности.

Н а д е ж д а. Уж это я усвоила прочно!

С е р г е й. У тебя завидный кругозор!

Н а д е ж д а. Профессиональный.

С е р г е й. Да хватит прикидываться... Ты ж ничуть не общественно опасней, чем я.

Н а д е ж д а. Твоими бы устами да мёд пить... Пусть будет так. Согласна.

С е р г е й. Стало быть, созрел тост. За согласие! Кто-то обещал угостить чем-то нездешним...

Н а д е ж д а. Я от своих слов никогда не отказываюсь. Минуту. Напомни себе пока классические каноны...

Надежда встаёт, включает аудиовидеоцентр и уходит за кулису. Звучит дикторский голос.

Предварительно бутылку с портвейном «готовят» к подаче – держат в вертикальном положении в течение недели. Бутылку никогда не закупоривают повторно – пробка вынимается из неё раз и навсегда. Наполняется только половина бокала, чтобы вино «отдало» свои ароматы. Красное порто подаётся при температуре восемнадцать градусов, белое – десять. По запаху пробки можно определить, насколько тот или иной портвейн соответствует своему названию, не испортился ли он, пролежав долгие годы в погребе. Как правило, этого не происходит. И изучение пробки – не более чем красивый ритуал. За первым ритуалом следует продолжение: бутылка помещается на специальную подставку, откуда вино переливается в дегустационную чашу. Она – неременный аксессуар любого уважающего себя эксперта по портвейну. Сделав пробный глоток, он

наливает несколько капель портвейна в графин – следуя профессиональному жаргону, «умывает его». Затем портвейн декантируется, то есть переливается в графин, из которого уже разливается по бокалам. Перед тем как попробовать изысканный винтаж на вкус, необходимо дать ему пятнадцать минут «подышать» и только после этого можно приступить к самому желанному.

Порто здорово сочетается почти с любыми блюдами. Особенно хорош с жареными орешками, цукатами и всего лучше – с изысканными «синими» сырами, но вполне годятся и более простые – Чеддер и Глостер. Пьют хороший порто в сопровождении сигары. Дамы, согласно этикету, порто не пьют. Им предлагаются другие напитки...

Надежда выходит из-за кулисы с подносом в руках. На подносе графин с вином и два бокала. Она ставит графин на ночной столик и разливает вино по бокалам.

С е р г е й. Всё соблюдено?

Н а д е ж д а. До сего момента – неукоснительно.

С е р г е й. А тебе ж инструкция не рекомендует!

Н а д е ж д а. А я к категории дам не принадлежу. Я не «Винтаж», я – «Руби»! Подышать ему дадим?

С е р г е й. Ой, хватит томить. Кругом и так мутота смертная...

Н а д е ж д а. Ладно, тогда поехали.

Надежда берёт бокал, второй передаёт Сергею. Они делают по большому глотку.

С е р г е й (после долгого смакования). Божественно! А закусь нечем?

Н а д е ж д а. Шаром покати. Скоро курьер из пиццерии должен прийти. Я и дверь специально не заперла, чтоб не доставал. Пусть поставит в прихожей и сваливает с тихой грустью.

С е р г е й. С ним же расплатиться надо...

Н а д е ж д а. Всё уже уплачено по интернету.

Сергей. Интернет, интернет... А я так и не научился покупать заочно. И не хочу.

Надежда. Упрямый ты к тому же...

Сергей (*машет рукой*). Какой там...

Надежда. Упрямый, упрямый... Складываешь свои слова, как и четверть века назад складывал... И молодец. Так и надо!

Сергей. Думаешь?

Надежда. Прочти что-нибудь. Если уж всё рифмуется...

Сергей. Если вспомню... Буду запинаться – не замечай.

Надежда. По нашей жизни запинаться нельзя. Нужно говорить чётко и уверенно. Иначе услышат совсем не то, на что ты рассчитываешь.

Сергей. Кабы я рассчитывал...

* * *

вели окрестные печали
через воскресный гастроном
стоять велели на причале
строкой в сценарии дрянном

все эти кадры птиц и ветра
сакраментальная нуда
непотопляемое ретро
осатанелая вода

в непрезентабельном пейзаже
как атрибуты мелодрам
сквозили счастья и пропажи
с грехом и смехом пополам

и на исходе половины
жизнь оставляла на потом
успения сороковины
развилки во поле пустом

и опоздания некстати
и ожидания всерьёз

их пруд пруди в кинопрокате
для режиссёра не вопрос

пустопорожняя надсада
испепеляющая страсть
от мора здешнего и глада
за океаном запропасть

тесны леса поля и реки
ясны тунгус калмык и финн
но на причале человеки
ещё доигрывают фильм

глядят и видят сквозь друг друга
как отраженья шевеля
вся в елисейские округа
переселяется поля

В дверь звонят. Затем настойчиво стучат.

Надежда. А зачем, интересно, барабанить? Дверь не заперта... Курьер должен быть в курсе.

Голос Сергуни (*из-за входной двери*). Немедленно откройте! Это очень важно.

Надежда. Что-то до боли знакомое.

Голос Надежки (*из-за входной двери*). Открывайте!

Надежда (*громко*). Кто там бузит? Прекратите!

В комнату быстро входит Сергуня, за ним – Надежка.

Надежда (*резко*). Какого чёрта ты вламываешься в мой дом, щенок?

Сергуня. Вот моё удостоверение (*достаёт из кармана, раскрывает и сует в лицо Надежде*). Вот ордер на обыск (*достаёт другой рукой из другого кармана бумагу и держит её рядом с удостоверением прямо перед глазами Надежды довольно долго*).

Если по этому поводу вопросов нет, я хочу получить от вас...

Надежда (*перебивает*). Получай!

Надежда выплёскивает вино из своего бокала в лицо и на документы Сергуни.

Короткая пауза.

Сергуня (*обескураженно*). Вы за это ответите.

Надежда (*пренебрежительно*). Вали отсюда!

Сергуня. Я обязательно вернусь... Мы вернёмся (*с достоинством удаляется*).

Наденька (*следуя за Сергуней*). Мы обязательно вернёмся!

Пауза.

Надежда. И чего прикажете ждать?

Сергей. Такие обычно возвращаются.

Надежда. И каковы же превентивные действия?

Сергей. Как следует запереть дверь.

Надежда. Думаешь, это спасёт? (*Подходит к входной двери и закрывает её на несколько замков*)

Сергей. Запереть нужно снаружи. А потом уехать на другую квартиру.

Надежда. Туда, где вино голыми руками выжимают из камня (*по стенам скользят блёстки, зыбкие изображения монарших особ, каменистых местностей, винных бочек*), и это длится уже две тысячи лет?

Сергей. В страну нашей забубённой юности?

Надежда. Слушай, поедем со мной!

Сергей. Ты это серьёзно?

Надежда. Всё будет нормально. Я знакома с тамошними людьми. Стану организовывать поставки. А здесь тоже свято место пусто не будет. Желающих поучаствовать – через край. Только свистни. И дело пойдёт, как и шло. Только ещё лучше.

Сергей. Ты так уверенно говоришь...

Надежда. Я знаю, что говорю. Я всё говорю как есть.

Сергей. Подумать надо. Так вот с бухты-барухты всё бросить – дело нехитрое. А потом – локти кусать?..

Надежда. А лучше баланду хлебать? Решать нужно быстро. Промедление смерти подобно... Это из тех времён. Помнишь?

Сергей. Ещё бы. В печёнках сидит. А прав ведь был, чертяка...

Надежда. Нужно собираться! *(Достаёт из ящичка и выкладывает на ночной столик какие-то документы, деньги, кольца, цепочки.)*

Раздаются звонки в дверь. Потом в дверь настойчиво стучат. Надежда и Сергей некоторое время стоят молча.

Голос из-за двери. Пиццу заказывали?

Надежда. Наконец-то сподобились *(идёт к двери и отпирает её)*.

В квартиру входят Сергуня, Наденька. А за ними – много мужчин в одинаковых серых костюмах, которые затем располагаются в обоих углах сцены.

Сергуня. Мы вернулись.

Надежда. А где же пицца?

Сергуня. Курьер уволился. Доставка не работает. Нужно явиться лично *(пауза)*. Поехали? Вы, я вижу, уже и собрались... Правда, портвейна в заведении не подают. Не положено. Сухой закон.

Надежда. Закон?

Сергуня. Традиция.

Надежда. Вы поддерживаете традиции?

Сергуня. Это традиции поддерживают нас.

Надежда. Вас?

Сергуня. А больше тут некого поддерживать. Если жить предполагаешь.

Сергей. Предполагаем жить...

Сергуня (*задумчиво и несколько высокомерно смотрит на Сергея*). Это ты предполагаешь. А мы живём. Ради того, чтобы поменьше было всяческих предположений. А была жизнь...

В квартиру входит юноша. Он держит перед собой картонную коробку.

Юноша. Пиццу заказывали?

Надежда. Спасибо. Аппетит пропал. Придётся нагуливать.

Сергуня. Приходите, пожалуйста, лет через десять.

Сергей (*с вызовом*). А раньше не получится?

Сергуня. Не думаю.

Сергей. А надо иногда думать.

Наденька (*включаясь в разговор*). О чём?

Сергей (*раздражённо*). О том, что весь мозг вынесли.

Наденька. Согласна. Зато новый наготове...

Сергей. У кого мозг наготове, у кого – безалкогольная диета...

Сергуня (*Надежде*). Собирайтесь. У нас мало времени.

Сергей (*заметно нервничая*). Согласен. У нас очень мало времени.

Надежда (*Сергуне*). А говорил, что курьер уволился.

Юноша. Меня никто не увольнял. Я хочу работать. А потом – учиться.

Сергуня (*Надежде*). Мало ли что я говорил...

Наденька. Он будет учиться. Учиться – это здорово.

Юноша. Согласен, учиться – это здорово. Не всё же пиццу таскать. А так – будут достойные преподаватели... Будет перспектива.

Надежда. Согласна. Но где, мальчик, ты намерен искать достоинство?

Сергей (*отрывисто*). Разве что в истории... (*включает аудиовидеоцентр*)

Дворовая песенка семидесятых годов звучит всё громче и громче.

Сергуня. Времени больше нет.

С е р г е й (*кричит*). Согласен! Сто раз согласен!..

С е р г у н я. Вот и прекрасно, что все согласны. Значит, всё правильно!

Песенка звучит максимально громко. По стенам скользят блёстки, зыбкие изображения монарших особ, каменистых местностей, винных бочек. Потом свет гаснет.

Занавес.

Мама

Околонаучные записки

Науки юношей питают,
Отраду старым подают...

М. Л.

Э то были странные звуки. Соотнести их с чем-то из алфавита можно лишь с большой натяжкой. Какие при этом годятся буквы? М, б, е, х... Прямо скажем, не самые пасторальные слова мгновенно вспоминаются при этом... Но братья наши меньшие слов не ведают. От лексических цепей они свободны. А от самых что ни на есть физических – увы... В старом деревянном виварии медицинского института это было явлено во плоти.

Барана звали Яшка. Он жил в ошейнике и на цепи. И был очень разговорчив: говорил «бе» при каждом к нему приближении. «Как правило, овцы не блеют от боли, но блеют, оказавшись в изоляции». Где это я вычитал? У Брэма, что ли?.. И разве баран – это овца?..

Среди кроликов, белых мышей и морских свинок Яшка смотрелся величественно.

...стремительные облака морозного пара заполнили прихожую. Запахи хвои, снега, вымокшей шерсти, вне всякого сомнения, были обещанием праздника. И я закрыл глаза в надежде увидеть потом чудо... Отец и мама вернулись из лыжного похода на Пионерскую горку и принесли мне огромную сосновую ветку. Они смеялись, тормозили меня, рассказывали о забавных падениях... Для меня мама – это лыжный восторг.

Моя мама была микробиологом. Аспиранткой она ездила в Москву, в Институт усовершенствования врачей, к знаменитой Ермольевой, создательнице отечественного пенициллина. Она рассказывала о Михаиле Ивановиче Штуцере, который на заре карьеры стажировался у Роберта Коха в Берлине. О палочках Коха я кое-что уже слышал... А потом он организовал в нашем городе бактериологический институт. А потом его перевели в Полтаву, в Киев... А потом он сгинул.

Игорь Иванович Степанов, гурман и сибарит, заходя на кафедру, церемонно кланялся дамам, степенно усаживался за свой стол и как бы между прочим рассказывал анекдот с той долей перца, которая обеспечивала неизменный успех у аудитории. Он был сыном профессора Степанова-Григорьева, одного из отцов-основателей здешней микробиологической школы. За это великовозрастному отпрыску классика жанра традиционно прощались необоримое лентяйство и светский алкоголизм. На общих празднованиях «красных дней календаря» вместе с мужем одной из кафедральных преподавательниц он отбивал из-за стола на кухню, и уж там дозы и приличия были иными...

Кроликов, отработавших своё на опытах, старшая лаборантка кафедры прекрасно готовила в автоклаве. Говорили, что это кулинарный шедевр. Все собирались за общим столом, шутили, спорили, обсуждали перспективы...

Автоклавные кролики объединяли всех лучше любых корпоративов. Впрочем, слова такого тогда, по-моему, и не было...

Огромный, двухметровый и стодвадцатикилограммовый, Игорь Иванович легко вплывал в открытую на ночь форточку, приобретал прежние формы, усаживался в кресло и рассказывал, рассказывал, рассказывал...

– Тебе, наверное, матушка говорила, что я целых два года трудился на Кубе? Помнишь, такая братская страна была? Пре-

дотвращал эпидемии всякие... Там антисанитария была жуткая!.. Местные только танцевать да трахаться горазды. А чтоб работать – дураков нет... И то правда, что там и не заработаешь ни черта – гроши платят. Даже грошами это не назовёшь – слёзы... А зачем плакать? И потому все смеются и радуются жизни. И деньги тут не при делах...

Твоя мама была замечательной! Я ей любовался. И если бы не знал хорошо твоего отца, наверняка приударил бы за нею... Но этика прежде всего! Ведь меня женщины любили... Ах, как меня любили женщины!..

Игорь Иванович зажмурился и блаженно разулыбался.

– Она как-то сказала, что первое, о чём ты её попросил, было купить попугая... Понятно, что никто эту просьбу выполнить не собирался. Но ты упрявился и бубнил своё изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц...

Так вот, когда я уже собрался возвращаться с вотчины Фиделя восвояси, меня спросили, что подарить на память. И я ответил: «Двух попугаев». Мне и тебе. И ведь подарили...

Нас долго держали в аэропорту в Гаване. Я как помешанный носился с двумя клетками, потому как птицы друг другу не симпатизировали... Потом был шмон, потом долгая посадка. Потом полёт, который, казалось, длился целую вечность... В Шереметьево нас тоже долго мурыжили... Требовали какие-то документы от ветслужбы... И мы долгие часы ждали в ледяном предбаннике. А когда всё решилось, оказалось, что один из попугаев приказал долго жить... А второго, каюсь, я оставил себе. И когда я приходил с каких-нибудь посиделок, он вопрошал: «Игорь, почему так поздно?» Не знаю уж, кто его научил... А вскоре и все стали попугаями.

Понимаешь, друг мой, мы боролись с эпидемиями. А нынче эпидемии борются с нами. Понятно, что у кого стратегическая инициатива, тот и потенциальный победитель... Но не будем о грустном, не будем... Есть масса прекрасных в этом

мире вещей. Вино, кролик печёный со свёклой, умопомрачительные женщины... Надо просто уметь это ценить. А это уметь не просто...

– Зинаида Виссарионовна пригласила всех стажёров на свой день рождения. Как сейчас помню, небольшой зал с эстрадой и роялем её бывшего мужа, вирусолога Льва Зильбера и его родного брата Вениамина Каверина. В 1936 году Зильбер добился создания Центральной вирусной лаборатории при Наркомздраве РСФСР и открытия отдела вирусологии в Институте микробиологии АН СССР. В 1937 году он руководил дальневосточной экспедицией Наркомздрава СССР по изучению неизвестного инфекционного заболевания центральной нервной системы. В ходе работы экспедиции была выяснена природа заболевания – клещевого энцефалита – и предложены методы борьбы с ним. Сразу по возвращении Зильбер был арестован по доносам о попытке заражения Москвы энцефалитом и сокрытии факта заноса энцефалита в СССР японскими диверсантами. В июне 1939 года его освободили. Тогда же он стал заведовать отделом вирусологии в Центральном Институте эпидемиологии и микробиологии Наркомздрава СССР и работал там до своей смерти в 1966 году с перерывом на время третьего ареста...

В 1940 году Зильбер был арестован в третий раз. Находясь в заключении, он часть срока отбывал в лагерях на Печоре, где в условиях тундры из ягеля получил дрожжевой препарат против пеллагры и спас жизнь сотням заключённых, погибавших от авитаминоза. Это было официально зарегистрировано как изобретение. Интересно, что в свидетельстве в графе «имя автора» было указано «НКВД»... Зильбер отказывался от многократных предложений работать над бактериологическим оружием. Позже, уже в химической «шарашке», он начал исследовать природу рака. За махорку заключённые ловили Зильберу мышей и крыс для экспериментов. В ходе исследо-

ваний он сформулировал новую концепцию происхождения раковых опухолей. В своём первоначальном виде она базировалась на двух основных положениях: опухоли имеют вирусное происхождение, но вирус выполняет лишь иницирующую функцию в опухолевом процессе...

В марте 1944 года, накануне пятидесятилетия Зильбера, его освободили благодаря письму о невиновности учёного, направленного на имя Сталина и подписанному главным хирургом Красной Армии Николаем Бурденко, вице-президентом АН СССР Леоном Орбели, академиком Николаем Гамалеей, биохимиком Владимиром Энгельгардтом и Зинаидой Ермольевой. А как она уже после развода хлопотала, чтобы Зильбера освободили! Хотя тогдашний её муж как раз в это время сидел... 12 февраля 1938 года Алексей Захаров был арестован, а уже 9 марта подписал показания, в которых сознался, что «вместе с проф. О.О. Гартохом создал контрреволюционную организацию с целью убийства Вождя и Друга человечества И.В. Сталина, шпионажа в пользу фашистской Германии, диверсионной работы в виде заражения в случае войны источников водоснабжения и вредительства на фронте борьбы с эпидемиями».

Он признался, что состоит в боевой группе под руководством агента фашистской разведки О.О. Гартоха, готовившей убийства членов советского правительства... Это только потом она узнала, что его к тому времени уже расстреляли....

Это была настоящая новочеркасская казачка – резкая, сильная, решительная... Сталинскую премию за пенициллин она отдала на строительство самолёта. На его борту так и было написано – «Зинаида Ермольева». Что ценно в этих людях – они не давали ощутить никакой дистанции, общались на равных, подбадривали... На рояле играл сам Рихтер. И это не выглядело чем-то из ряда вон выходящим... Она предлагала мне поработать в её лаборатории, но у меня уже родился ты...

Игорь Иванович Степанов привычно вплыл в открытую форточку, оформился в кресле и принялся рассуждать.

– Все мы загнёмся от эпидемии. Не этой, так другой. Не от другой, так от следующей... А по-другому быть не может. Люди, которые могли им противостоять, истреблены. А все эти вакцины, сделанные за две недели, – просто смех и грех... Но ты не переживай: от чего-то нужно умирать...

– Вам легко, – отвечал я. – Вы уже умерли.

– Не возьмусь сказать, кому легче. Везде не сахар... Тем более здесь столько коллег! Но они, увы, вне игры. Первый раз Оскар Оскарович был арестован 13 августа 1930 года. Тогда ОГПУ возглавлял – пока ещё в ранге зампреда – Ягода, и при осуществлении следственных действий до некоторой степени соблюдалась видимость законности. Через два с половиной месяца за отсутствием состава преступления О.О. Гартох был освобождён и вернулся к своим обязанностям. Возможно, свою роль сыграли его знаменитые поручители: академик Павлов, нобелевский лауреат Ромен Роллан и Максим Горький. Можно с большой долей вероятности предположить, что именно Ромен Роллан, поддерживавший близкие отношения с семьёй Гартоха, обратился за помощью к Максиму Горькому, бывшему, к тому же, близким другом Ягоды...

Я хорошо помню свою последнюю встречу с Яшкой. Он смотрел круглыми, полными вселенской тоски глазами и молчал, как будто понимал, что науке потребовалась его жизнь. Он, собственно, и вёл здешнюю жизнь для того, чтобы однажды с ней безропотно расстаться...

В последний раз О.О. Гартох был взят под стражу 31 мая 1941 года, когда до начала Великой Отечественной войны оставалось всего три недели. При приближении фронта к Ленинграду многие заключённые следственного изолятора были эвакуированы.

Но Гартоху не повезло... Его этапировали в Саратов – место компактного проживания этнических немцев Поволжья. В конце августа 1941 года Верховным Советом СССР было принято решение об их депортации. В этих условиях к тем из них, кто находился под следствием, чаще всего стали применяться расстрельные статьи...

«...Из числа агентов германской разведки, связанных с Цейссом, НКВД СССР арестован профессор-микробиолог, немец Гартох О.О., который 4 октября 1941 г. показал, что во время пребывания в Германии он в 1923 г. был завербован разведкой, а с 1925 г. по заданиям Цейсса вёл шпионскую и вредительскую работу в области микробиологии.

Гартох О.О. принимал активное участие в создании анти-советской организации среди микробиологов. Практическая подрывная работа этой организации состояла в выпуске недоброкачественных бактериологических препаратов (вакцин, сывороток) и в разработке наиболее эффективных методов проведения бактериологических диверсий в момент войны Германии против СССР».

Гартох содержался в Саратовской тюрьме № 1. Где-то в одной из соседних камер находился академик Николай Иванович Вавилов. Осуждённый в июле 1941 года к высшей мере наказания, он умрёт здесь в камере смертников от полного истощения через полтора года – 23 января 1943 года... Что касается Гартоха, то и его 28 ноября 1941 года приговорили к смертной казни. Последний месяц своей жизни он провёл в одной камере с Н.И. Вавиловым. Оскара Оскаровича расстреляли 30 января 1942 года – ровно за год до смерти Николая Ивановича, который оказался последним, кто пожал ему руку...

На дворе стояли шестидесятые. В чести были барды, лыжные прогулки, вечерние посиделки на кухнях. Снег искрился,

ветер бодрил, хвоя кружила голову. Взлетал Гагарин, поворачивали вспять реки, с великими трудами доставали плащи-болоньи... И думалось, что только так и можно, и нужно жить.

Игорь Иванович Степанов явился как всегда.

– Я подумал, я всю жизнь занимался чёрт знает чем... Ни микробиология, ни вирусология к эпидемиям отношения не имеют...

– Это что-то новое, – ответил я. – А в небесной канцелярии не наливают?

– Не ёрничай. Тебе это не идёт... Мы погибнем от эпидемии другого рода. Это особо опасная эпидемия... Вот чем надо было заниматься. Ты же ведь умный парень. Ты должен понять...

Я его не понимал.

– Ты не настолько умён, – вздохнул Игорь Иванович. – Я, пожалуй, больше не приду. Но ты всё-таки подумай над моей догадкой. Ведь самые важные вещи сформулировать невозможно. Да я думаю, и ни к чему. Формулировки только вульгаризируют. А вульгаризаторов у нас было миллион...

Мне стало жаль старика, разочаровавшегося в смысле своего труда. И я сказал: «Не расстраивайтесь. Просто я не люблю, когда всё слишком лежит на поверхности. И мы склонны винить во всём именно поверхность. Это ведь глупо. Правда?»

– А что умно, молодой человек? Следовать банальностям, которые становятся зловещими? Это легче лёгкого. И опасней опасного. Впрочем, никому ничего не навязываю... Твоя матушка была замечательной. Ты явно не в неё... Может быть, если бы я довёз тебе тогда попугая, ты был бы иным? Я даже в этом и не сомневаюсь... Но история не имеет сослагательного наклонения.

И здесь я его понял.

Живая латынь

*Anamnesis morbi**

Maniae infinitae sunt species**.

Это время вкрадчивый первый снег занимался над городом, медленно ложился на асфальт и никак не желал таять. Он жестоко оттенял ветшающий сталинский ампир, провоцировал сентиментальных прохожих на бессмысленные улыбки, бесцеремонно лез в глаза постовым милиционерам. И было понятно, что это только робкая проба его недюжинной силы. И всё, как водится, впереди...

Хрупкий утренний ледок, хрустящее краснобокое яблочко, небо, онемевшее от «Столичной»... И совсем низко – небо. Сизое, неприветливое, ноябрьское. И под ним – зябко и легко... Почему? Потому что ото всякой обязаловки кайфануть можно – нужно только способ распознать... А куда ж без кайфа, когда вся жизнь – обязаловка? Иначе всю эту жизнь запросто и профукаешь... Плесни ещё чуток – чай не май месяц... Тепло нутряное поддерживать нужно. Оно без поддержки выветривается в два счёта...

«Да здравствует социалистическая революция!»; «Социальные завоевания советской державы – в жизнь!»; «Вся власть – трудовому народу!» Чего только не рисовали на просторных красных тряпицах!..

*Anamnesis morbi – история болезни (*лат.*).

**Maniae infinitae sunt species – Разновидности безумия бесконечны (*лат.*).

– Серж, а знаешь, что вчера ночью вражки голоса рассказывали? Что у нас на центральной площади под памятник Ленину бомбу заложили. Сигнал такой в органы был... И террорюгу вычислили быстро... Он отпирался, доказывал, что это он капсулу с посланием для потомков под постаментом оставил. В таком важном месте сохраннее будет... Правда, ни бомбы, ни капсулы потом не нашли, но пятнадцать суток придурку всё равно впаляли... За нарушение общественного порядка. Слушай...

– Папа, что такое пьяный?

– Сынок, видишь эти две берёзы? А пьяному кажется, что их четыре. Понятно?

– Да, папа. Только здесь одна берёза...

Больше всего Серёжа любил демонстрации за праздничные обеды после торжественных шествий. С небольшой компанией он заходил к родителям своего школьного друга, где гостей уже поджидал дразнящий праздничный стол. Призывно высилась изрядная ваза с салатом «оливье», на ломтях батона сочно переливались крупные шпроты, в мисках с редкими стеблями укропа изнывали малосольные огурцы... А селёdochка в растительном масле с огромными кольцами лука и крапинами розмарина! А самодельный изюмный квас, выдержанный в громоздких бутылках из-под «Советского шампанского»! А ещё белые, в маринадной слизи, один к одному, грибы, огромные, фаршированные острым сыром баклажаны, мочёный, лукаво сверкающий арбуз...

Очнувшись, Серёжа поначалу ничего не понял – тусклая лампочка в углу, драное казарменное одеяло, низкий деревянный лежак... Вокруг ещё с десятков подобных сооружений. На некоторых громоздились тела, завёрнутые в застиранную байковую материю. Все почему-то лежали на правом

боку. Наверное, так, как изначально положили... Маленькое зарешечённое оконце под потолком, шершавые стены, крашенные масляной краской, грязноватый кафельный пол... Прямо говоря, место не из завидных... Упрямый храп новых соседей, глухие шаги в невидимом коридоре, животное урчание водопроводной трубы... Потом железная дверь со скрежетом отворилась, в проёме возникла изрядная физиономия в милицейской фуражке. Заплывшие глаза с минуту неподвижно глядели в замкнутое сопящее пространство, и следом вновь заскрежетали засовы... Это была плановая инспекция.

– Гражданин, зажмурьтесь и вытяните руки... Так. Присядьте двадцать раз. Глаза не открываем...

Как быстро единение с массами обращается ночным кошмаром!..

...Над улицей высился транспарант «Да здравствует десятилетие Великого Октября!» Он туго надувался ветром, точно парус. И казалось, что вот-вот вся улица сдвинется с места и поплывёт, словно нелепое перегруженное судно, неведомо куда...

Серёжа сидел на заднем сиденье рядом с Троцким. Мотор работал, автомобиль готов был в любой момент сорваться с места. Серёжа тайком поглядывал на соседа и обнаруживал, что представлял его себе иначе...

Желтовато-землистый оттенок лица, утрированно клювообразный нос, опущенные вниз концы жидких усов. Пронзительные маленькие глаза, всклокоченные чёрные волосы, изломанный тонкогубый рот... Необычайно развитые лобные кости над висками напоминали зачатки рогов. Эти рогоподобные выпуклости, несуразно большие уши и острая козлиная борода делали сидящего рядом похожим на чёрта из народ-

ных поверий. Он смотрел прямо перед собой и, казалось, вовсе не замечал Серёжу. Однако же вскоре прервал молчание, обратившись именно к соседу по заднему сиденью.

– Как вы считаете, молодой человек, чья возьмёт?..

И, видя Серёжино замешательство, коротко хохотнул, отечески похлопал его по плечу и почти шёпотом выговорил по слогам: «На-ша».

– Что мы нынче имеем? Безработицу, нэпманов, кулаков... Хороша же физиономия нашего теперешнего общества, нечего сказать! И кто несёт за это ответственность? Правильно... Партия большевиков. Стесняться тут нечего. А чего ждать от партии, на пленумах которой из президиума кидаются стаканами... Да-да! Когда я выступал на октябрьском пленуме, секретарь ЦК Кубяк метнул мне в голову этот весьма увесистый предмет. Едва не убил... А член президиума ЦКК Ярославский вообще запустил в меня толстенным томом контрольных цифр... Ум, честь и совесть! В стенограммах, конечно, этого нет. Ещё бы!..

Серёжа давно уже обнаружил у себя весьма странную особенность и даже перестал ей удивляться. А между тем назвать это заурядным прибамбасом или банальным глюком никак было нельзя. Потому как речь шла ни много ни мало о способности обнаруживать себя в других временах, но в созвучных обстоятельствах. Нужно упомянуть, что данная способность проявлялась исключительно после солидного возлияния. Поэтому рассказывать о реальном положении вещей Серёжа стеснялся, опасаясь пожизненного клейма алкогольного психопата.

– Смотреть на это не могу... Больно. Нужно действовать. И действовать решительно! И нельзя ничего бояться – ни ошибок, ни проклятий, ни трупов... *Divinum opus sedare*

dolorem*** ... Хотя латынь – это не про вас. Вы ведь классического образования уже не застали... А для нас реалии тех времён были родной средой мысленного обитания. Что нас только не увлекало!.. Скажем, проституток называли волчицами. Волчица по-латыни – *lupa*... Во время первых раскопок в Помпеях – ещё в восемнадцатом веке – лупанариев в двадцатитысячном городе насчитали три с половиной десятка. В Помпеях подобные места старались не афишировать. С улицы в лупанарий вела низкая и неприметная дверь. Однако найти лупанарий не представлялось сложным делом даже для заезжих торговцев и моряков. Посетители ориентировались по стрелкам в виде фаллического символа, вырубленным прямо на камнях мостовой. Они пробирались в лупанарий после наступления темноты, прикрываясь низко надвинутыми капюшонами. Сей специальный остроконечный головной убор – так называемая ночная кукушка – скрывал лицо благородного клиента борделя. Строки об этом есть у Ювенала в рассказе о похождениях Мессалины... Подсвеченных рекламных вывесок тогда ещё изобрести не успели, поэтому в тёмное время суток дамы зазывали клиентов громкими и заунывными волчьими завываниями. Римляне вервольфов не боялись и смело шли на зов. Заходили в двери, над которыми висели таблички с изображением волчицы, и охотно расставались со своими динариями, сестерциями и прочими изделиями из драгметаллов, приобретая взамен удовольствия и античные венерические заболевания...

Серёжа хотел осведомиться, не под влиянием ли этих подростковых штудий написано его пресловутое похабное письмо второй жене Наталье Седовой. Но вовремя вспомнил, что это случится только в июле тридцать седьмого. И преждевременный вопрос жирно проиллюстрирует неадекватность вопрошающего... А потому лишь уклончиво заметил:

****Divinum opus sedare dolorem* – Божественное дело – успокаивать боль (*лат.*).

– Я на первом курсе мединститута латинский штудировал. Польза от этого увлекательного занятия весьма сомнительна. Мёртвый язык...

– Мёртвых языков нет. Есть мёртвое к ним отношение. Для многих и родной язык точно мёртвый... И таких, увы, большинство. Кто они? Случайная комбинация биологических тканей. Временная диспозиция молекул. Не более того... Что священник-католик в «пепельную» среду на первой неделе Великого поста пастве говорит? Помни, что ты – прах...

– А вы в Бога верите?

– Глупый вопрос. Нет, конечно. Всё это химеры, предрассудки... А вас зовут Серёжа? Вот как?.. Я хорошо знал одного Серёжу – у него уж точно до латыни руки не дошли... Я любил это чудо... Вот, кстати, гляньте. И Троцкий извлёк из внутреннего кармана мятый листок...

«Дорогой Лев Давидович! Мне очень больно за всю историю, которую подняли из мелкого литературного карьеризма т. Сосновский и Демьян Бедный. Никаких оправданий у меня нет у самого. Лично я знаю, что этим только хотят подвести других «попутчиков».

О подсиживании знают давно, и потому никто не застрахован от какого-нибудь мушиного промаха. Чтоб из него потом сделали слона. Существо моё возмущено до глубины той клеветой, которую воздвигли на моих товарищей и на меня (с Демьяном мы так не разговаривали). Форма Сосновского и приёмы их борьбы отвратительны.

Из всей этой истории нам больно только то, что ударили по той струне, чтоб перервать её и которая служила Вашим вниманием к нам. Никаких антисемитских речей я и мои товарищи не вели. Всё было иначе. Во время ссоры Орешина с Ганиным я заметил нахально подсевшего к нам типа, выставившего своё ухо, и бросил фразу: «Дай ему в ухо пивом». Тип обиделся и назвал меня мужицким хамом, а я обозвал его жидовской

мордой. Не знаю, кому нужно было и зачем делать из этого скандал общественного характера.

Мир для меня делится исключительно только на глупых и умных, подлых и честных. В быту перебранки и прозвища существуют, также как у школьников, и многие знают, что так ругается сам Демьян. Простите за то, если беспокоил всей этой историей Ваши нервы, которые дороги нам как защита и благосостояние.

Любящий Вас

С. Есенин»

– ...«Его лирическая пружина могла бы развернуться до конца только в условиях гармонического, счастливого, с песней живущего общества, где не борьба царит, а дружба, любовь, нежность, участие.

Такое время придёт. За нынешней эпохой, в утробе которой скрывается ещё много беспощадных и спасительных боёв человека с человеком, придут иные времена, – те самые, которые нынешней борьбой подготавливаются. Личность человеческая расцветёт тогда настоящим цветом. А вместе с нею и лирика. Революция впервые отвоюет для каждого человека право не только на хлеб, но и на лирику. Кому писал Есенин кровью в свой последний час? Может быть, он перекликнулся с тем другом, который ещё не родился, с человеком грядущей эпохи, которого одни готовят боями, Есенин – песнями. Поэт погиб потому, что был несроден революции. Но во имя будущего она навсегда усыновит его...» Это я о нём уже после его кончины. Ну да что теперь?..

– Лев Давидович, ваш отклик на смерть Есенина, вне всякого сомнения, точнее и объёмнее прочих... Но неужели это письмо и «Не жалею, не зову, не плачу...» написал один человек? В голове не укладывается... Через несколько лет начнёт печататься роман Михаила Шолохова «Тихий Дон». И там тоже сомнения

вспыхнут такого же порядка... Ещё какие! Специальную комиссию даже создадут...

Серёжа осёкся и вспомнил, что со временами шутить нельзя... Троицкий удивлённо глянул на собеседника.

– Я только его «Донские рассказы» читал. Немного – вещей восемь. В «Библиотеке рабоче-крестьянской молодёжи» выходили. Недурно, надо сказать...

Троицкий внезапно замолчал и через несколько секунд выпалил:

– Ложись!..

И увлёк Серёжу под сиденье.. На них посыпались осколки стекла... А ещё – мраморная крошка, куски памятника – воздетая ладонь, край мятой кепки, обрывок жилетки... Серёжа потрянул головой, и из каких-то тёмных уголков мозга выскочило слово «ленинопад». Такое никуда не годится – это часть всемирной истории, это знаковая личность, это неизгладимое и огромное... И Серёжу накрыло...

Когда Серёжа очнулся – услышал развязный радиоголос с ближневосточным акцентом...

Старый дед приходит к доктору:

– Доктор, у меня с бабкой беда, уж месяц лежит на кровати, не встаёт, то стонет, то рычит. Не ест, не пьёт, помирает. Что делать?

– Ну, дед, случай тяжёлый. Но лечение надо начать с секса.

– Доктор, милок, ты чего? Я старый партиец, на моих руках Ленин умер... Не могу я...

– Дед, другого способа нет.

Дед пришёл домой, покурил, покряхтел, бахнул жменю Виагры, запил соточкой и полез на бабку. Раз, другой... Устал, заснул... Просыпается, бабуля на кухне хлопочет, песенки напевает, губки покрасила, глаза подвела, аж пританцовывает. Дед сел, закурил, опустил низко голову.

– Дед, ты чего?

– Дык я ж мог, тогда, в двадцать четвёртом, и Ленина спасти...

...Потом пошёл рок-н-ролл, потом новости, потом всё стихло... А потом вроде бы уже и не радио...

– По очереди – слева направо – называем себя...

– Константин Бабицкий, Татьяна Баева, Лариса Богораз, Наталья Горбаневская, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов, Виктор Файнберг...

– Баева тут случайно...

– А кто держал эти клеветнические писульки? «Мы теряем лучших друзей»; «За вашу и нашу свободу»; «Позор оккупантам»... Это надо ведь удумать, где собраться – у Лобного места... Но если уж так желается – пожалуйста. Благо, далеко и ходить не надо...

И Серёжа вспомнил и другое, услышанное по «Голосу»... Обрывки, конечно. Но это отпечаталось... После «Демонстрации семерых» в пражской газете «Литерарни листи» писали: «Семь человек на Красной площади – это, по крайней мере, семь причин, по которым мы уже никогда не сможем ненавидеть русских». Их бы устами да мёд пить...

...У массивной двери красовалась металлическая табличка «Колледж Хаксли. Тарритаун»... Поодаль виднелся тёмноводный Гудзон. Вокруг нежились на солнце небольшие строения, буйствовала зелень, царила тишина... И казалось, что это дальняя глубинка. Но от Манхэттена Серёжа проехал по железной дороге всего лишь сорок километров...

Серёжа поднялся по лестнице и постучал в дверь с надписью «Павел Литвинов».

– Ну, наконец-то!.. – воскликнул хозяин кабинета.

– Здравствуйте, Павел Михайлович! Очень рад Вас видеть. Вы здесь преподаёте? А какие предметы?

– Математику и физику... Взяться за старое. Я ведь когда-то в середине шестидесятых уже подвизался на этой стезе. В Москве, в Институте тонких химических технологий. Как знать, не случись шестьдесят восьмого – может быть, и по сю пору там бы трудился... Но, как говорится, история и сослагательное наклонение – вещи несовместимые.

– Кстати, об истории... А почему дети и внуки так самоотверженно разрушают мир своих легендарных отцов и дедов? Вы, Ирина Якир, Есенин-Вольпин... Может быть, тут не только мировоззрение? Может, фамильный инстинкт какой?..

– Поколения должны отрицать друг друга... Да и как тот пресловутый мир не отрицать? Если начинка гнилая – запах никуда не денешь... Знаете, что Борис Бажанов вспоминал? Кто это?.. Любопытный такой человек. Секретарь Оргбюро ЦК в двадцатых. А потом – перебежчик... Книжку издал. «Воспоминания личного секретаря Сталина»... Нашумела... Потом переиздал – вставил туда и про Большой террор, и про Троцкого, и про XX съезд... Всякое лыко в строку... Так вот, о моём деде Максиме Максимовиче он там вот что выдал. Поглядите... «Первыми вопросами на каждом заседании Политбюро – обычно вопросы Наркоминдела. Обычно присутствуют нарком Чичерин и его заместитель Литвинов. ...Чичерин и Литвинов ненавидят друг друга яркой ненавистью. Не проходит и месяца, чтобы я не получал «строго секретно, только членам Политбюро» докладной записки и от одного, и от другого. Чичерин в этих записках жалуется, что Литвинов – совершенный хам и невежда, грубое и грязное животное, допускать которое к дипломатической работе является несомненной ошибкой. Литвинов пишет, что Чичерин – педераст, идиот и маньяк, ненормальный субъект, работающий только по ночам, чем дезорганизует работу наркомата; к этому Литвинов прибавляет живописные детали насчёт того, что всю ночь у дверей кабинета Чичерина стоит на страже красноармеец из войск внутренней охраны ГПУ, которо-

го начальство подбирает так, что за добродетель его можно не беспокоиться...» Такое вот партийное товарищество... Впрочем, как это ни горько – оно и среди нашего брата не лучше...

– Вы про Ирину Якир упомянули. У неё подруга была – Татьяна Баева...

– Да, она тут неподалёку в Нью-Джерси живёт...

– Тогда в шестьдесят восьмом она у Лобного места оказалась случайно?

– Пусть будет так. Но потом случайности закончились. И в Штатах она оказалась вполне закономерно... Но это было давным-давно – в другой жизни... Едут два старых еврея в трамвае мимо здания, где раньше располагался публичный дом. Один не выдерживает и тяжело вздыхает... А второй резонно реагирует: «И вы мне будете рассказывать?!» Бабушка говорила, что деду очень нравился этот анекдот...

– А почему Сталин планировал убить вашего деда? Хрущёв писал, что из-за «принадлежности Литвинова к еврейской нации». Меер-Генох Моисеевич Валлах, как ни крути... Но одного этого маловато будет...

– Конечно. Тут ближе к истине Микоян. «У Сталина была причина расправиться с Литвиновым. В последние годы войны, когда Литвинов был уже фактически отстранён от дел и жил на даче, его часто навещали высокопоставленные американцы, приезжавшие тогда в Москву и не упускавшие случая по старой памяти заглянуть на огонёк. Они беседовали на всякие, в том числе и на политические, темы. В одной из таких бесед американцы жаловались, что советское правительство занимает по многим вопросам неуступчивую позицию, что им трудно иметь дело со Сталиным из-за его упорства. Литвинов на это сказал, что не следует отчаиваться, что неуступчивость эта имеет пределы и что если американцы проявят достаточную твёрдость и окажут соответствующий нажим, то советские руководители на уступки пойдут. Эта, как и другие бе-

седы, которые вёл у себя на даче Литвинов, была подслушана и записана. О ней доложили Сталину и другим членам Политбюро. Я эту запись тоже читал... Неудивительно, что поведение Литвинова у всех вызвало возмущение. По существу, это было государственное преступление, предательство. Литвинов дал совет американцам, как им следует обращаться с советским правительством, чтобы добиться своих целей в ущерб интересам Советского Союза. Сперва Сталин хотел судить и расстрелять Литвинова. Но потом решил, что это может вызвать международный скандал, осложнить отношения между союзниками, и он до поры до времени отложил это дело. Но не забыл о нём. Он вообще не забывал таких вещей. И много лет спустя решил привести в исполнение свой приговор, но без излишнего шума...» Да и рекомендательное письмо для Локкарта к Троцкому припомнилось... «Дорогой товарищ, податель сего, мистер Локкарт отправляется в Россию с официальной миссией, с точным характером которой я мало знаком. Я знаю его лично как полностью честного человека, который понимает наше положение и симпатизирует нам...» В таких случаях подвёрстывается всё...

– Выходит, что очередной инфаркт настиг вашего деда вовремя...

– Как это ни цинично звучит... Последние месяцы он с постели не поднимался... При нём медсестра была всю дорогу. Да и бабушка себя не щадила...

– Повезло, что они успели до революции расписаться. А позже – жениться на иностранной подданной, да ещё и дипломату, было равносильно приговору...

– Да, бабушка всю жизнь сохраняла гражданство Великобритании. Преподавала английский в Военной академии имени Фрунзе. Искусственный язык Basic English – это её детище... Очень латынь любила. Сотни, наверное, изречений наизусть знала... *Minus habeo, quam speravi, sed fortasse plus speravi,*

quam debui**** ... Она и Толстого переводила, и Чехова, и Тургенева... В «Нью-Йоркере» печаталась... Но это уже позже – когда она уехала в Англию. Я в это время в ссылке под Читой электричество починял... Вообще, замечательная у меня бабушка была... В детстве у самого Герберта Уэллса на коленях сидела. Он к её родителям запросто заходил... А имя и фамилия – вслушайтесь – просто как песня звучат – Айви Лоу...

Интересно, что Серёжины путешествия во временах и пространствах всегда сопрягались с теми или иными многочисленными мероприятиями. Они точно магнит притягивали его, вовлекали, делали частью себя...

...Серёжа узнал эту железную дверь без рукояти, глухие стены, крашенные масляной краской, грязноватый кафельный пол... Однажды после обязательной маёвки, уже почти в темноте он хищно рвал цветы на городской клумбе, чтобы преподнести одной глупой девчонке... Но в итоге она осталась без цветов. А Серёжа оказался здесь. Сто процентов – здесь... Хотя, может, и нет... Здесь нет маленького зарешечённого оконца под потолком. А в нём – россыпи зелёных дразнящих звёзд... А они точно были. И с кремлёвскими не имели ничего общего...

На следующее утро Серёжа пришёл к ней и всё рассказал. Девчонка пристально посмотрела на Серёжу и захохотала. Внезапно, яростно, до судорог... Серёжа ошалело глядел на искажённую внезапным смехом физиономию и цепенел. А чего он ждал? Что подружка положит голову ему на плечо и скажет: «Ну что ты? Ерунда»? Обнимет и посоветует: «Забудь»? «...Воз-

****Minus habeo, quam speravi, sed fortasse plus speravi, quam debui – Я получил меньше, чем ожидал, но, возможно, я больше ожидал, чем следовало (*лат.*).

можно, я больше ожидал, чем следовало»... Приступ неистового хохота длился и длился... Серёжа понял, что дожидаться финала ни к чему. И не прощаясь вышел.

«И к чему это я себя накрутил? И зачем вокруг совсем скромненького секса столько плясок и истерик? Почему я только и могу, что раздувать значения?.. А земная палата весов и мер никак меня не устраивает...» И Серёжа твёрдо пообещал себе следующий первоймай встретит без всяких сердечных заморочек...

...«Не жалею, не зову, не плачу...» – надрывно пел блатной баритон из бобинного магнитофона. На столе бликовал толстостенный «Агдам», под окном проплывала шумная майская толпа, в прозрачном московском небе парил ожидавший своего летнего часа олимпийский Мишка. Серёжа гостил у школьного друга. Тот, поболтавшись после выпускного без дела, укатил в столицу и устроился на работу. Не ахти с какими деньгами. Но по меркам их областного центра очень даже приличными...

Меж тарелок летали мятые карты лукавства, слюнные капли азарта, хриплые возгласы досады... Играли в поддавки на интерес. Чтобы выиграть, необходимо было шустро поступиться всем тем, что дуриком пришло при раздаче. Распрощаться срочно и легко, да ещё и суметь обрадоваться этому...

– Аккурат на День космонавтики представился, – рассказывал друг. – Ни кола ни двора у бедняги не было. Всё по городам метался. Питер, Одесса, Москва, Киев... Зато магнитофонных альбомов больше полусотни... Любил записываться... Да и копеечка – хоть крохотная, да шла... А тембр какой! Ты только послушай! Самородок, одним словом... А знаешь, что он любил? Портвейн луком репчатый закусывать... Говорят, у хозяев обязательно спрашивал: «А лука обычного у вас нет?» Выпи-

воха был ещё тот... Он от этого дела, говорят, и на Каширке лечился... Но не спасло. Кровоизлияние... Сорока одного года в крематорий проследовал!.. Прикинь, сколько нам при таком раскладе осталось... Бедный, бедный Аркаша...

Толпа внизу шумела, выкрикивала лозунги, то и дело хохотала...

– Анекдот хочешь? Одесса. Отдел кадров. Вы удивляетесь, Рабинович, почему на вас не выписана премия? А вы вспомните, на ноябрьской демонстрации вы несли портрет товарища Брежнева, а из кармана у вас торчала бутылка водки. А когда я вам сказал: «Бросьте немедленно эту гадость», вы шо, бросили?

Шум толпы креп, разрастался, заполнял комнату... Магнитофонные рулады едва угадывались... Потом всё слилось в сплошной нестерпимый гул. А потом наступила тишина...

– Ваше лицо мне определённо знакомо. Вы ведь бывали на концертах в «Ленпроекте»?.. Не отпирайтесь – я помню... Не бойтесь, это для вас ничем не чревато. Я ведь отбываю за океан. Решено... Пока свободные люди выдавливали из себя рабов, рабы выдавили из страны свободных людей...

Представиться? Не ломайте комедию... Будто не помните. Хорошо. Как будет угодно. Рудольф Фукс. Вернее, Соловьёв – с семьдесят второго... А можно обращаться ко мне как к Рувиму Рублёву. Слышали о таком поэте? Прошу любить и жаловать... Но теперь уж, видимо, только издали...

Серёжа не понимал, с какой стати к нему привязался этот бесцеремонный тип...

– А вы не знаете, где сейчас Аркадий? Как это какой? Звездин, конечно. Дело важное... Вы ведь общались. Неужели не знаете? Ну, что вы заладили, будто я ошибся. Ошибаться – не в моих привычках... Это ведь я открыл миру этого разгильдяя...

Незнакомец был настойчив и суетлив. Он то слегка отступал, то наклонял голову и глядел чуть со стороны, то неожиданно придвигался почти вплотную...

– Он ещё в шестьдесят втором с подачи Коли Брауна ко мне заявился. Хотел Баркова заиметь... А как запел – Барков тут же и забылся... И пошло-поехало – записи, записи, записи... Он записываться любил страшно. К тому же и стол накрыт, и рюмочку-другую-третью по ходу дела всегда пропустить можно... Под конец надирался, конечно. Но это уже когда магнитофон выключали...

Скажу по секрету, я хочу его с собой в Штаты увезти. Там с его голосищем развернёмся... Я, конечно, записей, сколько могу с собой прихватчу... Но он мне живой нужен. Там нашей публики больше, чем достаточно... Я уже и одну экзальтированную американку для фиктивной женитьбы присмотрел. А он, собака, куда-то запропастился... Похоже, в очередной клинч вошёл...

...Странный это был звук. Неприятный, визгливый, монотонный... Сначала видно ничего не было. Всё будто бы в дымке... Потом мгла рассеялась... Разномастные угрюмые тётки беспорядочно брели по дороге и мерно колотили в пустые кастрюли обшарпанными половниками. По обочинам предприимчивые бабульки торговали магазинными кефиром и постным маслом, вдалеке накачанные братки в кожанках весело беседовали с кем-то в красном пиджаке... Все были заняты своим делом. Никто ни на кого внимания не обращал... Сквозь унылое тёткино стучание прорезался обрывок братковского разговора...

– Коммунизм уже на горизонте и...

Вопрос из зала:

– Что такое горизонт?

Лектор:

– Э-э... Горизонт – это воображаемая линия, в которой небо соединяется с землёй, и которая удаляется от нас по мере того, как мы пытаемся к ней приблизиться...

Краснопиджачник благосклонно заулыбался... Потом покосил на Серёжу и помрачнел. Хотел что-то сказать браткам... Но просто махнул рукой и зашагал к машине...

– погоди, – крикнул один из братков, – чуть не забыли... У нас для тебя подарок есть.

Браток подбежал и протянул человеку в красном пиджаке большую грампластинку. На футляре было крупно выведено: «Король подпольной песни».

– штаты, – пояснил браток, – фирма «Kismet Record». Один жучок-эмигрант из Союза её прикупил. И теперь наших ребят там раскручивает. Зацени – душевно... И качество. А то помнишь, как в плёнки вслушивались – один шум да треск...

Красный пиджак ещё раз ослабился и плюхнулся в машину.

Сергей Иванович Маклаков пододвинул Серёже стопку водки и горько вздохнул.

– Вот когда он первый раз ко мне пришёл... Ну, я записи-то слышал. Думал, суровый такой мужик, срока отбывал... Громадный должен быть, плечистый. Ну, такое впечатление, когда он поёт...

Открываю дверь – стоит симпатичный молодой человек в галстук... Высокого роста, с гитарой. Ну, как-то у меня настроение сразу испортилось. Какой это Аркадий? Не может быть, чтобы это был Аркадий. Проходит в комнату, садится на диван, выпиваем по рюмочке... А как взял гитару и запел – все вопросы отпали...

У меня, знаешь, теперь какой агрегат? Новый ламповый «Sony»... Квадромагнитофон! Да ещё с микшерским пультом! За это друзьям-умельцам особое спасибо... Такого нынче ни у

кого нет! Даже шустрый Фукс рот разинул: «Старик Маклак нас всех обскакал...» Дело понятное... *Figulus figulo invidet, faber fabro*^{****}. Это я у него поднабрался. Сам-то я человек простой – технарь...

...А для записи мне залы не нужны. По друзьям подходящая хата всегда отыщется. Только окна нужно одеялами зашторить, микрофоны к потолку привесить, всех лишних на кухню выгнать... Всё стоящее у нас за оконными одеялами делается... Ну и баланс между делом и застольем блюсти нужно. А то с головой накроет...

Когда меня первый раз посадили, познакомился с одним перцем. У того башка однажды отказала... А очнулся уже на нарах – со мной рядом. Сто лет уж прошло. Меня через несколько лет после войны привлекли. За хулиганство. Мутная песня...

Ну и Аркадия порой накрывало... Я договаривался – в Москву на Каширку его лечиться отправлял. Где-то на год хватало. А потом – снова... Да и как тут устоять, если музыканты с утра требуют: «Хозяин, похмеляй оркестр!» И запись начинается с ящичка портвейна...

В наших палестинах не пить не выйдет. Это здесь необходимо как воздух. Только чтоб во здравье шло, а не на убой...

И Сергей Иванович налил Серёже ещё. На спинке соседнего стула висел пиджак с приколотой медалью «За оборону Ленинграда»... Хозяин тут же перехватил случайный Серёжин взгляд.

– Ну, если уж мы про войну вспомнили – анекдот слушай. Старая, заброшенная деревня. Оставшиеся дома – сплошь ветхие, покосившиеся. Въезжает в деревню пятисотый «Мерс». Из него вылезит упитанный, круто прикинутый дядя и направляется к одной из развалюх. Навстречу выходит старая-пре-старая бабка. Дядя здоровается и вопрошает:

^{****}*Figulus figulo invidet, faber fabro* – Гончар завидует гончару, мастер – мастеру (*лат.*).

– Бабушка, помните, во время войны вы прятали маленького мальчика-еврея в телогреечке от фашистов?

Она ему отвечает:

– Конечно, сынок, помню.

А он ей и говорит:

– Так это я, бабушка, тот мальчик, которого вы прятали. Я за телогреечкой приехал...

Серёжа не переставал удивляться странному своему свойству... В экстраординарные истории попадал он нередко, а потому то и дело оказывался в иных местах и временах – как в прошлых, так и в будущих – но в ситуациях в чём-то событийно схожих и по эмоциональному накалу сопоставимых. Будто всякого рода острые события были лишь нестойкой материализацией его психического строя, и ничего сверхъестественного в их непрошеном калейдоскопе не было.

...Над рядами развевались белые ленточки. Народ двигался неспешно, но упорно. Кто-то вещал через мегафон: «Благодаря всем накопленным страданиям и ошибкам теперь достаточно взглянуть на мир через белую ленту, чтобы пережить инициацию: перейти в иное духовное состояние, не позволяющее терпеть окружающую несправедливость, независимо от политических взглядов и социального статуса глядящего». Кругом одобрительно прислушивались... «Белая лента для гражданского секуляризированного общества сегодня становится чем-то вроде распятия две тысячи лет назад. Символом необходимости принятия окружающего страдания в себя, без чего вряд ли самую успешную жизнь можно считать полноценной. Другой вопрос, что владение белой лентой, не обеспечивающее соответствующей внутренней работой, быстро разоряет духовный мир человека. Ещё в Риме говорили...» Но латынь слушать желали далеко не все...

«Чтобы постичь историю страны, – всего-то и надо, что уго- дить в каталажку, – размышлял Серёжа на лежаке, – свобода к тому не располагает. Прошрое, будущее... На воле вполне на- стоящего хватает. А взаперти настоящего у тебя как будто и нет...»

- Чтой-то у тебя за белая лента на башке, Петька? Протест?
- Бинт...
- А! Другое дело! Обо что треснулся?
- Косяк...
- Журавлей??? Над Чапаевым издеваться?!
- Дверной...

Омоновцы по контуру колонны тоже похохатывали... Серёжа это хорошо видел – шёл с самого края... А что здесь такого? Тоже люди... Только как будто из глубокой древности – шлемы, щиты, доспехи... Но потом вдруг бойцы стали каменеть, идти трещинами, рассыпаться... С ними происходило что-то зага- дочное и необратимое...

«А это часом не ШИЗО?.. Всё отобрали, никуда не пускают, никаких с тобой разговоров... Говорят, такое до пятнадцати су- ток может твориться... Да кто эти сутки тут считает?»

Рамон Меркадер вёл под руку Сильвию Агелофф, эпизо- дическую помощницу и переводчицу Троцкого. В левой руке он держал какой-то длинный узкий предмет, завернутый в светлую, с бурыми пятнами материю. Сильвия залиvisto хо- хотала... «И почему дамочки так безудержно ржут в самые не- подходящие минуты? – думал Серёжа. – Как будто помечать хохотом всё тёмное – их важнейшая миссия...»

– Посмотри, что этот гад сделал, – весело жаловался Мер- кадер и, вытягивая шею, поводил ладонью по натянутой коже.

Вокруг его кадыка теснились кровоподтёки от чьих-то цепких пальцев.

– Запросто ведь и придушить мог...

– Забудь, милый, – сквозь смех отвечала Сильвия. – Настанет день, и твои страдания оценят. Ещё и Звезду Героя повесят. Ничто в никуда не уходит...

– Брось заливать-то, – блаженно щурился Меркадер. – Прямо разбежались...

В это мгновение из матерчатого свёртка внезапно выскользнул сокрытый в нём неясного назначения инструмент и звонко ударился о дорожный камень.

– Чёртов ледоруб! – вознегодовал уронивший. – Одна мо-рока с ним...

Стоявшие поодаль люди с самодельными плакатиками осуждающе закачали головами. Меркадер презрительно зыркнул в их сторону и уверенно двинулся дальше. Сильвия чуть помедлила и обернулась к жидкой кучке пикетчиков.

– А не надо было непотребные письма горячо любимой жене клепать. Он и так её будет, и этак... За все непотребства расплачиваться нужно. А у нас одна валюта – жизнь...

И, окрылённая собственным афоризмом, Сильвия стремительно последовала за удаляющимся спутником...

По обе стороны дороги через каждые два метра стояли рослые молодцы в униформе и доспехах. Они безучастно взирали на шествующего с высоко поднятой головой Меркадера-Джексона-Морнара-Лопеса и его раскрасневшуюся от смеха подругу.

– Ребята, держите их, – хрипло кричал кто-то из держателей неказистых плакатов. – Это преступники!..

Но униформисты его не слышали. Они прислушивались к иному... Из придорожных зарослей слышался гитарный перебор, надтреснутый голос с подчёркнутой приклатнённостью, глухой перестук гранёных стаканов... Глаза у служивых при этом делались тоскливыми и мечтательными. И все волнения о том,

кто идёт по дороге, оказывались неуместными. Главное, чтоб не сворачивали... Вот тяжело проковылял бородатый Пётр Якир с потухшим взглядом и огромным цирротическим животом, вот, отсвечивая «голой» головой, устремился вослед ему Виктор Красин, вот, ошалело озираясь, повлеклась по камням Татьяна Баева...

– Мы обязательно монетизируем все эти истории, – услышал вдруг Серёжа, и чья-то бесцеремонная ладонь по-хозяйски легла ему на плечо. Серёжа обернулся. Перед ним стоял Фукс...

– Кому это сейчас нужно? – отвечал Серёжа, убирая непрошеную ладонь со своего плеча. – Нынче есть темы поактуальнее...

– Не догоняете, молодой человек. Убийцы и отступники всегда в цене. И во времена Рима, и в Средневековье, а нынче уж и подавно...

«Латинский язык получил своё название от племени латинов, которые жили в Италии, в местности Latium (Лаций), где в 753 году до н. э. был основан город Roma (Рим). Латинский язык стал языком Рима, а потом и крупнейшей Римской империи, простиравшейся от Британии до Африки, от Пиренейского полуострова до Азии. Это пространство объединялось не только сокрушительной силой оружия, но и повсеместным использованием римского права и латинского языка. После гибели Римской империи в 476 г. н. э. латинский язык не канул в Лету. В Средние века и эпоху Возрождения он оставался основным письменным литературным языком, постепенно уступая функции разговорного новым наречиям. Самыми близкими к латинскому языку являются возникшие на его основе итальянский, испанский, португальский, каталанский, французский, румынский, ретороманский. Эти языки называются романскими языками. Романские языки наряду с латинским, в свою очередь, входят в индоевропейскую семью языков вместе со славянскими, германскими, балтийскими и другими.

Таким образом, латинский родственен и русскому, немецкому, английскому, греческому языкам – у них общий язык-предок. Часто латинский называют «мёртвым» языком. Но он «мёртвый» лишь в том отношении, что уже давно нет в этом мире его первоносителей – тех, для кого он был бы изначально родным...» Но в этом мире вообще ничего прежнего нет. А жизнь, как ни крути, светится...

Так значит латынь родственна русскому... Ёмкость, рельефность, величие... Не оттого ли вся наша изящная словесность – точно надпись на камне-постаменте для какого-то невысказанного памятника?...

...Сергей извлёк из-под обломков монумента капсулу и неожиданно легко вскрыл её. Оттуда вывалилась свёрнутая в трубочку бумага. «Никогда не участвуйте в публичных акциях. Вы или бессмысленно пожертвуете собственной репутацией, присоединяясь к оголтелому большинству, или получите клеймо изгоя, выступая против этого самого большинства. И смысла в последнем варианте не больше, чем в первом. Потому как этим вы ничего не измените. Только закроете себе все пути. Или закроют вас... *Respice finem******».

– Выходи, – скомандовала из дверного проёма заплывшая физиономия.

– Не пойду.

– Первый раз вижу, чтобы в трезвяке жить оставались...

А ну, пошёл!

«Что означает *Сергей*? Откуда взялось это имя?.. Сергии – это древний римский патрицианский род, по преданию, происходящий от троянцев. В переводе с латинского языка означает «высокий», «знатный».

******Respice finem* – Предусматривай результат (лат.).

...Обидеть Сергея несложно, даже мелочь может испортить ему настроение. С проблемами он чаще старается справиться в одиночку, не полагаясь ни на кого. А между тем друзей своих Сергей нежно любит и ради них готов на многое...

Женщины и весёлые застолья находятся в центре увлечений галантного мужчины, но сам он не афиширует это. Судьба Сергея складывается словно мозаика, из дурных и хороших поступков, из губительной мягкости и, напротив, неожиданной стойкости и редкой твёрдости. Ему не свойственно терять надежду в самых тупиковых ситуациях, и он успешно находит пути выхода из них...

Жить с Сергеем непросто. Его поступки сплошь и рядом непредсказуемы. Сам же он легко оценивает человека одним взглядом... Когда Сергей рядом, с ним сложно не ссориться. Но когда он исчезает из жизни, неотвязно возвращаются светлые картинки недавнего – их на поверку оказывается немало... Поведение Сергея не вписывается в рамки общественной морали – они для него слишком узки... В удовольствиях Сергей не знает меры. Он всегда готов на жестокие розыгрыши и рискованные приключения. В жизни Сергею не хватает блеска, и он всячески стремится к нему... А подспудные таланты нередко толкают Сергея на стезю лицедея или сочинителя...»

Знатный, высокий... У сержанта, как у овчарки, безошибочный нюх на чужаков. Отсюда и особая нежность...

Серёжа пару минут тупо смотрел на лежаки, потом стряхнул оцепенение, проглотил слюну и покорно кивнул... Сержант ждал и улыбался. И даже мурлыкал себе под нос. «Не жалею, не зову, не плачу...» Спешить ему было некуда...

«Слово *полицейский* греческого происхождения. Римляне использовали это определение для обозначения специальной

надзорной службы. Состояли там большей частью плебеи. Несмотря на то, что плебеи в Древнем Риме относились к свободным сословиям, таких гражданских и политических прав, как патриции, они не имели. И лишь в начале третьего века до нашей эры плебеям делегировали некоторые административные полномочия. Они исполняли преимущественно полицейские функции: контролировали рынки, бани, акведуки, таверны, следили за проститутками, дебоширами и ворами. А в случае необходимости – и судили их...»

Разумеется, такая необходимость возникала сплошь и рядом...

А когда Серёжа был уже у выхода, услышал брошенное вслед: «Memento quia pulvis es^{*****}». Серёжа вздрогнул и дико оглянулся. Он всегда помнил это выражение.

А случались ли в Древнем Риме массовые демонстрации? Разочаровались горожане в консуле или диктаторе – и прямоком на улицы... Факелы, лозунги, скандирования... Материи со словами недовольства... Вряд ли. Магистрат мигом бы вразумил... Харчевни, бани, лупанарии – всё было под неусыпным контролем. Хоть и добра этого было навалом...

«Не в последнюю очередь проститутки привлекали тем, что нарушали установленные правила. В римском обществе было принято, что доминирующая роль всегда и везде отводилась мужчине, в том числе и в сексуальной жизни. Во время полового акта именно мужчина должен был всегда быть активной фигурой... Откуда это? Наверное, из первобытного прошлого человечества. Не так давно мир обогатился ещё одной наукой – этологией, отчасти выросшей из зоопсихологии. Основоположником этой отрасли знаний стал австриец Конрад Лоренц. Этологи изучают поведение животных в естественной среде обитания. И человек как социальное животное тоже входит в

*****Memento quia pulvis es – Помни, что ты прах (*лат.*).

круг интересов представителей новой перспективной науки. При внимательном рассмотрении всех животных сообществ было выявлено одно несомненное сходство – все они построены по принципу иерархии. Во главе стаи стоит вождь, и другие особи подчиняются ему до тех пор, пока не происходит смена власти. Но каким образом животные выбирают себе вожака? Как оказалось – всё просто. У каждого вида существуют свои внешние признаки, указывающие на наличие или потенциал возможностей особи, позволяющих сохранить и приумножить популяцию. У лосей таким признаком являются ветвистые рога, у петухов – большой гребень, у шмелей – большое количество ворсинок на теле, а у наших ближайших сородичей обезьян – крупный пенис. Самец с наибольшим его размером признаётся членами стаи главарём или – в соответствии с эволюционной терминологией – альфа-самцом. И таким образом, именно фаллос становится атрибутом и символом власти...»

Неподалёку от входа в массивном кресле величественно восседала старшая лупа. Она благожелательно и вальяжно кивнула Серёже и осведомилась о его пристрастиях. Вопрос застал Серёжу врасплох – он путался, запинаясь, некстати замолчал...

– Вы, я вижу, человек благородный, – заключила бывалая распорядительница. – Вам на второй этаж. Там будет приятнее... Стоить сеанс будет пятнадцать ассов. И предупреждаю сразу – уборная одна на всех. Так что имейте в виду...

И матрона привычно указала на дверь в углу...

Комната оказалась совсем небольшой. Стены были разукрашены фресками, изображавшими совокупление земных женщин с мифологическими существами. Окна в комнате не было, и только чадающий фонарь позволял любоваться происходящим... У застеленного пёстрой материей каменного ложа прелестница развязывала широкий пояс, приподнимавший

грудь, совлекала лёгкую тунику и в последнюю очередь расставалась с сандалиями. Но фонарный чад ел глаза, и Серёжа смежал веки...

«Кстати, если римлянин считал, что есть чем похвастать в физиологическом плане, то он смело вывешивал табличку с изображением изрядных размеров мужского детородного органа над порогом своего дома... Это наследство первобытных предков сохраняется в цивилизованном обществе – мальчикам кажется, что очень важно иметь «достойный» размер половых органов, чтобы ощущать себя полноценными самцами человеческой стаи. Мужская идиома «мериться достоинствами» прочно вошла в употребление. Признание власти мужчины в нашем феминистском мире – важный аспект гармоничных взаимоотношений. Мужчина, признанный вождём своей небольшой стаи хотя бы в лице своей избранницы, ощущает себя совершенно иначе и даже социально начинает добиваться значительно больших успехов. Фелляция – один из видов метафорического посвящения мужчины в «вожди», придающий ему особую уверенность в себе...

По понятным причинам античные проститутки с современными научными изысканиями знакомы не были. И случалось, они просили своих клиентов сделать им куннилингус... Хотя и прекрасно понимали, что подобные действия неизбежно унижали тех, кто решался на исполнение таких просьб. И прежде всего – в глазах самих проституток. Ведь, по свидетельству современников, жутким позором для горожанина было признание его не настоящим мужчиной – то есть выполняющим пассивную роль в любви...»

Но нынче это в порядке вещей – одни только проститутки всюду и доминируют...

Округу Серёжа не узнал. Снег ровно покрывал всё, и что есть что – уже было не разобрать. Лица и значения вещей ушли под

единое одеяло... «Сам во всём виноват, – заключил Серёжа. – Раньше надо было смотреть... А нынче уже совсем замело. И теперь это надолго. Или даже навсегда».

Случится ли ещё отведать фаршированных острым сыром баклажанов, белых, в особом маринаде, грибков, малосольных, с редким хрустом корнишенов?.. Или останутся только сочные имена угощений да яростная напрасная слюна?.. Имена, имена, имена – вместо незабываемого вкуса во рту... Вместо пленительных прослушиваний магнитофонных песен – горькие истории их беспутных исполнителей... Вместо хождения по лезвию бритвы в тёмных коридорах советской дипломатии – тихая жизнь в курортном городке Хоув на берегу Ла-Манша... Вместо головокружительных сочинений Толстого, Тургенева, Чехова – их утлые переводы для еженедельника «The New Yorker»... Вместо Айви Вальтеровны Литвиновой – Айви Лоу...

Метки, знаки, зарубки... Вместо сосудистых волн, завораживающих послевкусий, радуг перед глазами... Всё – точно холодные следы античных радостей и трагедий. Неужели одна только игрушечная отсидка может так перевернуть значения? Или просто помогает понять, что страница давно перевёрнута?.. Или всё дело в испытании на собственной шкуре? Но у Серёжи всегда всё на собственной шкуре... Таким он выпущен в свет.

«Может быть, я вообще не отсюда? А здесь – всего лишь в очередной исторической декорации – и не более того? А может, никакой истории не существует, и всё к перемене декораций и сводится?.. С такими умозаключениями и злоключениями вполне могут и госпитализировать... Долго ли умеючи? Превращение эскулапа-недоучки в заядлого пациента – дело нехитрое. Будешь отдыхать себе в общей палате да ловить по

закоулкам лукавой памяти обрывки студенческой латыни. Не хочешь? А кто хочет? Помогут. С добротами никогда проблем не было...

Нужно срочно натереть щёки колючим снегом. Нужно вычистить из башки всякую чушь и просто безоглядно порадоваться весёлому кожному огню. Чистая радость только при беспамятстве и живёт...

Как здорово, что навалило столько снега! И уже не припомнить в точности, что там под ним. Вернее, всё выдумать заново. Потому как до прежнего дела никому нет – ослепительный снег куда как важнее. Ведь он прав уже тем, что пока ещё не растаял».

Серёжа шёл мимо не проснувшегося ещё мединститута, ветхого парка, где собирались перед демонстрациями студенческие колонны, заснеженного анатомического театра... О как в прежние годы вся их незадачливая братия боялась трупов!.. Смешно вспомнить. Это только поначалу жутко. А потом – пошло-поехало... И все привыкли как миленькие...

И оказалось, что страх запросто рифмуется с привычкой – с унылыми отсидками на лекциях по диамату, с безудержными общаговскими посиделками, с убогим комсомольским развратом... Ко двору приходились и свирепый сигаретный чад, и крамольное коридорное зубоскальство, и расхожий гитарный блатняк... И только звёзды в окне – вызывающе не похожие на кремлёвские – самовольно выпадали из равновесной картины мира. Зелёные, наглые, пристальные... Эта беспардонная небесная самость сопряжению с реальностью не поддавалась ни за что... И становилось ясно, что чем бы ты ни поступался – игра в поддавки больше не прокатит.

Созвездие Ориона

Хроника путешествия

Действующие лица:

Он – впечатлительный мужчина среднего возраста

Она – впечатляющая женщина без возраста

Девушка, похожая на Неё (играет та же актриса)

Действие первое

 комнате с белыми стенами стоит стол с раскрытым ноутбуком. За столом сидит мужчина в полосатом восточном халате. Поодаль – женщина с косметическим набором перед зеркалом.

Он (работая с клавиатурой). Огромное вытоптанное поле, взмыленные обезумевшие лошади, злые потные всадники с узкими глазами... Свист нагаек, гортанные проклятия, удары исподтишка... Зыбкое от густой пыли солнце, конская кровь на прибитой траве, звериный оскал удачи...

И чего ради всё это?.. Чего ради готовы разорвать друг друга переполненные убийственным азартом соперники?.. Только ли ради обезглавленной туши козла с налипшими песком и ежовником? Так ли велика прелесть этого бесформенного куска кровавого мяса? Почему с таким остервенением каждый стремится силой и хитростью затащить его в свой казан?..

Может быть, самое главное – чтобы игра впечатляла зрителей? И аппетит – и ещё какой – приходит исключительно во время игры?.. Впрочем, бывшему козлу это уже до лампочки...

Ответь мне, Бога ради, что это за метафора?..

О н а (*нежно улыбаясь*). Я с ужасом замечаю, что всё больше становлюсь похожей на тебя – везде ищу метафоры.

О н. А зачем их искать? Они вокруг нас всюду. Их понимать нужно...

О н а (*улыбаясь всё обворожительнее*). А я не желаю ничего заново понимать. Мне вполне достаточно уже понятого.

О н. Так нельзя... Ещё многое нужно осмыслить, очень многое...

О н а (*лукаво сокрушаясь*). Ты всю жизнь только этим и занимаешься. Ни на что другое тебя не хватает...

О н. А я не хочу жить вслепую, как многие.

О н а (*напористо и задорно*). А я хочу жить, а не лоб морщить... Это хоть понятно?.. Это ты осмыслил?..

О н. Оттого-то, видно, без морщин и обходишься...

О н а (*смягчаясь*). Это всего лишь здоровое отношение к своему организму. Я ведь хотела стать врачом или хотя бы медсестрой... Через подруг даже в институтский психиатрический кружок проникала... Сколько головокружительных планов было! Сколько мечтаний!..

О н (*с лёгкой иронией*). И метаний... Куда ж без них?

О н а. А у кого их не было?..

Он. Понимаю, понимаю... «Переезды, перегрузки, долгий путь домой... Вспоминай меня без грусти, ненаглядный мой». Ох, уж эти полёты во сне и наяву!..

О н а (*игриво*). Можно подумать, что ты сиднем сидел, златоуст перелётный...

О н (*подыгрывая*). Я не перелётный – я улётный... Вот улечу от тебя куда-нибудь, где здорово видны звёзды... Вспомнились отчего-то литинститутские времена, сидоровский семинар, Рерих, Блаватская, бесконечная песня про поиски Шамбалы... Зазеркалье какое-то... Шибяющий в нос азиатский колорит, выдавшая виды, на убой обшарпанная аудитория, общее сумасшествие никому не нужных молодящихся сочинителей...

Послушай, а я тебе нужен? Никто никому, по большому счёту, не нужен...

О н а. Ты в этом уверен?.. Пару дней назад тебя действительно искали два ответственных товарища. Один из них даже в форме... Ты им очень был нужен. Просто позарез...

О н. Тогда пора ехать искать Шамбалу... И как это на востоке всё так запросто сочетается – и созерцательные практики, и потаённые интриги, и лучезарные улыбки, и беспощадные расправы... Без Востока не было бы никакого Запада с его умопомрачительными агентами-суперменами... Все их доблести и таланты – исключительно оттуда...

О н а (*с улыбкой*). Ты, как я погляжу, смолоду неровно к иноагентам дышал...

О н. Это почему?

О н а. Как почему?.. Один из ваших кумиров так сильно с президентом Гувером обнимался, что его и перед смертью на родину не пустили, другая вообще свалила в Новый Свет с концами...

О н. Кумиров мы себе не творили... А между тем к медитациям я пристрастился. Глаза закроешь – и ты уже в другом измерении...

О н а. А я, когда закрываю глаза, вижу пустую набережную, ясное ночное небо и нас, одиноко и весело танцующих у самой воды... Может быть, Шамбалу поищем вместе? Да и ехать никуда не надо. Здесь у нас шансов на успех никак не меньше...

О н. У нас за плечами уже столько совместных находок, что волосы на лысине шевелиться начинают...

О н а. Не хвастайся – у тебя её пока нет.

О н. А что до того, ехать или не ехать... Мне милее роль искателя, а не разыскиваемого...

О н а. Уверяю тебя, всё будет хорошо... Вот увидишь.

О н. Поздновато будет смотреть...

О н а. Не исчезай... Ну, хочешь, я стану перед тобой на колени?

О н. Категорически не хочу.

О н а. Я всё равно что-нибудь придумаю. Обязательно придумаю...

Действие второе

В комнате с белыми стенами стоит стол с раскрытым ноутбуком. За столом сидит мужчина в полосатом восточном халате.

О н (*обращаясь к залу*). Где я? Что за редкотравное, изрытое копытами плоскогорье?.. Неужели я в Азии своей юности, в пьянящей тени недалёких Гималаев? Почему же кругом я слышу русскую речь?.. Откуда здесь столько соотечественников? Неужели это люди-тени из былых времён?.. (*Пауза*).

Я всю свою безалаберную жизнь писал... И что? А ничего... Зачем нынче писать? Кому придёт в голову сохнуть над моими каракулями? Разве что какому тронутому критику... Зачем пускаться по ветру силы, нервы, драгоценные дни?.. Чего ради обкрадывать себя и других?.. Разве никого при этом не жалко?.. А с безжалостными и поступают безжалостно... (*Пауза*).

Нужно не строчить всякую чушь – нужно найти то, что ищешь (*глубоко и горько вздыхает*). Есть ведь люди, побывавшие в этой чудесной стране... Они поведали о её гигантских библиотеках, где собраны уникальные манускрипты всех времён и народов, её лабораториях, оснащённых неизвестной техникой... Там стоит многоярусная башня, где с незапамятных времён хранится главное сокровище Шамбалы – Чинтамани – камень счастья, дар созвездия Ориона. Этот посланец Космоса вот уже многие века своими излу-

чениями оказывает исключительно мощное и благотворное воздействие и на физическую атмосферу планеты, и на духовно-психическую... В этой заповедной и практически недоступной для людей горной стране живут просветлённые существа... Через неё Космос издревле осуществляет постоянные контакты с нашей планетой... Через Шамбалу всё ещё можно поправить... *(Пауза)*.

О н. Ах, Орион, Орион!.. Кого мог осчастливить этот сексуальный авантюрист, с маниакальной страстью целых пять месяцев преследовавший Плеяд?.. Или с безобразным нахрапом домогавшийся Артемиды... И я, увы, не лучше... Всю дорогу кого-то домогаю, от чего-то бегу, страдаю от мании величия и комплекса неполноценности... Откуда это у меня? Неужели от этого звёздного жеребца?

О н *(закрыв глаза)*. Почему в этой стране кругом белые стены? Что значит эта белизна?.. Я слышу знакомые голоса... Но почему их обладатели не принимают меня в свою игру? Почему я не могу побороться за реальное мясо?.. Потому что я нацелен на поиск? Но без игры ни черта не найдёшь...

Свет гаснет. На сцене высвечивается паранет набережной. Облокотившись на паранет, Он и Она смотрят в ночное небо.

О н а. Давай поиграем в слова?

О н. Я только этим и занимаюсь...

О н а. а. А те ли они у тебя?..

О н. Они всюду одни и те же...

О н а. Это тебе только кажется... Стоит их лишь едва переставить, и они уже совсем не они...

О н. Как их ни переставляй, а в мире ничего не изменится...

О н а. А зачем же ты тогда играешь?

О н. Чтобы выиграть.

О н а. А при чём тут слова?

О н. Не атакуй, будь любезна. Без победного настроения можно ложиться и умирать... Ты хочешь моей смерти?

О н а. Не люблю мертвецов – их слишком много. И день ото дня – всё больше и больше... А ты у меня – в единственном экземпляре.

О н. Раритет...

О н а (*улыбаясь*). В удовлетворительной сохранности.

О н. Как сейчас вижу обшарпанную литинститутскую общагу на Добролюбова, где в подвальном душе резвились огромные крысы, где будущие классики норовили по пьянке выпасть из окон, где барышни из хороших семей без оглядки лишались девственности на скрипучих разваливающихся койках... На каком-то дотоле неведомом кураже маргиналок. Любили девочки писателей. То были времена, когда писатель был писателем, а потому так и надлежало... Почему меня всё время заносит в прошлое?.. Может быть, потому что у меня нет будущего?.. (*Пауза*).

Странно... Я совсем не помню, как сюда летел, ехал, шёл... Как я здесь оказался? (*Пауза*).

Я уехал, уехал... Почему же меня так настойчиво зовут вернуться?.. Да и как я могу вернуться? Я ведь ещё не нашёл Шамбалу!.. (*Пауза*) Неужели они не понимают, что если я вернусь – от этого лучше не будет никому... А для них самих это просто убийственно...

О н. Чтобы жить дальше, необходимо иметь в прошлом какую-то – пусть и довыдуманную – лирическую историю. Для меня это недра и окрестности русской словесности... Окрестности даже, пожалуй, забавнее... Вот сидим, например, в общаге за накрытым столом – а сидели мы так чуть не каждый день – и раздаётся настойчивый стук в дверь. Бутылки мы на всякий пожарный прячем и хором кричим: «Войдите!» И входят... Проректор, декан, директор общаги, ещё кто-то...

Серьёзная комиссия. Такого состава ни до, ни после никогда не было. «Как живёте?» – спрашивают. «Насыщенно. Обсуждаем, вот, проблемы нового реализма». – «Молодцы, молодцы», – закивал проректор... А дело было в июне – жара уже... Проректор носовым платком лоб то и дело промокает. «Ребята, позвольте водички...» И, не дожидаясь разрешения, – хватъ полный стакан и залпом... Ни один мускул на лице не дрогнул.. «Спасибо». И комиссия проследовала дальше. А в стакане была водка... Как проректора после этого все зауважали!.. *(Пауза)*.

Ах, Орион, Орион!.. А я-то сам кто? Тоже слепой охотник. Только за словами... и я лечу вниз головой и не вижу ничего... Это Энопион ослепил меня в отместку за поруганную Меропу... Неужели я так ничего и не увижу? *(Пауза)*.

Как-то на одной из лекций пошёл по аудитории шепоток, что вчера наш сокурсник упал с пятого этажа и разбился насмерть... Лектор, увлечённо рассказывающий о первой волне русской эмиграции, очевидно, был в курсе... Потому прервал рассказ и как бы между прочим заметил: «Выпивать нужно в подвале». И это, несмотря на этическую сомнительность, стало студенческой поговоркой... *(Пауза)*.

В сумеречных общаговских коридорах годами напролёт бродили странные типы. Они внезапно возникали из табачного дыма и также неожиданно в нём исчезали.

Свет гаснет. На сцене высвечивается дымная дорожка. Он идёт по этой дорожке и рассказывает.

О н. Как правило, институт они не посещали: кому-то якобы дали академ, кого-то уже с треском отчислили, а кто-то и вовсе студентом никогда не был... Они необъяснимым образом приживались в общежитии – маячили в дверных проёмах, растворялись при дневном неуютном свете, материализовывались на шумных вечерних сборищах... В случайных разговорах несли всяческую пургу. Напивались, кричали, задирались...

За ними числились стихи, рассказы, пьесы... Но на самом деле – никчёмные тени, как ни крути... И странно, что оклики их в моей жизни слышны и по сей день...

Действие третье

На сцену выходит мужчина в полосатом – то ли восточном, то ли больничном халате. К груди он прижимает окровавленную тушу животного.

О н. В правилах – чёрным по белому: сбрасывать всадника наземь нельзя... Для кого писаны эти правила? Что, чёрт возьми, происходит?! Бред какой-то... Нарушитель должен моментально исключаться из игры!.. Превращаться в изгоя, прокажённого, неприкасаемого...

К нему подходит девушка в белом медицинском халате, похожая на Неё, и отнимает тушу животного.

О н (*возмущённо*). Что ты себе позволяешь?! Да я тебе сейчас...

Д е в у ш к а, п о х о ж а я н а Н е ё (*перебивая*). Больной, успокойтесь... Или я сейчас вызову санитаров.

О н (*исступлённо*). Да как ты смеешь так со мной обращаться?! Я, между прочим, Литературный институт закончил. В семинаре самого Валентина Сиронова учился... Да!.. (*Пауза*) Грандиозный дядя был. Второй после Льва Толстого русский писатель, которого отлучили от церкви...

Д е в у ш к а, п о х о ж а я н а Н е ё (*перебивая*). Это легенда.

О н (*с раздражением и иронией*). Да?... А я как сейчас помню тогдашнее заявление. «Русская православная церковь относит «Живую этику» к новым религиозным движениям оккультного характера, продолжающим традиции теософии Елены Блаватской. РПЦ заявляет о проникновении учения в

государственные, общественные организации, в систему образования...

Позиция Русской православной церкви в отношении учения Агни Йоги была сформулирована на Архиерейском соборе 2 декабря 1994 года...

...Возродилось язычество, астрология, теософские и спиритические общества, основанные некогда Еленой Блаватской, претендовавшей на обладание некоей «древней мудростью», сокрытой от непосвящённых. Усиленно пропагандируется «Учение живой этики», введённое в оборот семьёй Рерихов и называемое также Агни Йогой... Освящённый Архиерейский собор, следуя апостольской традиции, свидетельствует: все вышеперечисленные секты и «новые религиозные движения» с христианством несовместимы. Люди, разделяющие учения этих сект и движений, а тем более способствующие их распространению, отлучили себя от Православной церкви».

Д е в у ш к а, п о х о ж а я н а Н е ё. А если серьёзно – за что его так?

О н. На полном серьёзе – за то, что слишком пристально на восток глядел. Тогда это было криминалом... А нынче?! А теперь?!.

Д е в у ш к а, п о х о ж а я н а Н е ё. А как же его юношеское приятельство с Михаилом Сергеевичем, учёба на философском с Раисой Максимовной?.. Могли бы и поддержать. Церковь ведь и тогда не сильно отделена от государства была...

О н. Я же сказал, какой это был год. Они уже давно были не при делах... Но отлучение на моего мастера впечатления не произвело. Он и не думал прекращать свою кипучую организаторскую работу на ниве мистики и теософии...

Д е в у ш к а, п о х о ж а я н а Н е ё. Теперь это никому не интересно...

Он (*успокаиваясь*). Не скажи. У полиции, например, до сих пор интерес нет-нет, да и просыпается... Мастер мой страшно-ватым, положив руку на сердце, деятелем был. Помнишь фильм «Пираты XX века»? Нет, конечно. Столько воды утекло... Там главную роль неплохой актёр играл – ловкий такой азиат... Так на одной из сиродовских сходок по восточным практикам его благополучно прикончили... Теперь, понятное дело, расправами никого не удивишь. А тогда это был шок. Кухонный, конечно, – без официальных объявлений и разъяснений...

Девушка, похожая на Неё. Да, это эпохальное литературное событие...

Он. Ты напоминаешь мне одну знакомую. И знаешь чем? Умением вовремя сказать приятное...

Девушка, похожая на Неё (*язвительно*). Я просто говорю всё как есть. Понимаете, больной, есть восток, есть запад, есть Земля, есть звёзды. А литературы, увы, нет... На поверку это всего лишь отражение комплекса патологических изменений центральной нервной системы. И считай повезло, если только функциональных...

Он (*спокойно*). Вот как? Хорошо, что ты хоть в звёзды веришь... А что ты знаешь о красном сверхгиганте Бетельгейзе? Это оттуда, оттуда, из того же созвездия... Если бы можно было повесить эту звезду вместо Солнца, она заполнила бы собой всё вплоть до орбиты Юпитера... Всё до Юпитера – в крови! Представляешь?.. Это как при разборках с любимой женщиной... У меня, кстати, есть любимая женщина – именно для разборок...

Девушка, похожая на Неё. От которой вы так и норовите сбежать? И чем дальше, тем лучше...

Он. Нет, я уехал не от любви. Не то чтобы она ничего не знала... Но это совсем не то, из-за чего следует ломать оставшееся... Она даётся не для того. И уехал я не поэтому...

Девушка, похожая на Неё. Вот как? А почему же, позвольте полюбопытствовать...

О н. Я искал.

Девушка, похожая на Нее. Себя?

О н. Шамбалу.

Девушка, похожая на Нее. Это предлог. Кто её только не ищет?..

О н. Я делаю то, что считаю важным.

Девушка, похожая на Нее. Поймите, это вам только кажется, что сочинительство главней всего, что вы оказались далеко-далеко, что Азия обворожительна...

О н. Ты призываешь меня не верить глазам своим?.. Да, я знаю, что звёздный свет падает на большие и важные вещи, которые расположены выше уровня земли. А до земли добиваются лишь их тени... Мы имеем дело с теньями. И я вижу это прекрасно...

Девушка, похожая на Нее. Я только хочу, чтобы вы поняли...

О н (*перебивает*). ...что я сумасшедший? А сумасшедшие вне игры...

Девушка, похожая на Нее. Это только кажется, что они вне игры. Именно сумасшедшие игру и делают.

О н. А что противника сбрасывать наземь нельзя, мне тоже только кажется?..

Девушка, похожая на Нее. Вы говорите о правилах или о пощаде?

О н. Это игра. А в игре пощада не катит... Отдай мне моё мясо.

Девушка, похожая на Нее. Какое мясо? Неужели не понимаете, что это только казалось, будто у вас в руках желанный трофей... У вас ничего не было и нет.

О н (*с угрозой*). Отдай подобру-поздорову...

Девушка, похожая на Нее. Где вы нынче видели добро и здоровье?..

О н (*после паузы*). Знаете что? Я тебя покидаю. Ведь у нас закон защищает сумасшедших? Значит, имею право пригласить тебя на прощальный танец... Как ты на это смотришь?

Девушка, похожая на Неё. А почему бы и нет? Никогда не танцевала с претендентами на выпуск...

Он. А я не претендент. Это дело решённое...

Он берёт девушку, похожую на Неё, за руку, церемонно кланяется. Она отвечает кивком. Звучит музыка. Они энергично вальсируют.

Свет гаснет.

Действие четвёртое

На сцене сумеречный свет. В одном углу сцены стоит мужчина, в другом – женщина. Они говорят негромко, будто бы про себя.

Он. Почему ты мне не писала?

Она. Зачем душу попусту травить?

Он. Лукавишь, лукавишь... А меня искали?

Она. Искали, но без энтузиазма.

Он. Это как?

Она. Пару раз звонили, один раз заявлялись... На том всё и кончилось.

Он. Ты считаешь, что кончилось?

Она. Надеюсь. Что же ещё остаётся?..

Он. Я готов был тебя убить..

Она. Ты, как я гляжу, в тренде...

Он. Тебя зрение подводит.

Она. Это ты меня подводишь. Под монастырь.

Он. Я могу исчезнуть.

Она. Не сомневаюсь. Но с меня хватит и одного твоего исчезновения...

Он. Я хотел сказать, что пока мы не виделись, я общался с одной девушкой...

Она (*перебивает*). Это вполне естественно.

О н. Нет, я не то хотел сказать... Просто она была до дрожи похожа на тебя... А это была не ты? Впрочем, сестра милосердия – это, конечно, не ты...

О н а. Очень рада, что у тебя была возможность сравнить.

О н. Я не о том.

О н а. А о чём же?

О н. О том, что женщины странным образом отражаются друг в друге.

О н а. А по мне так ничего странного... Друг в друге отражаются вовсе не только женщины...

О н. А я принимаю это за чёрный юмор мироздания...

О н а. Отчего же чёрный?..

О н. Потому что следом наступает тьма...

О н а. Она наступает всегда.

О н (*закрыв глаза*). Неужели я вернулся?.. Неужели у меня есть куда возвращаться?.. К Рериху и Блаватской?.. К вросшему в землю институту горькой литературы?

О н а. А нет у тебя желания свечку в церкви поставить по этому поводу?.. Или ты себя от неё отлучил?

О н. Разве отлучка и отлучение – это одно и то же?..

Свет на сцене становится ярким. Звучит «космическая» музыка.

О н а (*из-за закрытой двери*). Кто там?

О н. Это я. Я пришёл.

О н а (*открывая дверь*). Ты откуда?

О н. Из созвездия Ориона. Может, и зовут меня теперь Орионом...

О н а. Он был brutальным охотником, а не занудным выносителем мозгов. Так что рожей, прости, не вышел... А с чего это ты так решил?

О н. А я раньше был слеп, а теперь вижу. Гелиос, что ли, меня излечил?.. Только теперь я вижу, что будет. Хочешь, расскажу?

О н а. Не хочу.

О н. Почему?

О н а. А ты хочешь знать, когда умрёшь?..

О н. Выходит, я вернулся, чтобы молчать?..

О н а. А ты думал, что за возвращение не нужно платить?

О н. Я готов. Но не любой валютой...

О н а. И какая же у тебя валюта?

О н. В том-то и дело, что только слова... *(Пауза)* Я ведь всю жизнь охотился только за ними... И не резон напоследок от них отказываться. Если мне назначена речь – Бог не простит молчания. Да и другим тоже...

О н а. О каком боге ты говоришь? Богов кругом много...

О н. Да, к сожалению, чем дальше – тем больше. Их становится столько, что порой кажется, будто нет уже никаких – ни восточных, ни западных...

О н а. Наверное, так оно и есть. Смертны не только люди...

О н. Люди чересчур смертны. Можно ли так выразиться? Думаю, можно... Они ведь словно специально всю дорогу окликают свою конечность, чтобы, не дай бог, никуда не пропала... А за это для лукавого утешения и последней забавы им даётся жалкая тушка смехотворного козла. И заносчивый небесный охотник смеётся без удержу, хохочет навзрыд, погибает от хохота... И все как замороженные слушают, но прервать его робеют. Ведь страшно подумать, что тогда грянет...

О н а. А ты слушай, слушай – тогда и думать забудешь... Какой может быть страх, если у тебя есть звёзды?

О н. Да, есть. И вовсе не на погонах... Но это не помогло – я так и не нашёл Шамбалу...

О н а. Главное, что ты её искал *(обнимает его за плечи)*. Поиски куда важнее находок...

О н. Я вдруг почувствовал себя молодым. Восемнадцатилетним. Хоть в армию иди, ей-богу... Почему? Потому что всё изменилось кардинально... всё соскочило со своих полок. Где благо, где худо?.. Где мужчина, где женщина?.. Где война, где

мир?.. За каким мясом охотиться?.. Прежние реакции на происходящее уже не работают... Все мы друг для друга уже не существуем. По крайней мере, в прежнем изводе. Если хочешь жить – нужно учиться заново... За убитое время жизнь преподнесла неожиданный дар – молодость...

О н а. Жизнь любит убийственные шутки... Только давай не разводить страшилки, а всерьёз беседовать с мирозданием. Даже если оно склонно к чёрному юмору...

О н. Ты считаешь, что после всего этого получится?..

О н а. А разве у нас есть варианты?..

О н. А может, тряхнём стариной? Потанцуем? Как раз время – уже и огоньки на небе проклёвываются...

О н а. Поздновато. Ты нынче от иных танцев без ума...

О н (*смущаясь и пережисмая*). Ну, пожалуйста... Хочешь, я на колени пред тобой стану?

О н а. Да, хочу.

Он становится перед ней на колени.

О н а (*с нарочитой грубоватостью*). Что же с тобой делать? Ты и мёртвую уговоришь... (*Протягивает ему руку*). Только теперь я предпочитаю танцевать исключительно в белом халате. Иначе смысла нет – вся сексуальность теряется...

О н. Так это была ты?!

О н а. Нет. Это одна дура, которая по случаю трудоустроилась в дом сумасшедших, чтобы пасти своего убогого ненаглядного...

Он поднимается, поклоном приглашает её на танец. Она с шутливым кокетством отвечает согласием. Свет на сцене становится ярче. Звучат первые такты танцевальной музыки...

Внезапно раздаётся громкий стук в дверь. Он и Она в недоумении смотрят друг на друга и не двигаются с места.

Г о л о с и з - з а д е р и. Откройте! Мы уполномочены вам вручить, а вы должны расписаться!..

Он и Она ошалело смотрят на дверь.

Г о л о с и з - з а д в е р и. Откройте! Мы знаем, что вы в квартире...

Он и Она недоумённо смотрят, не двигаются с места.

О н (*поворачиваясь к Ней*). И это тоже ты?..

О н а. К сожалению, нет.

О н. Сожалеть уже некогда...

О н а. И что же теперь делать?

О н. Танцевать. Другого не дано...

Г о л о с и з - з а д в е р и. Откройте! Пока вы не откроете, мы никуда не уйдём!..

Он протягивает ей руку. Она в ответ нерешительно протягивает свою... Они танцуют. Сначала – медленно. Потом всё быстрее и быстрее... Темп музыки неуклонно возрастает... Она становится выматывающе стремительной.

Тем временем настойчивый стук в дверь длится минуту, две, три... А затем переходит в орудийную канонаду.

Музыка обрывается. Свет гаснет.

Занавес.

Окончание сезона

Из жизни садоводов

...Мы видим пламя каждый час,
Мы видим светлый дым...

К. Б.

Стебли света лениво змеились перед глазами, любопытные рыбы замирали совсем вблизи, бойкие воздушные пузыри наперегонки мчались вверх... Осклизлые коряги кратко салютовали изломанными руками, разномастные водяные пласты стремительно сменяли друг друга, стойкая придонная взвесь невозмутимо поджидала внизу... Там происходила другая жизнь. И её предстояло принять.

Дед жарил на керогазе картошку, заливал её яйцом, а потом сгребал готовый продукт в трёхлитровую банку. И так раз за разом, пока банка не наполнялась. Несколько часов усилий, и на неделю о готовке можно было забыть... Конечно, живи на дачном участке бабушка, она бы этого безобразия не допустила. Но она была в городе... Странно, что жареную картошку с яйцом я по итогу не возненавидел...

Дачный домик в садовом кооперативе дед собственноручно соорудил из ящичков, которые он регулярно добывал в соседнем овощном магазине. На это у него ушёл весь летний сезон. Домик получился маленьким, без удобств, но крыша над головой была. Постройкой своей дед чрезвычайно гордился и любил проводить для соседа экскурсии по своим хоромам. То, что выдаваемые им сведения многократно дублировались, деда нисколько не смущало.

По ночам ко мне приходила бабушка. И долго-долго рассказывала... Как дома перед сном.

– ...А леса там были непроглядные. Они вплотную подступали к большой реке, и добраться по суше до берега было невозможно. И твой дед пришёл ко мне по этой реке на маленьком катере. Вместе со своим братом. Представляешь себе? Я просто онемела... И как всё было разыграно! Брат облачился в офицерскую форму... Он тут же потребовал начальника, заявил, что прибыл с поручением... А поручение состояло в том, чтобы одну подневольную работницу перевезти в другое учреждение, где ей предстоит продолжить свой доблестный труд. Таково, дескать, распоряжение свыше... Разъяснения давать прибывшие уполномочены не были. Бумага с печатями и подписями имелась... Не случись этого, что бы со мной случилось? Страшно подумать...

– ...Когда твоего деда призвали, Первая мировая началась. И новобранец стал машинистом санитарного поезда – он же вырос в железнодорожных мастерских на станции Грязи. Его отец там всю жизнь протрубил... Прошёл буквально месяц, и часть попала в окружение. Пошёл по взводам шумок... Умирать?.. Сдаваться?.. А может, потом окажется, что лучше было умереть?..

Дед твой человек нешумный. Но в тот момент он сориентировался быстрее многих горластых... Втиснул всё своё подразделение в вагоны и погнал на прорыв... У твоего деда есть удивительное свойство – по своему хотению мгновенно оказываться в ином месте и времени... Может быть, и это тоже сработало. Но они выскочили из котла... Его за это к Георгию представили. Но представление это так и кануло в военной неразберихе...

Листья – ржавые, полусухие – всё больше заполняли заброшенные грядки. Дед тяжело вздыхал, сгребал листву в огромные кучи и доставал из летней кухни старые газеты... Я хватал первую попавшуюся и жадно изучал.

«Боевые известия». Редакция и контора: Невский пр., 90, кв. 38. Тел. 253-55. Газета выходит два раза в день – утром и вечером. Суббота, 16 августа 1914 года, № 17. В настоящее время, когда существованию Французской Республики и будущему грозит опасность, необходимо, чтобы весь народ в общем порыве героизма поднялся на защиту родной земли и свободы... Император Вильгельм произвёл в главной квартире парад войск, после чего обратился к войскам с речью, в которой сказал: «Нам предстоит ещё не одно кровавое сражение. Мы надеемся на дальнейшие успехи в уповании на старого милостивого Бога. Мы доберёмся до шкуры неприятеля. Мы хотим победить, и мы должны победить»... Газетам телеграфируют из Вашингтона, что ввиду образа действий германских войск президент Соединённых Штатов Вильсон вырабатывает воззвание к воюющим державам, приглашая их воздержаться от жестокостей во время войны...

После Первой мировой дед работал уже в городе. Но по прежней специальности. Ходил на работу мимо краснокирпичного особняка с гордой вывеской «Редакция газеты *«Железный путь»*». Встречал там вихрастых рабочего вида мрачноватых парней с папками бумаг под мышками. Они были вполне от мира сего, но занимались какими-то своими внутренними, до конца не разрешимыми делами. Дед говорил, что по неизвестной причине им завидовал... Хотя считал, что все проблемы и противоречия при должном усилии можно разрешить. И сделать это необходимо.

Дым был едким, пёстрым, сырым. Он нагло забирался под куртку, щекотал ноздри, ел глаза...

– Это для почвы полезно. Как всё на следующий год пойдёт!.. Только дожить осталось...

Огромное дымное облако днями и ночами стояло над дачным посёлком. И мне казалось, что без него посёлок жить не умеет...

Я любил запах дыма.

...«Решение Политбюро ЦК ВКП(б) № П51/94 от 2 июля 1937 г. «Об антисоветских элементах». Послать секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий следующую телеграмму: «Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечении срока высылки вернувшихся в свои области, — являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности. ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учёт всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные менее активные, но всё же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД. ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке»...

– О, как бабушка твоя была хороша! Просто чудо какое-то... Разве мог я её в местах не столь отдалённых оставить? Да и за что её туда упрятали? За то, что у отца две коровы на выпасе?.. Так себе аргумент. Если я что-то в этой жизни понимаю...

Я хотел поддержать деда, но не знал как. Слова были неуместны, а молчание можно понять по-разному... Но дед на иное и не рассчитывал.

Газеты вспыхивали охотно и прогорали быстро. Только успевай поворачиваться... Благо до летней кухни было два шага.

Километрах в пяти от дачного посёлка был военный аэродром. И сквозь дым часто слышался гул взлетающих или заходящих на посадку истребителей. Я замечал его только в первые два или три дня. А потом он воспринимался точно так же, как и тишина – без всякого раздражения и досады. А когда случался перерыв в полётах – уже чего-то явно недоставало...

Мне было безумно интересно видеть совсем близко над головой болотное в крапну брюхо настоящего штурмовика, готового на всё. Было жалко, что этого всего, наверняка, не случится никогда...

Через поле от аэродрома был неприбранный диковатый лес.

– А ты не знаешь, – вопрошал я, – почему его зовут Шиловским?

– Потому что шила в мешке не утаить, – загадочно отвечал дед и о чём-то надолго задумывался...

«...Сталин ввёл понятие «враг народа». Этот термин сразу освобождал от необходимости всяких доказательств идейной неправоты человека или людей, с которыми ты ведёшь полемику: он давал возможность всякого, кто в чём-то не согласен со Сталиным, кто был только заподозрен во враждебных намерениях, всякого, кто был просто оклеветан, подвергнуть самым жестоким репрессиям, с нарушением всяких норм революционной законности. Это понятие – «враг народа» – по существу, уже снимало, исключало возможность какой-либо идейной борьбы или выражения своего мнения по тем или иным вопросам даже практического значения. Основным и, по сути дела, единственным доказательством вины делалось, вопреки всем нормам современной юридической науки, «признание» самого обвиняемого, причем это «признание», как показала затем проверка, получалось путём физических мер воздействия на обвиняемого. Это привело к вопиющим нарушениям революционной законности, к тому, что пострадали многие совершенно ни в чём не виновные люди, которые в прошлом вы-

ступали за линию партии. Следует сказать, что и в отношении людей, которые в своё время выступали против линии партии, часто не было достаточно серьёзных оснований, чтобы их физически уничтожить. Для обоснования физического уничтожения таких людей и была введена формула «враг народа»... Произвол одного лица поощрял и допускал произвол других лиц. Массовые аресты и ссылки тысяч и тысяч людей, казни без суда и нормального следствия порождали неуверенность в людях, вызывали страх и даже озлобление...»

Бабушка на дачный участок не ездила. Но по ночам приходила и рассказывала...

– Когда я вернулась в наши края, на станцию к себе не поехала – там могли ждать... А потому явилась в город. Он большой – иголку в стогу сена искать не станут... И сразу попала на физкультурный парад... Это была другая вселенная... Впереди с оголёнными торсами шагали рельефные знаменосцы, за ними следовали грузовики с живыми акробатическими пирамидами, в хвосте колонны бодро маршировали комсомолки в белых майках и шортах, из-под которых предательски торчало жутковатое бельё... Как раз тогда Фурцева на Политбюро беспелляционно заявила: «Каждая советская женщина имеет право на качественный бюстгальтер!» И ведь открыли после этого в Москве швейную артель «Черёмушки» по производству подобных вещей... Но для всей необъятной – это как капля в море... А легендарное ТЭЖЭ, где начальницей была Полина Жемчужина, жена Молотова!.. На запах этой парфюмерии слетались самые крутые модницы тридцатых. А что значит ТЭЖЭ? Никто толком не знал. Гуляли в народе расшифровки разные... Тело женщины, тайны женщины... Но на самом деле всё обстояло куда как прозаичней... Трест эфирно-жировых эссенций... Потом названия этой конторы много раз менялись, но аббревиатура так понравилась, что её и после войны на этикетки шлёпали... Аромат сладкой жизни дороже её самой...

Дым имеет странное свойство. Он ест глаза, дразнит слизистые, вынуждает бронхи спазмироваться... Но когда дым рассеивается и проходит время, его начинает не хватать. По нём глупо скучаешь, исподволь желаешь его возвращения...

– «Женщина всегда должна тщательно следить за собой, за своим лицом и телом, за ногтями, за волосами. Всегда можно урвать несколько минут. Культура располагает широкими возможностями для того, чтобы оградить женщину от преждевременного увядания, помочь ей быть свежей, молодой и красивой. Все секреты модных европейских салонов, за огромные деньги открывающиеся для буржуазных дам, мы сделаем доступными советской женщине...» Наверное, в другой жизни странно вспоминать свои давние слова... Полстраны благоухало духами «Красная Москва», полстраны – «Тройным» одеколоном. Но едва ли в Кустанайскую область долетали эти манкие запахи... Говорили, что «Тройной» – единственный одеколон, на который у вождя не было аллергии... А стало быть, её не должно было быть ни у кого... Когда-то с его Надеждой они соперничали за статус первой дамы державы... И тут уж «Красная Москва» была не при делах... В ход шли безотказные ещё с дореволюционных времён «Лориган де Коти»...

Среди членов Политбюро распространялись показания подчинённых Жемчужиной, где те рассказывали, что начальница спала с ними... А Берия на заседаниях, проходя мимо, шептал бывшему мужу: «Полина жива». Даром сам и материал собирал, и допрашивал... Правда, в день похорон отца народов и выпустил без лишней волокиты... Да ещё и комплимент сделал: «Ты героиня... Возвращайся в жёны».

Уже в шестидесятых к ним в гости приезжала Светлана. Полина горячо убеждала её: «Твой отец гений. Он уничтожил в нашей стране пятую колонну. И когда началась война, народ и партия были едины. Теперь больше нет революционного духа – везде оппортунизм». Дочь и зять молчали, опустив глаза в тарелки...

– Ты ещё маленький, – говорил дед. – Тебе ещё предстоит ого-го сколько... А потому мой тебе совет. Не очаровывайся ничем безоглядно – так, чтоб с головой накрывало... Почему? Чтобы потом не разочаровываться вдребезги... Думаешь, слишком пресной жизнь будет? Зато она будет...

Иногда к деду в гости приходил сосед. Дед суетился, накрывал на терраске немудрёный стол, извлекал из погреба заплесневелую бутылку вишнёвой наливки.

– Когда помру, это ведь всё продадут, – сетовал дед после второй. – Это никому не нужно... Но я приду, погляжу... Полжизни, как-никак...

– Будет тебе, – возражал сосед. – Вон у тебя какой орёл подрастает!

Он указывал на меня и поднимал рюмку. Мне становилось неловко, и я начинал шалить...

– Люблю я тебя, – продолжал сосед. – А от этого живут, а не умирают... Вот когда на севере в охране служил, что я любил? Родину. А потому врагов её – которых стерёг – ни в грош не ставил. Ну не досчитаешься кого на вечернем построении... Ну и что? Обнаружится вскоре где-нибудь на территории – живой или дохлый... Чаше второе, конечно. Исторического пути это не нарушит. Справедливость только подчеркнёт... Но теперь мне больше мила не держава как понятие, а вполне конкретные достойные сограждане. Ты, например... Сам подумай – в тебе ведь всё...

Время от времени мы с дедом ходили в единственный тамошний продуктовый магазин. На его полках пылились рыбные консервы, трёхлитровые банки с огурцами, кабачковая икра. Дед покупал спички, соль, хлеб... С тоской обозревал другие товары... «Барахло», – в конце концов резюмировал он, и мы шли обратно. Именно так он характеризовал львиную долю вещей и явлений в этом мире.

Когда уже совсем темнело и вишнёвка всю гуляла в крови, сосед задирает голову и смотрит на звёзды.

– Какие страстные в зонах женщины были! Как вспомню – до нутра проникает. Ни до, ни после – ни в какое сравнение... И небо над нами особое стояло... Эх, вот бы туда по новой!..

– По-моему, на тебя и здесь не капает... Не гневи Господа.

– Нет-нет... Мы как жалкие планетки крутимся вокруг своей оси – то с бабами возжаемся, то бабки рубим... И не видим вовсе, что все вместе летим по страшной такой траектории... И не можем её ни расчислить, ни объяснить...

– В чём же страх твой? – вопрошал дед. – Всё так и должно быть. Главное, чтоб самолёты меж планетами не мелькали – некрасиво... Да и от земледелия сильно отвлекают. Как ни крути, а мы здесь именно поэтому... Так что не рви душу. Рваную Бог не примет...

У деда было удивительное умение – он загадочным образом преодолевал время и пространство... Однажды он снарядил меня в магазин, и я отправился туда один. Мне было поручено купить к обеду кабачковой икры – и непременно из обжаренных кабачков. Дед считал, что есть можно только её. А вся другая – барахло... Я шёл задрал голову, чтобы лучше рассматривать крапчатые фюзеляжи в неправдоподобной близости... Я различал кабины пилотов, бортовые номера, топливные баки. Серьёзная и опасная жизнь гудела над головой, царила, завораживала... Но хотел бы я иметь к ней какое-то отношение? Так вопрос и не стоял. Потому как это было в любом случае невозможно...

О кулинарных наставлениях деда я, понятно, тут же забыл. И когда, выйдя из магазина с банкой икры из обычных кабачков, увидел деда – остолбенел...

– Тебе же русским языком сказано: «из об-жа-рен-ных»! – проскандировал он.

И я кинулся обратно в магазин обменивать покупку...

А когда я уже воротился восвояси, дед благостно похвалил:

– Замечательно. Именно то, что нужно. Как раз скоро и готовку закончу...

Я хотел было спросить, как он смог дважды меня опередить. Но сообразил, что спрашивать бессмысленно... Невозможное никто объяснять не станет.

– А наемдни на аэродроме был. Лётные суда инспектировал... – похвалился дед после пятой соседу.

Меня это известие поразило, и я встретил в разговор...

– Дед, а как ты туда попал?

В ответ он только улыбнулся и выпил шестую.

– Ну и как самолёты вблизи?

Дед распространяться не стал и отделался своим излюбленным словечком...

– Меня ведь перед Первой мировой в авиацию звали – «Русский витязь», «Илья Муромец»... Эх, Сикорский, Сикорский... Но я решил, что на небо ещё успею – мне бы с земным разобраться... Столько путей было впереди!

Дед опрокинул стопку, подмигнул соседу и запел:

Поезд оставил дымок,
В дальние скрылся края,
Лишь промелькнул огонёк,
Словно улыбка твоя.
Веришь – не веришь,
словно улыбка твоя...

Я никогда прежде не слышал этой песни...

– И начиналась жизнь в чернозёмной глубинке, и оканчивается в ней же... Грядки, вишни, сорняки... Круг замкнулся. Может, оно и правильно? – рассуждал дед, подливая соседу

вишнёвки. – В этой унылой близости к земле наверняка много чего есть... Только мы понять не умеем.

– Ох, и люблю я тебя! – отвечал сосед. – Так бы всю жизнь сидел и слушал... Прямо мысли мои читаешь... Даже ещё и не проклянувшиеся... Так что помирать не торопись. Куда ж мне без тебя?..

Когда продавали участок, я деда видел. С непокрытой головой и в расстёгнутой телогрейке он стоял у дальней трубы, по которой подавали воду для полива. Он выглядел помолодевшим и был очень внимательным к происходящему. Я окликнул его, но дед не ответил. Потом он обернулся и сплюнул. «Ба-рахло», – явственно расслышал я. А потом дед просто растаял, чтобы не возвращаться никогда...

Когда ударили по рукам и сделка состоялась, я обратил внимание на то, что дыма в посёлке не было. Хоть и подошла осень, и листья принялись мало-помалу облетать... Может быть, вышел запрет на разведение костров, и листья определяли в ямы для компоста или вывозили грузовиками? Не знаю... Впрочем, удивляться тут нечему. Дым рассеивается всегда – таков закон жанра. Но если случалось сладко дышать этой губительной взвесью, то какую ещё милость ты от неё ждёшь?..

Сосед подошёл к новому хозяину, осторожно заглянул ему в глаза и мечтательно протянул:

– Будем жить дружно. В гости друг к другу ходить...

Потом отошёл ко мне и зачем-то пояснил:

– Нынче жизнь такая...

Казалось, осень не кончится никогда. Других времён года будто бы и не существовало. Редующие ржавые кроны, опалённые обрывки газет, цепкий сумеречный холод... Только костров больше не разводили – всё уже сгорело.

«...Полтора десятилетия «перестройки» и «реформ», во многом мотивированных жупелом сталинизма, привели нас, дав соответствующий фактический материал, к необходимости новых выводов и обобщений. Самое важное из них состоит в том, что результатом хрущёвско-горбачёвских переворотов явилось не затухание или же прекращение, а, напротив, усиление и обострение классово-борьбы. Перевод её на качественно новую ступень с реставрацией социального антагонизма в его наиболее вульгарном и контрастном виде, когда преступной плутократии объективно противостоит коварно ограбленная и психологически зачумленная масса пролетариатуемого населения...»

Участок продали жизнерадостному «новому русскому». Он вызвался подбросить меня до города.

– Что хмурый такой? – весело вопрошал он. – Вешать нос – не дело... Я тут всё по уму устрою. На месте развалюхи коттеджик поставлю – небольшой такой, но со вкусом... Банька, полянка, зона для барбекю... Всё как доктор прописал. Мы летом с тобой тут такой шашлычок организуем – дым коромыслом станет!.. Ах, какой будет дым!.. Я ближе к делу тебе наберу. Готовься!..

Он не позвонил ни весной, ни летом, ни осенью... Звонили из банка, спрашивали номер счёта, чтобы бонус за поступление средств от сделки зачислить... В ответ я только смеялся... И в самом деле, разве это не смешно – всю дорогу выслушивать пленительные и чистосердечные обещания? Я сбрасывал вызов, и сразу накатывала тишина – цепкая, круговая, прерываемая разве что бойкими эсэмэсками о несметных угрозах земных и небесных.

И всё-таки дед однажды вернулся.

– Ты же знаешь, я полжизни работал на паровозоремонтном... К нам старые локомотивы на утилизацию направляли.

И в один прекрасный день пришёл он... Я его сразу узнал. Судачили, что и Андрей Климентов помощником машиниста катался на нём по каким-то красноармейским нуждам. Земляк... Его собеседники вспоминали, что в обычной жизни он изъяснялся вполне тривиальным языком. Не то, что в своих писаниях... Сомневаюсь. Разве здравый человек банальное заявление так напишет? «В коммунистическую партию меня ведёт наш прямой естественный рабочий путь. Я сознал себя нераздельным и единым со всем растущим из буржуазного хаоса молодым трудовым человечеством. И за всех – за жизнь человечества, за его срастание в одно существо, в одно дыхание я и хочу бороться и жить. Я люблю партию – она прообраз будущего общества людей, их слитности, дисциплины, мощи и трудовой коллективной совести; она – организующее сердце воскресающего человечества...»

Ребята с проффильного участка ушли в загул, и мне пришлось самому резать приснопамятный локомотив на куски и отправлять их в лом. Странное было чувство... Но чувство было. А потом не осталось и его...

Кстати, климентовский батюшка, некогда на моём заводе работавший, похоронен был на Чугуновском кладбище – это через железную дорогу и чуть наискосок от территории... Говорят, дельный мастер был... Я много лет каждый день ходил мимо и даже хотел отыскать могилу. Ухаживал ли кто за ней?.. Но пока я раздумывал, на кладбище запустили бульдозеры... Теперь там Дворец спорта. В здоровом теле здоровый дух...

Я давно искал настоящую вишнёвую наливку – такую, как делал дед. Но если что и находил, то лишь откровенный суррогат. Пробовать смысла не имело... Потом позвонил внук бывшего соседа по даче – я был с ним шапочно знаком – и по ходу болтовни посоветовал один напиток... «Прямо-таки из тех времён. Всамделишная ягода...» И мне удалось выяснить, что это, пожалуй, именно то...

Я не поленился отыскать по заботливой наводке окраинный торговый центр, придирчиво расспросить улыбчивого продавца-консультанта о происхождении товара и выслушать его самые искренние уверения... А вдруг действительно может попасться ещё по случаю что-то натуральное?..

Я торжественно водрузил сковородку с картофельной яичницей в центр стола, церемонно наполнил наливкой бокал из бабушкиного сервиза, пару секунд повозил содержимое замысловатой склянки во рту и с нарастающим разочарованием проглотил... А потом, наконец, всласть скривился и произвольно выдохнул: «Барахло». Других слов у меня не было...

Через несколько минут я налил ещё и, не прислушиваясь к себе, выпил. А потом ещё... И мне показалось, что напиток, конечно, не бог весть какой, но пить вполне можно. По крайней мере сплошь и рядом пьём и не такую мерзость... Морщимся, понятно, но глотаем. А потом со временем усваиваем, что всё это вроде и в порядке вещей... Так что капризничать, получается, ни к чему... А вкусовые причуды скоро пройдут. И всё будет замечательно. Другие варианты в расчёт не принимаются.

Странно, что я совсем не помнил лица соседа. Хоть и прошло не так уж и много времени... Наверное, оттого, что он всегда приходил уже в сумерках и был для меня говорящей тьмой. И казалось, что слова его сами кристаллизуются из пересыщенного шумом небесных моторов воздуха...

Бутылку я, разумеется, допил... Накинул плащ, вышел на улицу и оказался внутри листопада. Живая лиственная стена надёжно защищала меня от бесцеремонной темноты, которая никак не могла развернуться во всю мощь.

Всё, что шумело в кронах, дружно ложилось наземь – и я шёл по колено в разъятых волнениях и порывах. Мне было странно понимать, что лишь минуту назад эти ржавеющие обрывки былой роскоши и определяли древесный язык. И что

остаточные, но упорные соки какое-то время будут хранить их от банального сожжения. И они до поры попросту не воспламятся...

Дождь прошёл совсем недавно, и уличные водостоки были похожи на тёмные стремительные реки, увлекающие в подземелье всё, чему на поверхности места уже не было. На чёрной ряби таяли зыбкие отражения решительных паровозов, широкие тени аэропланов решетились высверками колючей проволоки, люди со светлыми лицами обнимались, махали руками и что-то кричали в небо... Поодаль на лодке плыла моя бабушка и тоже махала рукой, и тоже кричала: «Как здорово, что существуют реки! По ним можно вернуться!» «Вернуться, вернуться, вернуться...» – эхом отзывался с берегов непроглядный лес, и жёстко выглядывали из-за крон ранние звёзды...

Отсыревшие дома делали улицу незнакомой и угрожающей. Не было ясно, в чём состояла угроза, но она висела в плотном влажном воздухе. Район предстал чужим и новым. И видел ли я его раньше, сказать было нельзя...

«А куда ты вернёшься?..» ...Но бабушкина лодка уже скользнула под канализационную решётку, и мой дурацкий вопрос повис на мокрых лысеющих сучьях...

Дождь был коротким, и казалось, всё высохнет быстро. Но сырость долго ещё ела глаза и меняла оптику. А потому осень казалась бесконечной, а время костров – далёким и призрачным. На излёте сезона такое бывает часто.

Бристоль, или Возвращение Леонида

Реплики и оклики

Мой милый друг, твои молодые годы
Прекрасный цвет души твоей спасут...

В. К.

1

— В первозданном виде сохранилась тут разве что чёрная лестница. Те же сумрачные стены, тот же глуховатый свет, тот же кафель завода Беренгейма... Чёрные лестницы всегда живут дольше прочего...

— И зачем тебе, Лёня, эти рецепты? Жизнь показала, что в чистом виде куда как лучше. Да там они, верно, и без надобности... Хотя не могу знать. Не время покуда. Нет, если хочешь, припомню. Мне не жалко... Спирт «Royal», «Амаретто», тоник... Апельсиновый сок, венгерский вермут, спирт «Royal»... Томатный, «Royal» по лезвию и поджечь... Слишком незатейливо? А вот поди ж ты, шло за изыски!

— В своих приянях, Лёня, мы люди второго темпа. Что нам может нравиться изначально? Откуда мы знаем?.. Нам нужно показать и рассказать, чтобы мы увидели да попробовали. Вот тогда... Пришло бы мне когда-нибудь самому в голову сливать в один стакан сухое, «Кампари» и водку? Я бы, разумеется, всё это с чувством и толком употребил последовательно... А вот посмотрелся, начитался – и пропал...

– Помнишь, как мы с тобой хотели сделать цикл передач о коктейлях на местном телевидении? С использованием литературных источников и собственного опыта. Чтобы не было скучно, передачи предполагались компактными – не более пятнадцати минут. Историческая справка, рецепт, приготовление в кадре и соблазняющее зрителя употребление под лёгкие разговоры ведущих о всякой всячине. Понятно, что ведущими мы видели самих себя. А что? Возможно, и получилось бы... Мы ходили к начальнику здешней телерадиокомпании. Он немного знал меня по ранним опусам в старинном областном журнале, где и сам одно время трудился. А потому слушал благосклонно, с готовностью поддакивал, мечтательно улыбался... Венечку вспомнил, конечно. «Это хорошо – в случае чего на классику покивать можно». Сомнительная, надо сказать, мысль... Ничего определённого он тогда не выдал, но пригласил на юбилей своей конторы и по-разбойничьи подмигнул... Тогда я не понял, к чему...

Ресторанный зал на втором этаже «Бристоля» был щедро украшен цветами и гирляндами. Батареи дорогих напитков на белоснежных скатертях, холодные закуски, изысканные столовые принадлежности... Элегантные фуршетные столики, гибкие вышколенные официанты, яростные огненные люстры... Пускали по билетам и зорко следили, чтобы абы кто не просочился.

Речь начальника была недолгой. Вехи истории, последние достижения, новые задачи... Потом выступил-прослезился кто-то из ветеранов. И пару слов добавил совсем юный сотрудник, которого я поначалу принял за школьника. На том официальная часть и завершилась.

Начальник поднял первый тост. Он был чрезвычайно краток и подчёркнуто традиционен. И пошло-покатилось... Дальше обходились без речей. Быстро разбились на группы по интересам и алкогольным предпочтениям. Повеселели, загалдели, перешли на высокие регистры... Официанты носи-

лись как проклятые... Потом все голоса слились в сплошной гул, началось броуновское движение... Мемории, братания, планы. Всё было увлекательно, живо, динамично... Потом официантов попросили отдохнуть, и гости перешли на самообслуживание...

Я примкнул было к одной из компаний, но ко мне подкатил один шапочно знакомый журналюга. Он был уже весел и беззаботен, а потому, взяв меня под локоток, взялся энергично рассказывать...

– Старик, а ты знаешь, где мы пьянствуем? В очень и очень примечательном месте. По Гражданской ещё... Именно здесь в октябре девятнадцатого Шкуро давал банкет в честь взятия нашего родного города. Да-да, прямо вот в этом зале. И так ему тут понравилось, что он и штаб свой сюда перенёс...

Я смутно помнил ещё школьную историю про Олеко Дундича, что, вырядившись белым офицером, доставил в этот штаб глумливое послание Будённого, а потом едва ноги унёс...

«Завтра мною будет взят Воронеж. Обязываю все контрреволюционные силы построить на площади Круглых рядов. Парад принимать буду я. Командовать парадом приказываю тебе, белогвардейский ублюдок. После парада ты за все злодеяния, за кровь и слёзы рабочих и крестьян будешь повешен на телеграфном столбе там же, на площади Круглых рядов. А если тебе память отшибло, то напоминаю: это там, где ты, кровавый головорез, вешал и расстреливал трудящихся и красных бойцов. Мой приказ объявить всему личному составу Воронежского белогвардейского гарнизона».

– Если ты про демарш Дундича – это не более, чем красивая будёновская легенда. Ему ж без легенд было просто никуда...

– Ты представляешь, какое это по тем временам было шикарное строение? В стиле модерн... Пальчики оближешь... Да оно и нынче хоть куда... Его в девятьсот десятом сдали... С автономным электрическим освещением... Фантастика!.. Был

такой замечательный инженер Моисей Фурманов. А может, и Михаил... То ли из Москвы, то ли здешний... Теперь уж никто точно и не помнит. Вот он всё это и спроектировал. Он вообще продвинутый был господин. Выискивал, изучал, переводил... «Новейшие методы расчёта железобетонных сооружений» и «Производство портландцемента». Последний писк по тем временам... Это всё он нашёл, перевёл и издал... Вот этот самый «Бристоль» и стал железобетонным первенцем в нашем захолустье... Представляешь, тут был первый в городе пассажирский лифт... А ещё лифт для кухни... Где они теперь?.. А какой сад был позади здания! Чтобы публика воздухом могла подышать... Одно очарование... Представляешь, какая для обывателей неведомая изысканность, какая экзотика?.. Одни только фамилии владельцев чего стоили: Говсепиан, Тутель-оглу, Варт-Бароновы... Когда здесь штаб третьего Кубанского конного корпуса обосновался, эти самые Варт-Бароновы исхлопотали у Шкуро восстановление прав собственности на здание. И полным ходом пошли ремонт, переоборудование, закупка мебели... И когда через три недели красные выбили кубанцев из города, всё было уже почти готово...

Где-то в недрах праздника я лицом к лицу столкнулся с начальником.

– Ну что, проект сделаем? – поинтересовался я с нетрезвой развязностью.

– Без вопросов, – отвечивал тот, веско сверкая заплывшими очами...

Наверное, наш проект и воплотился бы... Но начальник, возвращаясь с очередного московского совещания, рухнул замертво на перроне Казанского вокзала... Чувствуешь, Лёня – опять второй темп... Мало того, что покойный и сам не чужд был изящной словесности – он просто обожал Анненского...

– И почему «Бристоль»? Говорят, первый отель решили так назвать в честь путешественника и географа Фредерика Августуса Херви, четвертого графа Бристоля, большого любителя комфорта... А потом пошло и поехало по всей Европе... А для нашего губернского сброда такое название – как бальзам на душу. Чем глуше деревня, тем ярче платок...

– И к чему тебя, Лёня, после архитектурного в строяке понесло на актёрский в Институт искусств? Неужели ты сам про себя не понимал ни черта?..

– Помнишь, Лёня, как мы любили «Бристоль»? Больше всего его подвал. Там в девяностые круглосуточный шалман был... И ты меня всё просвещал...

– Чем модерн славен? Декоративно-прикладным искусством и интересом к новым технологиям. Выделяют, между прочим, разные его бытования. В конце девятнадцатого – начале двадцатого века шла разработка новых приёмов пространственных композиций, потом на сталь и бетон заглядываться стали...

Кстати, Казанский вокзал, где бедному пухлолицему начальнику суждено было завершить свой земной путь, – тоже чистой воды модерн... А Шехтель, Шехтель... Монастырская северорусская ветвь. Эти очаровательные эркеры, сногшибательные мозаичные панно... Особняк Рябушинского, где творил свои нетленки незабвенный товарищ Пешков...

А Абрамцево! Эх, бедолага Мамонтов... А Дом Зингера и Елисеевский на Невском! Панорамные окна, светильники, перила...

Кстати, дом, где издательство «Ямбора» гнездились, тоже в стиле модерна был отстроен. В девятьсот тринадцатом по Москве таких особнячков было уже немало. Почему я о «Ямборе» вдруг вспомнил? Потому что случилась там одна встреча.

Случайно сошлись в курилке обрусевший немец Николай фон Риттер и еврейский лабух Яков Фельдман... Ну ладно. Об этом потом. Официант, ещё по коктейлю!

2

С декабря 1919 года Моисей Моисеевич Фурманов служил заведующим мукомольным отделом областного Совета народного хозяйства. Ходил с новым дерматиновым портфелем, на службе надевал чёрные нарукавники, регулярно сдавал профсоюзные взносы. Отрастил некоторое брюшко, освоил новые совканцеляризмы, выработал вальяжную, но деловую осанку. У Моисея Моисеевича появилась дородная лукавоглазая секретарша, которая с удовольствием заваривала ему душистый чай и угощала румяными домашними пирожками. Рассказывала, что дом у неё на самом берегу реки, в небольшом буйном саду и там, простите за это старорежимное слово, просто божеественно. Моисей Моисеевич охотно кивал, мягко улыбался и отпуская её на рабочее место.

– Поди, Зина, в приёмную, глянь. Там, верно, и просители уже заждались...

Дела у Моисея Моисеевича шли в гору. План исправно перевыполнялся, в «Губернских ведомостях» постоянно ставили в пример, начальники райотделов подобострастно заглядывали в глаза... Сам зампред Совета по плечу хлопал. Будущее рисовалось мощным. Разве перспективные управленцы – товар частый?..

Но когда после первомайской демонстрации Моисей Моисеевич в приподнятом настроении неспешно обедал с сослуживцами, за ним пришли. Пришедшие хмуро покосились на консервы и шоколад из совнархозовского пайка, сунули в лицо Моисею Моисеевичу ордер и весело велели собираться... С тех пор на службе его никто не видел. Говорили, что он погряз в махинациях с расценками на обмолот, или фасовку, или

транспортировку... А вскоре грянула реорганизация, и тех, кто прежде трудился бок о бок, разметало по разным конторам. При редких встречах о Моисее Моисеевиче они не вспоминали. Как, впрочем, и о некоторых других...

Зина спала плохо. Ей снился исхудавший и небритый Моисей Моисеевич. Истрёпанный прежний костюм висел на нём мешком. Моисей Моисеевич улыбался и манил рукой.

– Поди, Зина, ко мне. Ты же меня помнишь. А что же чураешься?

– А я и не чураюсь вовсе. Просто вы изменились сильно...

– А ты знаешь, Зина, каково без твоих пирожков?.. То-то и оно.

– Так я напеку. Я быстро...

– Напеки, Зина, напеки...

Зина вставала и шла растапливать печь... Так и возилась до утра с тестом и начинкой. А потом выкладывала выпечку в эмалированный таз и долго любовалась...

...и Зина, наконец, решилась. Надела новые тёмные чулки, строгое платье со стоячим воротничком и отправилась по адресу, который подсказали ей на работе. По пути тайком трижды перекрестилась на храм и коротко про себя помолилась... В двухэтажном особнячке из красного кирпича её встретил дежурный, выслушал и велел подождать на улице. Минут через пятнадцать позвал, замкнул входную дверь и препроводил на второй этаж.

– Разрешите?.. Есть!

И Зина вошла в кабинет, где за дубовым столом сидел молодцеватый весёлый человек в ремнях и гимнастёрке.

– Чем обязан?

– Я очень хочу об одном человеке узнать. О Моисее Моисеевиче Фурманове. Он работал в нашем Совете народного

хозяйства, заведовал мукомольным отделом. А потом вдруг пропал. И никто не знает, что с ним. Очень хочу узнать... Прекрасный был человек...

– А почему «был»?

– Я не знаю...

– А почему вы пришли именно к нам?

– Вы всё знаете...

– Это точно... А кем вы ему приходитесь?

– Я трудилась у него секретарём. Он прекрасным руководителем был...

– Но почему всё-таки «был»?

– Потому что сейчас на его месте другой...

– Это точно... Хорошо. А что именно вы хотели узнать?

– Просто что с ним...

– Насколько мне известно, он работает сейчас в другом месте.

– А где?

– Этого точно я сказать не могу. Да и так ли это важно?

– Интересно же... А то как-то всё вдруг...

– Ничего вдруг не бывает. Для всего формируется почва. Базис, если хотите...

– Я не хочу.

– Ну да... Короче, обстоятельства сложились таким образом, что ему стало нужно переменить род деятельности.

– А с ним всё в порядке?

– Думаю, что сам он отчётливо понимает необходимость такого положения вещей.

– Это, наверное, хорошо...

– Конечно. Если человек осознаёт справедливость происходящего – это великое благо.

– Значит, мне можно не волноваться?..

– Считаю, что тревожиться надо было в том случае, если бы всё творилось в прежнем режиме.

– Да, сейчас всё по-другому...

– Ну вот видите, вы и сами понимаете...

«Не очень-то и понимаю», – хотела сказать Зина, но вовремя себя одёрнула...

На обратном пути она ещё раз перекрестилась на храм и в задумчивости проследовала восвояси.

– Кстати, ныне по стране возникла очередная сеть алкогольных магазинов. Как она называется? Угадай, Лёня, с трёх раз. Конечно, «Бристоль». Без этого мы не можем... Без этого мы – не мы... Довелось как-то по своему простодушию туда сунуться... Долго потом откапывался. Феназепам, пирацетам, аскорбинка... Больше туда ни ногой...

Когда на банкете телевизионщиков я отлучился в туалет, то увидел в конце коридора у окна невысокую фигуру в растёгнутом генеральском кителе. Оконный свет ел глаза, и лица я не разглядел. Настроение располагало к тому, чтобы подойти и познакомиться. И я было собрался... Но человек словно растворился в воздухе. Я даже в туалете во все кабинки заглянул...

– Почему я, Лёня, с тобой напрямую разговариваю? Да потому что человек я консервативный. Не люблю всякие приложения, мессенджеры, платформы новомодные... Они вроде как для удобства и помощи слеплены. Этакий ценный придаток твоему необъятному интеллекту... Но когда ты втягиваешься в ежедневное общение с ними – очень быстро сам становишься их придатком. И такая мерзкая от них зависимость появляется – почище, чем от алкоголя. И вся твоя свобода улетучивается как спирт...

Вскоре после встречи с фон Риттером Яков вернулся в Воронеж. Он там оркестром заведовал... Вообще-то Фельдман был одессит. Отучившись в музыкальной школе знаменитого

Пинхуса Столярского, он подрабатывал, где придётся. То тапёром подвизался, то вторым дирижёром в разных музконторах...

Но однажды после концерта к нему подкатил один щеголеватый тип.

– Имел счастье выслушать ваше выступление, – програссировал он.

– Имею удовольствие предложить вам контракт на работу в Воронеже. Перспективному оркестру нужен перспективный руководитель. Я вижу, что вы – это он.

– Вы так считаете? – спросил Фельдман.

– Воронеж, разумеется, не Одесса. Но с шампанским потянет...

Малахольные музыканты ввергли неосмотрительного Якова в шок. Играли они не просто скверно, а убийственно... Но, как говорится, поздно пить «Боржоми»... Яков с утра до ночи со своими оркестрантами, занимался с каждым индивидуально и со всеми вместе, добиваясь чистоты звучания, полной согласованности, понимания требований дирижёра. Музыканты старались, они понимали, что от этого во многом зависит их будущее. Поэтому репетировали усердно и охотно, и оркестр стал быстро меняться к лучшему. Уже через год его нельзя было узнать. Выступления оркестра начали пользоваться успехом у любителей музыки. Его стали приглашать на гастроли в другие города. В Воронеж начали приезжать известные певцы, чтобы выступить в сопровождении оркестра Фельдмана. Сам дирижёр взялся за сочинение музыки и значительно пополнил репертуар оркестра интересными пьесами.

В том же тринадцатом году на гастроли приехала молодая, но уже немало нашумевшая певичка-сопрано Агриппина Сергеевна Гранская. Не обладая большим диапазоном голоса, она владела красивым, чистым тембром и пела на редкость про-

никновенно... Вот тут Яков и порадовался, что выудил у фон Риттера какие-то жутковатые стишки... Положа руку на сердце – чушь полная... Девчушка не мешкая ответила Якову взаимностью. И с тех пор, что бы ни сочинял этот средней руки музыкант, все сочинения он посвящал именно ей.

Романс имел бешеный успех. Сначала его запел Воронеж, а потом – вся Россия. Не было нотного издательства, не издавшего этот романс, не было ни одной русской фирмы грампластинок, не штамповавшей его с разными исполнителями. Даже немой фильм появился на сюжет романса. Его снял в 1916 году театральный художник Евгений Бауэр, а главную женскую роль сыграла сама Тэффи.

К сожалению, так продолжалось недолго. Грянула Октябрьская, а пролетариату романс с ямщиком не показался... Его окрестили классово чуждым и надолго упрятали под сукно. По пьянке народ, конечно, его по-прежнему горланил... Но с эстрады – ни-ни...

Гранская умерла в двадцать пятом. А Фельдман – аж в пятидесятом. Жил неподалёку от Донского, любил там по вечерам моционствовать. Там и похоронили...

– А мне ясно видится глубокая киевская осень девятнадцатого. Ветер бесцеремонно швыряет мокрые мёртвые листья в лицо Николая фон Риттера. А он, приподняв воротник, всё бродит и бродит вдоль по безлюдному Бибииковскому бульвару. Холод и сырость нагло лезут под поношенное пальтецо, но он всё не возвращается в дом номер 26, где квартировал, прежде чем сгинуть окончательно...

– А куда ж он делся?

– А куда у нас люди деваются сплошь и рядом? Чудак ты человек... Мягко говоря.

3

– А помнишь, Лёня, как ты договорился с горничной и пригласил в свободный номер двух размалёванных девок? Ты всегда умел договариваться. Да тогда с этим проблем и не было... Ты был удручающе бездарен. Но фактурен, громкоголос и весел. И сразу, конечно, схватил гитару и запел:

Гони, ямщик, быстрее вдаль,
Авось рассеет грусть-печаль.
Пусть разлюбил – тоска пройдёт.
Гони, ямщик, скорей вперёд.

Ты был просто влюблён в это сомнительное сочинение, старый позабытый романс Семёнова... Ты его даже в свой дипломный спектакль вставил. А девки дико тарасились и поёживались. Они-то были уверены – их совсем не для прослушивания туда залучили. И в таком непонятном раскладе мерцала явная опасность. А вдруг убьют?..

– Сестра, где ты, чёрт возьми, бродишь? Капельница вот-вот кончится. Сейчас воздух пузырьками в кровь покатится... Нет, сам я перекрывать не берусь... А потому что не моё это дело.

– И в воздух чепчики бросали... Ты представляешь, Лёня, как по Большой Дворянской горделиво гарцуют казачки, по-хозяйски оглядывают публику, ухмыляются в закрученные наверх усы... Хоровые здравицы, шикарные розы под копытами, нескончаемые овации... Зачарованные глазищи перезрелых губернских барышень... «Иные идут по трупам, а я по цветам».

– А знаешь, какой в «Бристоле» устроили грандиозный банкет? А «Ямщик, не гони лошадей» оркестр бисировал раз десять! Конечно, автора романса и жены его давно уже в городе не

было. Но то, что этот незабвенный опус впервые прозвучал именно здесь, все знали прекрасно...

– Слушай, и как ты всё это помнишь?..

– У психопатов отменная память...

Я вышел покурить, постоял пару минут – не больше... И вдруг с диким криком из нашего номера вылетели две нимфы...

– Там дядька с саблей! – провизжала одна из них и нырнула за угол...

Почти сразу явилась грузная коротконогая старуха – то ли дежурная по этажу, то ли кто-то в этом роде ещё... Я подумал, будет шить аморалку, но дело оказалось серьезней...

– За что вы их зарезать хотели?!

Я чуть не рухнул...

– Как зарезать? Вы с ума сошли?! Да у нас и ножа-то нету...

– Зато шашка есть.

– Какая ещё шашка?..

– Какая-какая... Дорогая, с отделкой...

Мы еле уговорили старуху, чтобы она не вызывала ментов, а сама досмотрела комнату...

И больше всего цветов и криков «Ура!» в Воронеже досталось командиру корпуса – лихому казачьему атаману, бывшему предводителю партизанской «Волчьей сотни», прославившейся в Первую мировую – тридцатидвухлетнему генералу Андрею Шкуро...

В начале Гражданской войны он действительно прославился широким жестом – при захвате Кисловодска приказал отпустить три тысячи раненых красноармейцев...

...А в Воронеже порешил коммунистов – коменданта города Скрибиса, железнодорожного комиссара Лаврентьева, командира бронепоезда Шлегеля, а следователей ЧК Иванова и Петрова повесил на площади Круглых рядов...

...И рассматривал эту казнь как ответ на жестокость чекистов. В тот самый день, когда на площади Круглых рядов вешали партийцев, газета «Воронежский телеграф», временно возобновившая работу при белых, сообщила: «В саду губернской ЧК выкопаны 6 трупов священнослужителей и 8 трупов монахов со следами истязаний...»

– Ты знаешь, как горожанки встречали лихие войска Андрея Шкуро в сентябре девятнадцатого? Как жаждали их любви... А потом, когда в октябре вернулись красные – реабилитировались уже с теми...

– Вчера ночью я увидел под лавкой огромную мёртвую ворону. Мне не было ни страшно, ни противно... Птичьи трупы нынче в избытке. А помнишь, Лёня, как в девятнадцатом по городу кругом грудились птичьи тушки? Ты не можешь не помнить... Ты помнишь гораздо глубже, чем думаешь... Но вчерашняя оказалась всего лишь рваным целлофановым пакетом... И это меня и не обрадовало, и не удивило. Нынче все вокруг – либо пакеты, либо трупы...

– На всякой войне, по меньшей мере, две правды, а то и намного больше... Как на Гражданской, например... Понятное дело, у победителей потом масса возможностей превратить свою правду в единственную. И триумфаторы их, конечно, не упускают... Но выжившие побеждённые не сдаются. Ставят под сомнение, опровергают, идут в атаку, и война длится, длится, длится...

Давно мириться пора. Но как? Ведь у иных персонажей прежних лет и по нескольку своих правд было... А может быть, это ветви одной... Ну как крылья коралловидного камня в почке. У тебя же он, сволочь, был. И поди тогда разбери что-нибудь даже внутри одного человека... Даже когда напряжёшься и по-честному воскресишь его для себя...

Помиришься тут...

– Абраша, дорогой, а ты знаешь, шо сегодня день примирения и согласия?

– Шо ты имеешь этим сказать, Софочка?

– Мы сегодня идём в магазин, и я буду всё примерять, а ты – соглашаться!..

4

...В коридоре на третьем этаже мне встретился невысокий, ладно скроенный человек в расстёгнутом мундире немецкого генерала времён Второй мировой. Он был растрёпан и растерян. Я, конечно, узнал его...

– А где ваша шашка с бриллиантами и кинжал?

– У одного английского генерала в гостиной, должно быть, висит... Британцы – в душе жуткое ворьё... Когда видят, что можно – удержу нет. Я их орден этим воякам под ноги и швыранул...

– Как же так получилось?

– Да очень просто. В конце мая сорок пятого союзнички перевезли меня в лагерь Шпиталь. Ну и при досмотре изъяли. Сказали, что потом вернут. Генерал тот в стороне стоял, головой кивал со значением... Сволочи, одним словом... Меня от этого сердечный припадок настиг. Если как на духу – я и подыгрывал тогда слегка. Чем чёрт не шутит – может, хворь и пособит мне как-то в тамошнем затворе... И через полдня прислали ко мне врача-профессора. А им знакомый мой ещё по Белграду оказался. Вербицкий его фамилия. Не слышали? Очень громкий лекарь...

– И что же он сказал?

– Он сразу в ситуацию вник... Велел раздеться и принял меня вроде как трубочкой своей выслушивать – у дверей солдат-надсмотрщик отирался... Вербицкий шепнул, что

всех офицеров Казачьего стана с Красновым во главе куда-то увозят. Радости это известие не прибавило...

– И долго ли вас там держали?

– Уже через день увезли в Юденбург. Там какой-то совдеповский офицеришко имел наглость раскритиковать мой внешний вид – рядом начальство, нужно выслуживаться... Ну я ему и высказал... «Для того, чтобы обратиться к генералу, нужно стать «смирно» и взять под козырёк». А его командиру – даром он в двух шагах был – решительно так сказал: «Уберите этого невежду». И что же вы думаете? Генерал приказал подчинённому уйти. Уважали, сволочи...

Энкавэдэшники, понятное дело, допрашивали. Куда ж без этого? Всё больше почему-то о Гражданской войне. А ночью красные офицеры и солдатики из охраны то и дело в мою комнату совались. Я шутил как умел. А тем, кто постарше, напоминал: «Лупил я вас так, что пух и перья с вас летели!» И те лыбились, посмеивались, ёжились... Я им и песню о себе сбавал. В девятнадцатом ещё народ сочинил...

По Кавказу, по Кубани
Слышен грозный крик «Ура!».
Разразился над врагами
Генерал-герой Шкура.
Грянем славу трубой,
Славный наш Шкура-герой,
Мы с твоим лихим отрядом
Скоро будем под Москвой.
Раньше с маленьким отрядом,
Чуть не в десять человек,
Смерть он нёс, как тучи с градом –
Не забыть того вовек...
Ночью тёмною, бывало,
На станицу налетит
И атакою удалой
Бунт нелепый укротит.

И не раз с отрядом малым
 Города он в руки брал,
 Этот грозный и удалый
 Славный Шкуро-генерал.
 И над Доном слышна слава:
 Генерал пришёл Шкура,
 Рубит влево, рубит вправо,
 И кричат ему: «Ура!»

Я свою родную неблагозвучную фамилию в те ещё времена подправил слегка... Но теперь думаю, что и такая сошла бы...

– У вас завидная память. Прямо как у одного моего друга. Того, бывало, хоть ночью подними и спроси: «А как тот закон называется? Ну ты понял, какой...» – не раздумывая, выдаст: «Федеральный закон от 22.11.1995 года номер 171 «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». Красавец, а?.. А голова какова... Только забил её чёрт-те чем...

И знаете чем? Поисками любви. К себе, разумеется. И его любили. Но не платили. Ни деньгами, ни помощью, ни вниманием... Так бывает. Такой вот сорт эмпатии... А вы, генерал, тоже стяжатель восхищённых взглядов? Конечно... В города входили под колокольный звон, с духовым оркестром, цветов жаждали...

– Если кто этого всего не любит – я тому не верю. Всё другое – придумки натужные, игра в скромняг... А я человек прямой. Не понимаю, чего тут стесняться. Залитые солнцем улицы, слёзы радости на глазах барышень, несмолкающие здравицы... Что в этом дурного? Это мечта... Объятыя, поцелуи, шампанское... Алкоголь, кстати, был мне только на пользу...

Когда меня привезли в Баден, в контрразведку «Смерш» и определили в отдельную комнату, жизнь пошла райская.

Обеды из лучших кабаков Вены, лучшие сигареты на выбор, дорогущее вино – рекой... Я один спокойно мог несколько бутылок один употребить. И с утра быть как огурец...

А не читали Самутина такого?.. Офицер Русской освободительной армии, мать его... В «Военно-историческом журнале», уже в начале девяностых... Как я это могу там читать? Могу. Как?.. Это значения не имеет... Вот ведь что стервец писал: «Он поразил меня примитивизмом профессионального рубаки и отчаянного выпивохи. Датский «Аквavit» – тминную сорокаградусную – он глушил как лимонад, не пьянея нисколько, только краснел и распался. Темами его речей были вино, женщины и рубка. Ни военные дела, ни политика его, казалось, совершенно не интересовали». Исчерпывающая характеристика, не правда ли? Но даже этот ублюдок отметил, что с зелёным змием я рубиться умел...

Да и вообще шашкой махать – это моё. Редко равный мне в этом деле попадался... Недаром англичане мне орден Бани на грудь повесили. Не всем такое обламывалось... К себе приглашали. Лондон, Честер, Стратфорд... А я пацаном ещё старую книжку с картинками нашёл. «Остров сокровищ». И прочёл её от корки до корки. Откуда она в станице? Там этого добра не водилось... И посейчас помню, как герои в плавание отправлялись. А как я в этом порту побывать хотел! Во снах бредил. Река Эйвон, Бристольский залив, необъятная Атлантика...

Когда ни свет ни заря меня в отеле «Цум голден фиш» англичане же и арестовывали, я сорвал с себя этот злосчастный орден и швырнул им под ноги – пусть подавятся...

Какое право они имели отдавать меня красным? Я никогда не был совдеповским гражданином...»

Нужно сказать, что в коридорах мелькал и ещё один странный тип – небритый, в поношенном костюме, с дерматинным старомодным портфелем. Плечи его были присыпаны то ли перхотью, то ли какой-то белой пылью... Он вроде бы и напрашивался на разговор, но в последний момент ускользал. Разве что анекдот какой рассказывал... А мне что – больше всех надо?.. Старуха-дежурная говорила, что знает его давно, и он хороший.

«Одна израильская газета провела опрос: в чём разница между политиками и ворами? Один ответ привлёк внимание редакции: «Уважаемая редакция, я много думал над вашим вопросом и пришёл к выводу, что разница между политиками и ворами в том, что первых выбираем мы, а вторые выбирают нас».

«Ливано-израильская граница. Израильский патруль объезжает территорию. Вдруг слышится свист пули.

– Нёма, а это ливанский снайпер.
– Так почему же вы его не уберёте? – спрашивает новичок.
– Да он там уже два месяца сидит и ещё ни в кого не попал. А если его убрать – иди знай, какого поставят на его место».

«– Что такое форшмак?

– Это такое блюдо национальной кухни из селёдки.

– Ух ты! А откуда знаешь?

– У меня соседи Яков Соломонович и Роза Марковна...

– Угощали?

– Нет, рассказывали...»

- «– Шлёма! Мне срочно нужны деньги!
– Шо, случилась какая-то беда?
– А то, шо у человека нет денег – это таки уже не беда?»

Иногда, правда, он открывал портфель, доставал оттуда кипу листков с графиками, схемами, таблицами... И начинал вдруг что-то путано и лихорадочно объяснять, размахивая пожелтевшей бумагой. Он толковал об ошибках в расчётах, головотяпстве, вредительстве... Его раскалённая слюна обжигала мне щёки... Но потом он быстро истощался, замолкал и исчезал из поля зрения.

6

В этот раз небритый тип был в чёрных нарукавниках. Он заговорщицки приложил палец к губам, извлёк из дерматинового портфеля обрывок пожелтевшей газеты и сунул его мне. А потом, по обыкновению, мгновенно развоплотился...

«...К 7 июня передача интернированных была завершена. Всего британскими военными властями в руки НКВД было передано в районе г. Лиенца 37 генералов, 2200 офицеров и около 30 тысяч казаков вместе с семьями, разделившими их судьбу. Основная часть несчастных была расстреляна или сгинула в сталинских лагерях; выжили буквально единицы. Перевернулась ещё одна страница «Книги судеб» российского казачества, понадеявшегося на спасение и освобождение своей Родины с помощью иностранной военной силы...

В 7 часов утра 4 июня 1945 г. на пассажирском самолёте «Дуглас» генералы П.Н. Краснов, А.Г. Шкуро и другие были доставлены в Москву, на Лубянку, где были сразу же разъединены и распределены по камерам.

17 января 1947 г. «Правда» опубликовала следующее сообщение Военной Коллегии Верховного Суда СССР: «Военная Коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела дело по обвинению арестованных агентов германской разведки, главарей вооружённых белогвардейских частей в период гражданской войны атамана Краснова П.Н., генерал-лейтенанта белой армии Шкуро А.Г., командира «Дикой дивизии» генерал-майора белой армии князя Султан-Гирей Клыч, генерал-майора белой армии Краснова С.Н. и генерал-майора белой армии Доманова Т.Н., а также генерала германской армии, эсэсовца фон-Панвиц Гельмута в том, что по заданию германской разведки они в период Отечественной войны вели посредством сформированных ими белогвардейских отрядов вооружённую борьбу против Советского Союза и проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против СССР.

Все обвиняемые признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.

В соответствии с п. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила обвиняемых Краснова П.Н., Шкуро А.Г., Султан-Гирей, Краснова С.Н., Доманова Т.И. и фон-Панвиц к смертной казни через повешение.

Приговор приведён в исполнение».

Все генералы были повешены 16 января во дворе внутренней тюрьмы МГБ СССР (Лефортово), по мнению некоторых авторов, самым изуверским способом – на мясных крюках за ребро. Лишь одного П.Н. Краснова ввиду его возраста расстреляли...»

– Вторую мировую Шкуро видел продолжением Гражданской... И, формируя вместе с генералом Петром Красновым казачьи части, думал прежде всего о борьбе с большеви-

ками. Пусть и в составе гитлеровских соединений... в составе гитлеровских войск. «Хоть и с чёртом, да против дьявола...» Выдавший виды Андрей Григорьевич и тут остаётся в своём ампула. Куда бы он ни приехал, тут же начинались пьянки, гульба... Не желавший стареть атаман быстро стал кумиром для молодых казаков. Он мог перепить едва ли не любого, знал массу солёных солдатских анекдотов и прибауток, похабных песен... В результате руководство формируемых частей старалось не допускать в расположение седоусого ухря. Тем не менее вклад в привлечение молодого поколения к службе в рядах вермахта был большим. Он олицетворял в его глазах казачество типа Тараса Бульбы, Степана Разина, Ермака Тимофеевича, Емельяна Пугачёва...

Финал этой деятельности стал именно таким, каким и должен был стать. В апреле 1945 года лидеры воевавшего на стороне Гитлера казачества сдались англичанам. Ну а те выдали их Советскому Союзу. Надо отметить, что Краснов, Шкуро и иже с ними, с точки зрения буквы достигнутых ранее договорённостей между союзниками, выдаче не подлежали. Однако в лагерях для военнопленных к этому времени скопилось немало гитлеровцев всех национальностей. В американских 3,8 млн человек, в английских – 3,7, в советских – 3,16... Зачем англосаксам кормить столько ртов? И потянулись на восток эшелоны...

– Этому безбашенному рубаке прямо-таки позавидовать можно. Всю жизнь надирался как собака – и хоть бы хны. А тут попьёшь недельку-другую аккуратненько – и в наркологию прямой дорогой... Галоперидол, мельдоний, рибоксин, феназепам...

– Да, здоровье у нас явно подкачало...

– Потому что всякую мерзость в девяностых хлебали как перешароханные...

– Чем же тебя, Лёня, там лечили?

– А они не любили об этом распространяться. Заливали в капельницу какой-то коктейль – и вперед...

– Да, те, кто хочет голову подправить – секретов не выдаёт. Рецепты таких коктейлей – на вес золота...

7

– А в Одессе тоже есть «Бристоль». Знаменитый когда-то отель...

– Только ли в Одессе? Их у нас куда ни плюнь. И сам не пойму, почему у нас по стране столько «Бристолей» с их замшелым модерном, обветшалым гламуром, несвежими ресторанными скатёрками? С обшарпанным, липким от дешёвого вина паркетом. С пьяным блядским визгом из-за облупленных дверей. С шустроглазой вороватой службой... И, по сути, в какой город не едешь – а попадаешь в Бристоль...

– Лёня, а ты из своего Ашдода никогда до Бристоля не добирался? Напрасно. Любопытный город. Дури столько же. Если не больше. Там недавно совсем знатная буча была. Статую знатного политика и шустрого предпринимателя XVII века Эдварда Колстона сбросили прямо в залив. Рабовладельцем, собака, был. А ещё и работорговцем... Судя по фото из соцсетей, перед тем как сломать памятник, протестующие сдавливали своими коленями шею скульптуры, – напоминая о том, как погиб афроамериканец Джордж Флойд. Это после его смерти покатилося по миру «Black Lives Matter». Во время задержания Флойда один из полицейских почти 9 минут сдавливал коленом его шею, хотя задержанный просил о помощи и говорил, что не может дышать... А потом на опустевшем постаменте плясали, пели, обнимались...

А так в Бристоле здорово. Знаменитый собор, строившийся ещё с XII века. Висячий мост в Клифтоне, шедевр инженерной мысли XIX столетия. Церковь Сент-Мэри-Редклифф, возведённая в основном в XV веке и признанная Елизаветой I лучшей приходской церковью в её королевстве. Дом собраний квакеров в Бродмиде. Королевский театр, башня Кабота, бристольский университет... Ей-богу, напрасно ты не сподвигся.

– Я думаю, мы правильно делали, что шли во второй линии. На острие авангарда ничего по-настоящему живого не возникает. А мы жили. Жили, Лёня, и ещё как! Ты худо-бедно играл для детей каких-то мушкетёров. И твою пышную шевелюру запоминали, тобой интересовались, на тебя ходили... Ты старался. Ты не изобретал бог весть что. Ты придумывал себя. И потом шёл за собой придуманным...

Я тоже в своих писаниях не выделялся почём зря. Так, по необходимости... Дружелюбно подмигивал предшественникам. Потому что твёрдо знал: без них – никуда... Я же не мог всё возводить сам. Жизни не хватит. А придать невиданный блеск возведённому – пожалуй, что получалось... По крайней мере, так говорили. И казалось, что не из вежливости...

– Не так давно, Лёня, я встретил твою жену. Бывшую. Не то первую, не то вторую... Ты с ней на актёрском учился. Большеглазая такая... А теперь и вовсе глаза выпученные, с блёстками ужаса – того и гляди из орбит выкатятся... В Питере в каких-то сериалах снимается. Вроде платят... Говорила, что ты во сне к ней являешься. Смеёшься под окном, рукой машешь, кричишь что-то... А слов не разобрать... Это вроде к тому, что помянуть тебя надо. Не знаю... Звала посидеть, вспомнить. Но я, грешен, терпеть не могу бывших... Если была – значит её уже нет. А как можно общаться с тем, кого нет? Разве что с тобой...

– Я тыщу раз слышал о прелестях израильской медицины. Наверное, она и взаправду стоящая. И, честно говоря, думал, что ты раз за разом будешь выкарабкиваться. При такой-то поддержке... Искусственные комы, программа «12 шагов»... Но мало ли кто что думал...

Грубая могильная плита, рыжая почва, сухая трава... Приземистое дерево, изогнувшееся от ветра. Имя-фамилия на русском, какое-то неузнаваемое лицо, пунктиром по камню – гитара... Облезлый пригорок, квёлая скамья, жухлый цветок. Где это? Галилея, надо понимать... Я никогда не бывал в Израиле... И знаю его только по жалобам на строгости в аэропорту Бен-Гурион, бесконечным судебным процессам над экс-премьером Нетаньяху да задорным стишкам Игоря Губермана...

Не люблю Whatsapp. Он так и норовит подогнать что-нибудь слезоточивое и ненужное. И для того, чтобы жить дальше, конечно, следует его отключить...

А ещё на памятнике было начертано: «Дорогому искателю несбыточной любви от всех, кто его любит и помнит». Это неправда. Всё сбылось.

8

Когда долго лежишь лицом к стене, крашенной казённой масляной краской, пустота яростно разрывает голову. Обрывки медсестринской болтовни из-за двери, урчание воды в санузле за стеной, посвист ветерка в вентиляционных лабиринтах лишь подчёркивают нерушимую силу кромешного вакуума. Реальность распадается, обращается в порошок, развеивается по больничному воздуху. И ты уже существуешь в другом измерении... И смерть становится легка для понимания и созвучна сердцу.

От нестерпимой госпитальной тоски я листал какую-то научно-популярную книженцию и уныло рос над собой.

В феврале 2013 года огненный шар рассёк небо над Челябинском. Небесное тело диаметром около 17 метров и весом 11 тонн ворвалось в атмосферу Земли со скоростью 19 километров в секунду. По словам астрономов, этот метеорит стал самым крупным небесным телом, достигшим Земли, со времён Тунгусского метеорита (1908 год).

Впервые такой крупный метеорит упал в густонаселённой местности. Он нанёс людям огромный ущерб: более 1,6 тысячи человек обратились за медицинской помощью, более 100 были госпитализированы. Ударной волной от столкновения Чебаркульского метеорита с землёй выбило стёкла 7,3 тысячи зданий, общий ущерб оценили почти в 1,5 миллиарда рублей.

Леониды – самый известный метеорный поток. Он известен более 3800 лет и назван по имени созвездия Лев, в котором расположен его радиант (область вылета метеоров).

Леониды – это частицы хвоста кометы Темпел–Туттля, которая приближается к Солнцу каждые 33 года. В это время активность потока усиливается, и метеоры обрушиваются на Землю в виде звёздных ливней или даже штормов.

Самый яркий поток в истории зафиксировали в 1833 году, тогда очевидцы сравнивали Леониды по частоте со снежинками во время снегопада. В следующий раз комета приблизится к солнцу в 2031 году, до этого метеорных бурь не ожидается.

Этот звездопад был предсказан, как и Лиссабонское землетрясение. Вот описание очевидцев в США:

В 1833 году, спустя два года после того, как Миллер начал всенародно доказывать близость пришествия Христа, исполнилось одно из последних знамений, обещанных Спасителем. Иисус сказал: «...и звёзды спадут с неба» (Матфея 24:29). И Иоанн, увидев знамения, возвещающие о приближении дня Божьего, говорит: «И звёзды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои» (Откровение 6:13). Это пророчество исполнилось с поразительной и впечатляющей точностью 13 ноября 1833 года, когда выпал великий метеоритный дождь. Вряд ли человек когда-либо наблюдал столь величественную и грандиозную картину падающих звёзд. На протяжении нескольких часов «всё небо над Соединёнными Штатами освещал огненный фейерверк! Никогда ещё в этой стране не было такого небесного явления, оно привело одних в неописуемый восторг, а других ввергло в неописуемый ужас и смятение». «Величественность и великолепие этого зрелища всё ещё свежи в памяти многих... Самый сильный дождь не мог бы сравниться по силе и интенсивности с этим потоком метеоритов, расчерчивающих небо на востоке и на западе, на севере и на юге и производящих потрясающее впечатление. Всё небо, казалось, пришло в движение... Это зрелище, как сообщалось в журнале профессора Силлимана, наблюдалось во всей Северной Америке... При совершенно ясном и безоблачном небе с двух часов ночи до наступления полного рассвета по всему небосводу была видна непрерывная игра ослепительно сверкающих небесных тел».

«Никакими словами нельзя описать великолепие этого зрелища... кто не был его очевидцем, тот даже и представить не может себе всю его славу. Создавалось впечатление, будто всё звездное небо сконцентрировалось в одной точке, у самого зенита, и оттуда с молниеносной быстротой во все стороны расходились световые стрелы, и конца им, казалось, не будет: ты-

сячами они сменяли друг друга, как будто бы были специально приготовлены для этого».

«Вряд ли можно сделать более удачное сравнение, чем со смоковницей, роняющей незрелые смоквы во время сильной бури».

В нью-йоркском коммерческом журнале за 14 ноября 1833 года была напечатана большая статья об этом чудесном явлении. Её автор утверждал: «Ни один учёный или философ не писали ещё, я думаю, о таком событии, какое произошло вчера утром. В настоящее время мы, может быть, и затрудняемся дать точное определение этому происшествию, но восемнадцать столетий назад пророк точно предсказал падение звёзд, что и сбылось в самом буквальном смысле этого слова».

Таким образом, произошло одно из тех последних знамений Его пришествия, относительно которых Иисус наставлял Своих учеников: «Когда вы увидите всё сие, знайте, что близко, при дверях».

9

– Зайдём? – весело подмигнул Леонид мёртвым глазом.

– А я и не знал, что тут снова открылось...

– Всё рано или поздно открывается... Идём.

И мы вошли.

Мы сидели в компании с Фурмановым и Шкуро. На столе стояла тминная датская водка «Аквавит».

– Предательство, говорите? – хитро прищурившись, вопрошал генерал.

– А что богоугодней – единение с бесовской, пожирающей своих детей, безумной Родиной или святая борьба во имя её спасения? Пусть и через временный союз с дьяволом... Или лучше вообще забиться в угол и молчать в тряпочку?

– Если кого люто ненавидишь, то сам тем и становишься... Ты ведь генерал – форменный жид. Вечный жид. Кубань, Подонье, Персия, Кавказ, Франция, Югославия, Германия, Италия, Австрия... И нет списку ни конца ни края... Разве не так?

Лукавоглазая пышнотелая официантка Зина приносила румяные пирожки и глядела на Фурманова протяжным взглядом.

– А я ведь вас, Моисей Моисеевич, и теперь люблю. Хотя вы и исчезли бог знает когда...

– О чём ты, Зина? – грустно отвечал Моисей Моисеевич.
– Никто и ничто никуда не исчезают. Разве ты не чувствуешь?

– Что мы имеем? – поднялся вдруг Шкуро, давая понять, у кого право первого тоста. – Мы имеем Зину...

– Попрошу не выражаться! Я женщина порядочная. Полжизни проработала в приличной гостинице. И внучки мои там подрабатывают...

– Да я от всей души... За присутствующих здесь дам!

– Сердечно благодарю вас, генерал! А то я бог весть что подумала...

– Андрей... Можно я буду звать вас так? А что? Апостольское имя. Красиво.

– Ах, шельма, – захохотал Шкуро. – Ладно, валяй...

– Вот ты, – указал он на Лёню, – не предатель, что ли? На родине не понравилось и свалил себе на землю обетованную. Нет, чтобы побороться, изменить положение дел... Хотя бы попытаться. А ты свалил, и с концами.

– А ты не свалил? – ошетинился Лёня.

– Если б я не отчалил, меня бы тут на первом фонаре вздёрнули... Сравнил тоже...

И Шкуро с удовольствием опрокинул стопку.

– А ты тоже не предатель? – весело и нагло зыркнул он на меня. – Нет, ты никуда не дёрнулся. Просто тебя как будто и нет. И не было никогда... Творите, архаровцы, что хотите. Мне-то что?.. Мне душу свою чуткую оберегать нужно...

– Ты как был смутьяном, так и остался. Тебе лишь бы шорох навести да покрасоваться... Пусть кругом обалдевают да любуются. А с кем брататься, против кого сражаться – не важно... Во имя России! И всё тут.

– А ещё в этом здании, – встряла вдруг Зина, – редакции фронтовых газет были. Кто здесь только из тогдашних знаменитостей не работал! Василевская, Долматовский, Первомайский...

– Твардовский – Долматовский – жидовский, – напевал Шкуро себе под нос и, кому-то лукаво подмигивая, задорно приплясывал.

– Генерал, Господа-Христа хоть побойтесь, – взмолилась Зина. – Он ведь иудеем был рождён...

– Что?! Иисус был еврей? – заорал поддатый Шкуро. – Повешу!

Потом резко замолчал, протяжно поглядел в подпотолочное окно и лениво вытащил сигаретку.

– А вас подвешивали когда-нибудь за рёбра?.. На мясных крюках? Тут, как ни крути, фантазия нужна. Энкавэдэшники – это тебе, брат, не хухры-мухры. Народ изобретательный...

– А за что, интересно, тебя бы привесили в Израиле? Я имею в виду, за какой орган... А за что – понятно. За хужества Первой Тверской... К этому делу и туземная дивизия подпряглась. Погромы – дело увлекательное. Тут тебе и острые ощущения, и навар... И опасности никакой.

– Эх, где моя шашка... Я б тебя, суку, от уха до мотни располовинил! Тварь пархатая!..

Лёня схватил низкорослого Шкуро за грудки, поднял и прижал к стене. Тот подтянул колени и что есть силы лягнул Лёню в живот. Тот отлетел к противоположной стене, и она вдруг дрогнула, закачалась и рассыпалась в пыль...

Всё исчезло. Шёл дождь. С пищеблока звали на ужин.

10

– Лёня, что ж это за времена настали? За твои же деньги от-капать по-человечески не могут... То ли лекарства шибздят как испуганные, то ли мозгов с гулькин хрен?.. С десятого раза только и помогает. Когда уже и само бы прошло... Медленно всё в организме крутиться стало. Это от того, что всё вокруг крутится быстрее некуда... Как время не проводи – его не проведёшь.

– Да, Лёня, я живу один. Пишу себе – не тужу. Поначалу щемило вроде... А потом посмотрел по компу порнуху одну. Там толстая, матёрая такая бабища трахается. Лениво так, методично. А потом осведомляется у мужика: «Ну ты кончил?..» И знаешь, как рукой сняло.

В прежнем «Бристоле», как в старом заварочном чайнике, витали неистребимые запахи давно выпитого. А нынешний «Бристоль» мне и даром не нужен. Когда прохожу мимо – гляжу насквозь. На что мне эта бетонная коробка, когда вся Россия – один сплошной «Бристоль»?.. Теперь там офисы, Лёня. И секретутки прямо на столах... Никакого, как говорится, романтизма. Так нельзя.

«– Фима, ну ты же юрист, ты же должен знать, шо можно, а шо таки нельзя.

– Моня, я юрист, и я таки прекрасно знаю, как можно, когда нельзя...»

– Да, Лёня, кто из нас не стал циником?.. И ты пишешь книгу, и книга пишет тебя. И неизвестно, у кого выйдет быстрее... Сестра, или ты не видишь – капельница кончается.

Дневник Фондаминского

Парижский апокриф в четырёх действиях

Действующие лица:

Рассказчик.

Илья Фондаминский – эсер, масон, сочинитель, святой.

Муза Раскольникова – жена Фёдора Раскольникова – пламенного большевика, командующего Балтфлотом, невозвращенца.

Действие первое

 углу затемнённой сцены – Илья Фондаминский в арестантской робе. Луч прожектора выхватывает его из темноты.

Фондаминский. Вы пускаете в дом некрещёного еврея? Идиотский вопрос, не правда ли? Особенно когда он обращён к шестилетнему ребёнку. Что за низкопробное кокетство? И как мне такое в голову могло прийти? Как и многое-многое другое. Слишком многое...

В другом углу затемнённой сцены – Рассказчик. Луч прожектора выхватывает его из темноты.

Рассказчик. Я не большой любитель лавок букинистов, книжных развалов, разного рода торговцев раритетами. Многие эти вещи с головой накрывают, и у них другая жизнь начинается. А, если честно, все эти очаги культуры за версту обхожу. В чём там прелесть? Такое же «купи-продай», как и всюду. И вотрут вам всё, что угодно, и разъяснят по полочкам, как

вам несказанно повезло. «Жучки», они и есть «жучки». Им всё равно, какую кору точить.

Разве что иногда – если накатывает – забредёшь вдруг в какую-нибудь случайную дыру, заваленную бумажным хламом, зароешься в пожелтевшие страницы, закашляешься сладко от многолетней пыли... Это так, для души, минутная слабость. Хотя попадаются иногда забавные вещицы. Можно даже сказать, удивительные. Если, конечно, кто-то способен ещё чему-то удивляться...

Фондаминский. Я всю жизнь писал для других. С маниакальной настойчивостью из года в год печатал в эмигрантских журнальчиках свои «Судьбы России», смущая почтенную публику. Их вежливо читали, кивали, вроде как сочувствовали. А верили ли кто всерьёз? Нет, конечно. Принимали лишь за литературные упражнения. Чуть ли не за кривляния. Как прочтут пассаж про необходимость Ордена интеллигентов, так и прыскают. «Сила Ордена – не в политическом пафосе и не в крайностях политической программы и политической борьбы. Сила Ордена в том, что души его рыцарей горят огнём целостной веры, озарены светом целостного учения. Орденский человек жаждет понять и обнять весь мир, и каждый его жизненный шаг освещён всем его миропониманием. Политическая борьба – только один из видов жертвенной борьбы за преображение мира. Политический идеал – только часть новой преображённой жизни. Вот почему так неотразимо влияние Ордена на живые души людей». Смешно, правда?

Рассказчик. В тот раз меня занесло в какой-то непрезентабельный букинистический подвальчик, хозяин которого возрастом вполне соответствовал своему товару. Напористый такой старик. Всё норовил мне муру разную всучить. Из вежливости я листал всяческие потрёпанные книжицы, но не мешкая возвращал их хозяину. И вдруг в руке у меня оказался вовсе не плод типографских усилий, а пухлая, в кожаной обложке общая тетрадь, исписанная убористым почерком...

Фондаминский. А нужно писать не для *кого-то*. А для *чего-то*. Чтобы себя понять, чтобы перед Богом не паясничать, чтобы знать, что никто и никогда не прочтёт, а потому и душою кривить бессмысленно... А то стыдно будет после всего... Писать во имя чего-то. Чему имени и не знаешь. И боишься знать. Но чувствуешь безошибочно. А жизнь научила чутко понимать, что ты прав...

Рассказчик. ...и я вздрогнул. «Илья Фондаминский. Записи». Теперь мало кто помнит это имя. Почти никто. А это был редкий человек. Точнее, уникальный. Похожего такого не было...

Красавец-эсер, женатый на внучке «чайного короля», купца Вульфа Высоцкого, студент-философ в Гейдельберге, организатор восстания на крейсере «Память Азова», эмигрант в Париже, редактор «Современных записок», член масонской ложи «Братство», автор многолетних «Судеб России», духовный брат Матери Марии...

Я, конечно, никак интереса своего не выказал. А то старик почуял бы добычу и заломил несусветную цену. Я листал тетрадку небрежно, сонно, а затем положил обратно на стол и занялся другими книжками. И уже потом, минут через пятнадцать как бы нехотя вновь приоткрыл кожаную обложку.

– Возьмёте? – с надеждой поинтересовался старик.

– Нет. На что она мне?

– Живые записки... Свидетельство эпохи... Очень интересно... – залепетал лавочник.

– Уж и не знаю...

– Я дёшево отдам.

И отдал он действительно дёшево.

Фондаминский. В записях, если они не для других, большого смысла нет. Всё уже существует и вне бумаги. А графическое оформление – всего лишь боязнь утраты. А чего бояться, если читателем автор назначил лишь самого себя? Тайное должно умирать тайным. И нечего мастерить невнятную надежду на чужие глаза. Зачем она? Ан, вот дразнит и дразнит. И начинаешь

подозревать, что это неспроста. А потом и убеждаешься всерьёз. И думаешь, что смысл есть. Только он для тебя недостижим. Он тебе маякует, но не раскрывается. И не твоё это дело – его вызывать на свет божий. Садись и пиши. И будешь кругом прав.

Рассказчик. Я и раньше бывал в Париже. В командировках. По редакционным делам. Благо редактор в этом плане никогда не артачился. Хорошая обязанность – приезжать в город детской мечты! (*По стенам сцены и зала проносятся отрывочные кадры с видами Парижа. Звучит французский шансон.*) Другие французские города были мне безразличны. Правда, в целях экономии жить приходилось в самых затрапезных отелях, в самых драных номерах. Но разве это проблема? Вот и в этот раз в моём обиталище едва помещались кровать и стол, а единственное окно упиралось в стену. Мне вдруг подумалось, что во время фашистской оккупации многие парижане, может быть, тоже ютились в клетушках? Ведь немецким офицерам нужны были жилплощади. Никогда не задавался этим вопросом... Сколькими вопросами я не задавался!

Не раздеваясь, я сел за стол и раскрыл тетрадь наугад...

Луч прожектора выхватывает из темноты Раскольникову.

Раскольникова. Если бы не письмо одного доброго знакомого, я бы тогда, наверное, пропала. После жуткой смерти мужа я была совершенно подавлена и больна. Жить мне было негде и не на что... Он принял меня доброжелательно и даже радушно. Рассказал о том, что мой покойный муж, будучи морским комиссаром, руководил обыском на пароходе, отходящем из России. А одним из пассажиров был он. И они встретились глазами... Им ли не знать друг друга по лихим революционным передрыгам! Очень долго никто взгляда не отводил... Потом муж отвернулся. А он остался жить...

Потом зазвонил телефон, и он вышел в коридор. Отсутствовал, наверное, всего лишь несколько минут. Но мне пока-

залось – целую вечность. Ночлега я нигде накануне не нашла и была вымотанной до крайности. Потому откинулась на спинку дивана и прикрыла глаза. Стало тепло, уютно, спокойно... А проснулась я только поздним утром, заботливо укрытая огромным шотландским пледом. И первое, что, открыв глаза, услышала:

– Чай готов, сударыня.

Прожектор гаснет.

Фондаминский. Забавные рассказы до меня доходят. Одна знакомая дама любит частенько заходить и занимать деньги. И при этом обещает клятвенно, что только, скажем, до вторника. А я имел неосторожность сказать: «Берите. А загадывать не надо – всё равно ведь никогда не отдаёте». И вдруг мне передают, что дама эта на всех перекрёстках возмущается. «Раз он святой, то какого рожна мелочится? Отдаю я или не отдаю... Да он в десять раз поприжимистей нас, грешных!» Будто бы это я сам себя святым назначил... А болтают... Да мало ли что болтают! Языки без костей. А деньги она, конечно, не вернула. И через месяц пришла снова...

Рассказчик. Среди эмигрантов первой волны он считался праведником. Красивый, щедрый, неухоженный, он часто приходил на помощь и вовсе не знакомым. Казалось, он возлюбил всё человечество и готов одаривать добротой всех поровну, не обделяя никого. И поэтому друзья за глаза называли его эту любовь «тёпленькой» – накала, дескать, на многих хватать не может. И стало быть, любовь ли это?

Фондаминский. Нужно ли настораживаться, если долго-терпение и ровная любовь воспринимаются как должное? Или смертным важнее порывы? Это эффектнее и понятнее. И тем же ответить проще. Неужели им невдомёк, что нынешние всплески обкрадывают будущее? Забирают из него энергию. И ещё не произошедшее уже обречено...

Рассказчик. Первый раз передо мной был человек, который для себя ничего не хотел. Это один его знакомый сказал. Из такого теста святые делаются. Это уже другая... Человечнейший человек. А это автор «Лолиты». *(Пауза)* Приторно, приторно, приторно... С детства не терплю сладкого.

Фондаминский. Да, я люблю людей. Точнее, хочу любить... И совершенно не важно, что они думают обо мне. Видит Бог, я заслужил право на безразличие. Мне не интересны мнения. Мне важна моя любовь. Пусть она будет безответной. Она сильнее ответа.

Свет гаснет. По стенам сцены и зала проносятся отрывочные кадры кинохроники концлагеря времён Второй мировой войны.

Действие второе

На сцене – круглый стол. Он накрыт скатертью, но не сервирован. По разные стороны стола – Раскольникова и Фондаминский.

Раскольникова. А почему ты настоял назвать дочь моим именем?

Фондаминский. Муза? Хочу, чтобы потом и она стала чьей-то музой.

Раскольникова. Как любишь ты сладко говорить! Это у тебя с молодых лет ещё вкус к красноречию?

Фондаминский. Не будем о молодых годах.

Раскольникова. Ну как же?.. Влез на палубу крейсера и давай агитировать по полной программе. Власть – Советам! Земля – крестьянам!.. И так далее. Просто Лассаль – и всё тут.

Фондаминский (с усмешкой). Помню, в меня один идиот за это пытался даже бомбу метнуть. Но она в руках у него рванула... А ты жестокая.

Раскольников. Не жесточе других.

Фондаминский. Мы говорим о тебе.

Раскольников (раздражённо). Говорим, говорим, говорим...

Фондаминский. Весь мир на разговорах только и держится.

Раскольников. Странное суждение.

Фондаминский. А мир вообще устроен странно, не так ли? Сначала один революционный ублюдок лишь случайно не поставил меня к стенке. Потом, уже в Ницце, он с чьей-то случайной помощью вывалился из окна верхнего этажа лечебницы для душевнобольных. А теперь я по случаю сплю с его безутешной вдовушкой. Прямо-таки как в футболе: если не забиваешь ты – забивают тебе. Или я спортивные эти штуки-дрыки за уши для пущего форсу притягиваю?

Раскольников. Тебе не идёт жаргон.

Фондаминский. Зачем ты тогда ко мне пришла? Завершить дело покойного мужа? Хотя тогда у него была совсем другая жена...

Раскольников. Я пришла к тебе за помощью.

Фондаминский. А ты догадываешься, каково помогать женщине, в чьей крови бродит семя твоего без пяти минут убийцы?

Раскольников. Нужно любить всех...

Фондаминский (нервно). И это говорят мне?

Раскольников. Не кипятись...

Фондаминский (перебивая). И даже нашу с тобой дочурку записали ребёнком этого оборотня...

Раскольников (перебивая). Ты прекрасно знаешь, что светит еврейским детям нынче.

Фондаминский. Театр абсурда...

Раскольников. Абсурд не в этом. Абсурд в том, что папаша бросает горячо любимую дочурку на произвол судьбы и неизвестно для чего несётся сломя голову в этот жуткий Париж, где исчезает без следа...

Фондаминский. Там мой дом.

Раскольников. А я думала, что твой дом – в России... Хотя ты ведь в России прожил всего-то в общей сложности два де-

сятка лет с хвостиком. Это если и младенчество, и детство считать... А в Париже тридцать лет, поди... Лучшие годы.

Фондаминский. Экономисты, вижу, бывшими не бывают. Подсчёты, подсчёты, подсчёты... Плехановка из тебя, прости за выражение, так и прёт. Ты ведь там с мужем познакомилась?

Раскольникова. А интересно, будь жива твоя жена, мы бы встретились?

Фондаминский. Если это произошло при твоём живом муже, то почему бы и нет? Конечно, у нас такая разница в возрасте... Но ведь у вас с ним та же история.

Раскольникова. Мой муж всегда был психически неуравновешенным человеком. И когда мы только познакомились, слушали по вечерам Шопена... И позже – в полпредствах. А в самое последнее время он стал попросту душевнобольным.

Фондаминский. Ты имешь в виду его громкое послание Сталину?

Раскольникова. Это как раз поступок весьма здравый.

Фондаминский. А мы все здоровы? Делаем вид только...

Раскольникова. Глядя на тебя, я тоже начинаю так думать.

Луч прожектора выхватывает из темноты Рассказчика.

Рассказчик. Среди бытовых диалогов нет-нет да проскакивали пейзажные зарисовки. Их было немного. Но в память они врезались... Вот пасмурное парижское утро, пустынная набережная Сены, грязные тротуары. Ветер гонит вдоль лавок пыль и брошенные газеты. Человек в плаще с поднятым воротником, засунув руки в карманы, идёт небыстро, но легко. Вокруг ни души. Это ежеутренний поход Фондаминского в Национальную библиотеку. Не столь давно к нему на квартиру нагрянул взвод немцев во главе с просвещённым офицером, которому во время подомового обхода приглянулись книги в гостиной. И все их вывезли. И Фондаминский стал завсегдатаем библиотеки. Работал там. «Ведь и правда – зачем одному человеку столько книг?»

Или футбольный матч рабочего клуба со сборной германского гарнизона. Беготня на публику, деланные падения, театральные апелляции к судье. Фальшивый азарт, рукопожатия после подножек, беззастенчивая игра в поддавки. И напряжённое безмолвие трибун.

Или просто описание неба. Ночью – беззвёздного. Днём – серого. В тучах и чёрных птицах. Простирающегося за горизонт. И убеждающего, что ничего иного над нами больше нет.

Прожектор гаснет.

Фондаминский. Мне необходимо ехать.

Раскольников. Зачем?

Фондаминский. Если человек не понимает, разве ему объяснишь?

Раскольников. Если человек предпочитает своё понимание вещей благополучию близких, то на понимание этих самых близких ему рассчитывать нечего.

Фондаминский. У меня есть обязательства.

Раскольников. Перед кем?

Фондаминский. Перед теми, кто там. Перед братьями.

Раскольников. Тебе важнее они? Это в тебе с эсеровских времён, что, зуб мудрости сидит? Неважно – подпольщики ли, члены ложи какой или ещё кто. Не участвовать в организации ты не в силах. Жизнь смысл теряет.

Фондаминский. У меня перед ними обязательства. И не только перед ними...

Раскольников. Обязательства у тебя только перед собой... А перед нами у тебя обязательств нет?

Фондаминский. Всё, что смог, я сделал. Ты же знаешь... Есть такой анекдот с бородой. Однажды казнили оптимиста, пессимиста и зануду. Оптимиста первым подвели к гильотине и спросили его последнее желание. Он ответил: «Жизнь была так

прекрасна и интересна! Положите меня, пожалуйста, лицом вверх. Мне будет очень интересно смотреть на падающий нож». Положили его лицом вверх, дёрнули рычаг, а нож заскрипел и остановился над самой шеей. По обычаю его помиловали. Спросили пессимиста о последнем желании. Он сказал: «Жизнь была так гадка! А тут ещё этот нож... И жадная до кровавых зрелищ толпа... Завяжите мне глаза и заткните уши ватой». Его желание выполнили, дёрнули рычаг, но нож снова заскрипел и остановился над самой шеей. Он тоже был помилован, согласно обычаю. Зануду спрашивают: «Твое последнее желание?» – «Последнее желание, последнее желание... Лучше бы гильотину починили...» Как ты думаешь, кто из нас зануда?...

Раскольников. И на этом всё у нас окончено?

Фондаминский. Нет, конечно.

Раскольников. И как ты это себе представляешь?

Фондаминский. Я вернусь, привезу огромную корзину самых лучших конфет, и всё будет хорошо...

Раскольников (пербивая). Откуда такая уверенность?.. Любитель конфет у нас – ты. И не надо навязывать свою любовь другим. А все твои начинания, хоть и были милы, но кончались смешно. Вспомни, что далеко ходить, сообщество бедных поэтов «Круг». Твоя придумка. Эти убогие молодые люди дружно продавали только что изданную книжечку кого-то из «сообщников», чтобы на вырученные гроши издать книжку другого... И так по кругу. Пока все они не станут богаты и знамениты... И что? Ты помнишь, как зовут хоть одного из них?..

Фондаминский. А тебя я отправлю куда-нибудь в надёжное место. Там до тебя никто не доберётся.

Раскольников (иронически). Например, в Страсбург. Или прямо в Берлин.

Фондаминский. Не говори глупостей.

Раскольников. Глупость – это то, что ты порываешься сочинять.

Фондаминский. Это называется по-другому.

Раскольников. Нет, по-другому это не называется. Именно глупости и губят всё на свете...

Фондаминский. Разве я похож на губителя?

Раскольников. А на губителя никто не похож. Все сплошь спасители. Прямо дрожь берёт...

Фондаминский. Дрожать не нужно. Ни в коем случае не нужно дрожать. Я тебя прошу.

Свет гаснет. По стенам сцены и зала проносятся отрывочные кадры кинохроники концлагеря времён Второй мировой войны.

Действие третье

В углу затемнённой сцены – Илья Фондаминский в мешковатом костюме и мятом плаще. Луч прожектора выхватывает его из темноты.

Фондаминский. Знаешь, работать в Национальной библиотеке намного удобнее, чем дома. Ничто не отвлекает. Наоборот, при виде сосредоточенных лиц соседей, горящихся над страницами, поневоле мобилизуешься. Нужно соответствовать общему пафосу книголюбцев. И выбор изданий несравнимо шире. Правда, пока их отыщешь, закажешь... Пока их найдут, доставят и выдадут... Время уходит. Зато есть возможность обдумать разные вещи. Нет худа без добра. Так что я благодарен обстоятельствам. Дома я никогда бы не написал того, что оформилось здесь. Вряд ли это будет когда-то опубликовано. Но есть надежда, что сохранится. Ведь зачем-то я каждый день просыпаюсь и прихожу сюда. Сажусь за стол, включаю настольную лампу и пишу. Значит, Богу угодно, чтобы было именно так.

В другом углу затемнённой сцены – Раскольникова. Луч прожектора выхватывает её из темноты.

Раскольникова. Я теперь живу в Монтее. Здесь пансион. Леса, старый заброшенный дом, тишина. Моё окно выходит на большую лужайку с липами, кипарисами и вековым дубом. За лужайкой – луг, а за ним – ручей. А за ручьём – холм, золотой от созревшей ржи. В пейзаже есть что-то из моего детства... В первый же день меня зачем-то понесло в лес. Я шла, не замечая ни дорожек, ни тропинок. Яростно продиралась сквозь густой неуступчивый подлесок, ломала кусты, обдирала колени. Ветки возмущённо хлестали меня по щекам, репейник цеплялся за волосы, колючки рвали чулки. Но я шла вперёд... Пока не упала. И долго-долго лежала, глядя в прежнее неизменное небо. И поняла, что вытерплю и выдержу... Правда, потом я с ужасом увидела, что руки и ноги густо изодраны в кровь, а платье стало лохмотьями. Как было возвращаться в таком виде? Как объяснить, что со мной приключилось? Слава Богу, мне хватило осторожности пробраться обратно никем не замеченной и мышкой прошмыгнуть в свою комнату...

У нас ходит много разговоров об арестах в Париже. Так ли это? Будь, пожалуйста, осторожен. И при первой возможности уезжай.

Фондаминский. Не поверишь, но многие прежние знакомые, завидя меня издали, переходят на другую сторону. Неужели тучи сгущаются? Я никого не осуждаю. Но мне это неприятно. Впрочем, не все... Не столь давно виделся с Тэффи. Горько жаловался на неприкаянность. Говорил, что стал старым. Недавно вот был очередной юбилей... Не ожидал от себя. Хорошо, что она ответила анекдотом и хоть как-то выправила ситуацию. Директор небольшой французской фирмы обращается к сотрудникам:

– Скоро юбилей нашей фирмы. Его нужно отметить так, чтобы о нём говорил весь Париж, но в то же время израсхо-

довать минимум средств. И, само собой, юбилей должен всем вам доставить большую радость... Есть ли какие-нибудь идеи?

– Есть! – доносится голос из толпы. – Вам, мсье, нужно прыгнуть с Эйфелевой башни. Об этом будет знать весь Париж, стоять это будет недорого. Ну а что касается радости сотрудников...

Так стыдно за то, что я нёс, что, ей-богу, готов спрыгнуть с Эйфелевой башни...

Раскольников. Здесь я и дочка в безопасности. Иногда сюда на выдавшем виды автомобиле приезжает местный пастор. Он немолод, шустр и говорлив. Привозит кое-какие продукты, вечерами развлекает историями из своей жизни, играет с Музочкой. Когда он остаётся на ночь, в гостиной собираются все постояльцы. Это сродни маленьким праздникам.

А так здесь немного скучно, но спокойно. Вокруг три фермы. Утром крестьяне пьют кофе с хлебом и топлёным салом. Потом занимаются скотиной. А вечерами хлещут сидр и сухое красное. И так каждый день. Кажется, я начинаю ощущать прелесть в этом строгом однообразии.

Луч прожектора выхватывает из темноты Рассказчика.

Рассказчик. Странно, что письма были не вложены в тетрадь, а записаны на её страницах. Вперемешку с отвлечёнными рассуждениями и зарисовками. Отправлял ли он письма? Получал ли? Или сам сочинял ответные послания себе? Ведь почтовое сообщение с Парижем было парализовано. Может быть, это стало его утешением?

Прожектор гаснет.

Раскольников. Я встаю в шесть утра, грею молоко и беру Музочку к себе в постель. Она с удовольствием сосёт его и засыпает. А я думаю о том, что в Париже молока уже не до-

стать. И тоже закрываю глаза... Проснувшись, мы собираемся на прогулку, примериваемся к погоде, хорошенько одеваемся. Я качу коляску по лесной дороге далеко-далеко. Кругом ни души. Но страха совсем нет. Тишина, лиственный великолепие, покой. Воистину «есть покой и воля», и ничего иного для меня в этот час не существует. О, если б он растянулся на годы!

Мы возвращаемся только к обеду. Точнее, немного опаздываем. Но нас ждут. Потому что любят и заботятся. А что ещё нам нужно?

Фондаминский. К счастью, на противоположную сторону улицы устремляются от меня не все поголовно. Есть ещё неосмотрительные безумцы. Они не то что не сторонятся – сами так и норовят будто бы случайно столкнуться лбами. Больше того – сулят помочь выехать из Парижа. Куда угодно. Хоть в Новый Свет. Американская виза, дескать, уже ждёт в Марселе...

Но почему мне непременно должно бежать? А как же многие другие, что не могут этого сделать? Мне надобно идти навстречу. Как Спаситель. Лишь так и можно что-то ещё спасти...

Раскольникова. Над входом в наш дом – раковина святого Якова. Это память о том, что через Монтей в средние века пролегала дорога пилигримов к этой святыне. А куда лежит наш путь? И что для нас свято?.. Вечерами мы слушаем передачи «Свободной Франции» из Лондона. Новости с фронтов, речи де Голля, выступления Черчилля. И всё вроде бы становится на свои места. Или это лишь тепло от камина?

Вчера хозяйка шепнула мне, что в округе немцы, и мне лучше немедленно скрыться. Я взяла коляску и заспешила в лес. Мы дошли до самого ручья. И просидели там до вечера. Потом двинулись обратно. Куда же ещё идти? Уже смеркалось. И шли мы словно по другой дороге. Подлесок глухо роптал. Чёрные кроны на сизом небе гляделись сказочно. Летучие мыши то и дело мелькали в прогалах... Было уже совсем темно, когда из-за поворота как из-под земли вдруг возникла хозяйка. И торжественно сообщила, что угроза миновала. Немцы иска-

ли помещение для штаба какого-то своего подразделения, и пансионный разрушающийся дом их не устроил. Слишком уж скромным показался им здешний комфорт. Как здорово, что все мы ищем разные вещи!

Фондаминский. В Париже начались аресты братьев. Понятно, почему страшатся именно их. Братство – это всегда опасность. Несколько лет назад я добровольно радиировался – вышел из организации. Каждый призван пройти свой путь. Но и с теми, с кем якобы давно расстались, мы не расстаёмся никогда. Даже при огромном желании. Воздушные нити не рвутся.

Думаю ли я в этой связи о себе? Всякий человек думает о себе. Иное дело – как... Не хочу ни на кого кивать, но уверен, что о моём прежнем страстном участии в этом деле, конечно, уже известно интересующимся. Но я не боюсь. Если бы я боялся, я был бы уже далеко отсюда. А я здесь. Со всеми.

Свет гаснет. По стенам сцены и зала проносятся отрывочные кадры кинохроники Парижа той поры.

Действие четвёртое

Стол, накрытый на двоих. Чайный сервиз. Пирожные. За столом Раскольников и Рассказчик.

Рассказчик. Вы пускаете в дом некрещёного еврея?

Раскольникова. Откуда вы знаете эту фразу?

Рассказчик. Читал.

Раскольникова. А я помню. Он спрашивал об этом Марию Александровну Струве, в то время совсем ребёнка.

Рассказчик. Странная манера общения с детьми...

Раскольникова. А странность и добродетель – всегда рядом.

Рассказчик. Отчего же так?

Раскольникова. Наверное, добродетель себя стесняется. И желает заслониться чем Бог пошлёт.

Расказчик. А кем он канонизирован?

Раскольникова. Константинопольским патриархатом. А разве это так важно?

Расказчик. Странно.

Раскольникова. Странно, что я дожила до этого. Ведь это произошло через шестьдесят два года после его смерти.

Расказчик. Но почему всё-таки Константинополь?

Раскольникова. Я жила очень долго – и в России, и в Париже, и в Страсбурге... Но есть вопросы, где опыт не в помощь. А к церквям я не ревную.

Расказчик. Отчего же он не сбежал из лагеря? Ведь возможность была реальной?

Раскольникова. Он писал мне оттуда, что едва ли отыщется заключённый радостней него... Он там и крестился.

Расказчик. Там крестили?

Раскольникова. Тайно, конечно. Но в точности по православному обряду. Рассказывали, что прямо в бараке. А что до побега – он не раз говорил, что хотел бы умереть крещёным, но с евреями.

Расказчик. А что он был за человек?

Раскольникова. Сладкоежка...

Расказчик. А что вы думаете о святости?

Раскольникова. Думаю, что это всё-таки не ткань жизни, а сумма, итог, финальная черта. А так в человеке обязательно есть всё...

Луч прожектора выхватывает из темноты Фондаминского в арестантской робе.

Фондаминский. Думаю, я не достоин крещения. Но времени уже нет. Хотя имеет ли время какое-то значение? И что это такое вообще? Вопрос в другом. Можно ли без крещения все-

рьёз идти по пути Христа? И я не могу ответить на него положительно. А потому иной возможности не вижу.

Прожектор гаснет.

Рассказчик. Как же вы оказались в Страсбурге?

Раскольникова. Ирония судьбы. Или, точнее, судьба иронии: мы когда-то в порядке бреда говорили об этом городе... И, конечно, важным было общение с одной четой эльзасцев, беженцев из Страсбурга, просто-напросто спасших меня с дочерью в моих последующих злоключениях. Они много рассказывали о своей родине. И это отложилось. Да и подруга из пансиона, где я жила во время войны, позвала поехать с ней туда...

Рассказчик. А что ваша дочь?

Раскольникова. Дочь как дочь. Начинала учиться в здешнем университете. Потом в Париж переехала. Она историк. Только истории у неё другие. Из Древней Греции и Древнего Рима. Хотя она и Советским Союзом косвенно занималась. Как же без этого? Но что теперь говорить? Её больше нет...

Рассказчик. Извините... В своих воспоминаниях вы...

Раскольникова (перебивает). Книга эта большей частью совсем о другой жизни... И адресована другим людям.

Рассказчик. А Вы так благополучно и прожили до конца войны в Монтее?

Раскольникова. Нет, меня арестовывали. За мной специально жандармов присылали... Но выпустили. Может быть, из-за ребёнка... И я вернулась в пансион.

Рассказчик. А что вам чаще всего вспоминается?

Раскольникова. Вопрос на засыпку. Может быть, время учёбы в Плехановке, молодые общаговские компании, радость от того, что всё идёт здорово и правильно... Получается, что главное было где-то там. Хотя так сразу и не скажешь. Столько всего в жизни намешано...

Рассказчик. Не скромничайте. Какие уж тут общаговские компании?.. Вечеринки в грузинском представительстве, ухаживания комсомольско-дипломатических мальчиков, путешествия с делегацией французских коммунистов по Кавказу... Вы приглядывали себе мужа на высшем уровне. И приглядели. Ваш избранник был в то время, если я не ошибаюсь, начальником Главискусства?

Раскольников. Вы желаете уязвить меня? Напрасно. Знакомства с иностранцами, романтические поездки, молодое кахетинское... В девятнадцать лет это естественно. А с начальником Главискусства я очень любила слушать Шопена. Кстати, я и живу на улице Шопена. Вы не обратили внимание на адрес?.. Нынче я уже смотрю на свою жизнь почти со стороны... И вот как скажу. Да, было. И я об этом ничуть не жалею. Но вспоминается другое. Вы ведь об этом спрашивали?

Рассказчик. А начальник и сам не чурался изящной словесности?

Раскольников. Да, осталось много рукописей. После реабилитации я сдала их в архив Союза писателей. Но судьба их неизвестна. Хорошо, что хоть опись у меня осталась...

Рассказчик (недоумённо). Как это?..

Раскольников. Человек, которому я сдавала все папки, вскоре умер. А другие ничего точно не знают...

Рассказчик. А у вас никогда потом не возникало мысли вернуться на родину?

Раскольников. Знаете, жизнь на родине строилась, как в истории про театр, который не выполняет финансовый план. Тогда дирекция дала объявление о концерте из пяти номеров. И посетители, недовольные последним номером, вправе были потребовать вернуть деньги, отданные за билет. Конечно, толпа собралась изрядная. Любят ведь в России халяву. А тут только слово молви – и опять при деньгах будешь. Но вдруг после четвёртого номера ведущий объявляет: «А теперь оркестр ОГПУ исполнит «Интернационал»!..» Я уже давно отвыкла от таких представлений.

Рассказчик. Увы, с театрами и правда дело швах.... Когда судья спрашивает подсудимого: «Признаёте ли вы, что пытались в пьяном виде пройти в театр?», тот отвечает: «Признаю. В трезвом виде мне бы это и в голову не пришло». Актуальная побаска...

Раскольникова. Возможно. После войны я в России бывала редко. Первый раз – уже в шестидесятых. Гостила у подруги. Она была замужем за Шепиловым. Может быть, помните такого? Его Хрущёв изобличил как поддерживавшего антипартийную группу. «...и примкнувший к ним Шепилов», – дружно негодовали тогда главные советские газеты. А до этого он был министром иностранных дел. И моя подружка порой шикавала в Париже на посольских хлебах. Если б знала – обязательно составила ей компанию. Расквиталась бы с судьбой за все её нескончаемые убийственные выкрутасы...

Рассказчик. У вас двойная фамилия. Вы потом вышли замуж? А кто это – Канивез?

Раскольникова. Я должна была устроить свою жизнь. Вы меня понимаете. Не хочу долго говорить о моём втором муже – и по профессии, и по жизни он был философ и многое осознал... Всё, что хотела, я уже сказала.

Рассказчик. А почему вы не отказываетесь ото всей этой истории?

Раскольникова. Видите ли, наступает возраст, когда скрывать что-либо по меньшей мере бессмысленно. Тем более когда все действующие лица давным-давно развоплощены. А вам было бы забавно, чтобы я доказывала обратное?

Рассказчик. Ни в коей мере... Ходили слухи, что Фондаминский всё же бежал и добрался до Советского Союза. И даже по радио его слышали... Он говорил о любви, о сплочении, о Родине...

Раскольникова. Он и в самом деле любил говорить о любви... И о прочих вещах тоже. А что до радиослушателей – всё это было бы смешно... Где они? Покажите мне их... Но мы, однако, засиделись. У меня режим. Как-никак десятый десяток идёт. Так что прошу пощады. *(Свет гаснет.)*

Луч прожектора выхватывает из темноты Рассказчика.

Рассказчик. Я сладко шатался в сумерках вокруг знаменитого Страсбургского собора, глазел на его скульптуры и витражи, прохаживался по каменным мостам с башнями. (По стенам сцены и зала проносятся отрывочные кадры с видами Страсбурга.) В реке брезжили первые звёзды – то ли красные, то ли жёлтые, то ли пятиконечные, то ли шестиконечные... А потом вспыхивали гроздья декоративных фонарей, и звёзды теряли и свои очертания, и цвета. Становилось празднично, радостно, легко...

Пауза. Звучит французский шансон.

Я ворвался к редактору с горящими глазами и победной улыбкой. «Фондаминский... Раскольникова... Это будет бомба!»; «Старые и ржавые бомбы норовят взорваться в руках», – загадочно парировал он. «Поясните, пожалуйста». – «Я говорю о том, что когда натыкаешься на взрывное устройство времён Второй мировой – надо вызывать сапёров». – «А-а-а...» – с пониманием протянул я и вышел из кабинета... Но до конца я понял его только спустя несколько лет, когда вокруг многое изменилось и оформилось окончательно.

Интервью это кануло в бездонном редакционном портфеле. Двумя годами позже она умерла. А в Страсбурге я больше не бывал никогда. Хотя теперь он нравится мне куда больше Парижа... Странные отсветы. Поздняя свобода. Бесчисленные соборные изваяния... Жаль только, что они стремительно растворяются в бесцеремонной темноте. Но я не верю, что это навсегда. У меня нет оснований верить.

*Свет гаснет.
Занавес.*

Поручение

Сага о бессоннице

Какой-то призрак неизменный
Везде преследует меня.

Константин Фофанов

Ночь похожа на реку. Она увлекает своим течением, затягивает в себя, поглощает заживо... И ты соскальзываешь в тёмные глубины, забываешь берега, облака, кроны... Дальние стебли света всё реже и реже трассируют русло уходящей реальности. А потом исчезают и они... И будто всё начинаешь заново. С чистого чёрного листа.

Я не верил в привидения, потому как ни разу в жизни их не видел и вообще не был склонен к потустороннему. Жизнь приучила смотреть на вещи утилитарно – в противном случае вылетаешь в трубу и поминай как звали...

Ночью я проснулся. Бабушка стояла среди комнаты. Она была в белой ночной рубашке. Голые ступни тускло светились на тёмном полу. Узловатые кисти безжизненно свисали вдоль туловища.

Она смотрела на меня в упор, но выглядела при этом смущённо и нерешительно. Несколько раз она пыталась что-то сказать, но только сглатывала горловой ком...

Я ничуть не удивился её приходу – будто бы ждал. Хотя в последнее время за плотной служебной текучкой было не до того... Наверное, когда эта самая текучка бесконечна, невольно переходишь в автопилотный режим и профилактически от-

ключаешь голову. И тогда в автономно существующей голове возникают удивительные тени, совершенно не подотчётные её обладателю. И верно, бабушка была одной из них...

Я разглядывал её лицо, и мне казалось, что она помолодела. Глаза были ясны и пытливы, морщины едва угадывались, пепельные волосы струились по скулам. Странно, что я никогда не отмечал для себя, что она красива... Я хотел ей об этом сообщить, но подумал, что диалог следует начинать не мне. Первое слово – негаданной гостье... Наверное, бабушка меня поняла...

– Я к тебе по делу, – заявила она. Голос её был незнакомым, полновзвучным, молодым. – Но об этом не сейчас. У меня слишком мало времени. Как ты живёшь?

– Хорошо, – сдавленно пробормотал я.

– Я рада. Я приду ещё.

И она растворилась в темноте комнаты... Я даже головой потряс. Было ли это?

...Всю последующую неделю я прожил как будто под гипнозом. С кем-то о чём-то договаривался, что-то подсчитывал, куда-то ездил... Но вся эта рабочая рутина не заслоняла бабушкиного лица... Хотя, конечно же, это был всего лишь глюк. Других вариантов не вырисовывалось... Спал я в эти дни плохо – ворочался, вставал, включал компьютер, снова ложился... Но мне не мерещилось ничего.

Через неделю я более-менее оклемался. С удовольствием вспоминал о всяческих соблазнительных вещах... А ещё через неделю прежнее наваждение стало понемногу забываться. И я уже не воспринимал это воспоминание всерьёз...

Я вспоминал другое... Мой дед был человеком обстоятельным и законопослушным. С четырнадцати лет он работал в железнодорожных мастерских на станции Грязи. Подносил инструмент, убирал металлическую стружку, разгружал болванки... Он так и пошёл потом по путевой линии. Трудился в

ремонтных бригадах, заочно закончил транспортный институт, стал главным инженером паровозоремонтного... Из Грязи да в князи, говаривал он в застольях. Это наше, наверное, фамильное – если попал в борозду, будь любезен, просурупь её до конца... И никаких иных мыслей! Если привидений не бывает – значит, не бывает...

Однако не все мои родственники были на одно лицо... У деда моего имелся брат. Совершенно иных качеств товарищ. Весельчак, гуляка, авантюрист. И кутить любил, и деньги делать умел... Он всегда строил невероятные планы, проворачивал умопомрачительные комбинации, выходил сухим из воды... Красавчик, смельчак, охальник. Братское единство противоположностей...

Корова категорически не желала уходить со двора – яро упиралась и угрожающе мычала... Члены комиссии матерились и дружно тянули её к воротам. Хозяйка нараспев кляла непрошенных гостей и кидалась царапать их напряжённые физиономии, хозяин молчал и мрачно взирал на разор. В стороне веско курил уполномоченный из района. В происходящее он не вмешивался...

Судачили, что заявили соседи. Шутка ли – четыре поросёнка, пару дюжин гусей, полсотни кур... Понятное дело, заявители не рассчитывали на кулацкую живность, но зато рядом не будет этого бельма на глазу... Пусть похозяйствуют где-нибудь на Северах – флаг в руки...

Вообще прадед с соседями ладил – подкармливал, одежкой помогал – те голодранцами голимыми были. И соседи к нему – с почтением. Но плебейское почтение – штука хорошо известная...

Раскулаченных из этого района определяли под конвой в архангельские края, и бабушкино семейство проследовало товарняком именно туда. По прибытии родственников разлучили, и больше они никогда не встречались. Говорили, что прадеда видели в начале сороковых на Кольском полуострове...

Всего этого бабушка мне не рассказывала. Только в полубреду в больнице...

Что-то царапнуло по борту. Потом ещё и ещё...

Рулевой прижух и выругался. Повисла тишина... Но молодцеватый военный улыбнулся как ни в чём не бывало и скомандовал: «Полный вперёд!» Португепя его грозно скрипела, пряжка победоносно сверкала, гимнастёрка наполнилась ветром...

Бабушка круглыми глазами смотрела на деда, на его брата, на свежие пулевые отверстия... Разве это можно было себе представить?.. Бестия! Оторва!.. Как он это всё устроил? Как узнал, в каком я лагере? Где бланки документов раздобыл? Форму? Катер откуда?..

Палата была четырёхместной, но она оказалась там в одиночестве. Редкий для областной больницы случай... Поэтому я мог расположиться на соседней койке. В окно глядели заснеженные фонари, и ночная комната наполнялась бледным дневным светом.

...Она долго была без сознания. Дыхание становилось прерывистым, хриплым... А потом и прекратилось вовсе. Я спешно перенёс её на пол и принялся что есть силы толчками давить на грудь... Это длилось целую вечность... Но, к моему изумлению, время вернулось в свои права – бабушка открыла глаза и заговорила...

Бравый офицер коротко козырнул и протянул документ. Дежурный принял его с интересом изучать...

– Рядовой, повеселее! – скомандовал прибывший. – У меня мало времени. Доложи начальству. Срочно.

– Есть! – недовольно буркнул дежурный.

Начальник явился мгновенно. Это был испуганный упитанный человек с бегающими глазками. В руках он держал бумагу, переданную дежурным.

– Мне приказано срочно сопроводить заключённую в исправительно-трудовой лагерь, указанный в документе, – заявил визитёр. – На сборы даю вам тридцать минут.

– А чем это вызвано? – робко осведомился начальник.

– Я приказов не обсуждаю, – отрезал офицер, давая понять, что тема исчерпана.

– Да-да, конечно...

– Действуйте.

Начальник оказался расторопным. Через двадцать минут заключённая была доставлена на вахту с вещами.

– Где расписаться? – сухо поинтересовался офицер. – Благодарю за оперативность. Доложу командованию о вашей исполнительности.

Начальник воодушевлённо подтянулся и с признательностью приложил руку к козырьку. Заключённая и офицер прошли по сходне, мотор затарахтел, катерок отчалил...

На третьем курсе мединститута после бурной ночи я с ватагой таких же разгильдяев понуро влачился за преподавателем по этим же палатам и на занятиях после обходов со значением нёс несусветную чушь. При этом я вполне отчётливо видел себя в худом больном на койке у окна и прекрасно понимал, что рано или поздно видения наши обретают плоть и кровь... На другой стороне жизни – точно за колючей проволокой – тоже светило солнце. И в его лучах предстояло выкупаться по-любому... Но прежде всего думалось о головокружительных красотках, о невысказанных выходках, о бездонных даях и всякой другой тому подобной чепухе... Я себя постоянно и тщетно одёргивал... И только теперь стало бесповоротно понятно, что это – самое главное.

...В следующий раз бабушка явилась мне через несколько месяцев. Она была улыбчива и разговорчива.

– Там прямо к воде подступали тёмные сплошные леса, и казалось, что крайние деревья стояли по колено в воде. Ветви вверху сплетались, и единая гигантская крона нависала над нескончаемыми стволами. Вода была непроглядной, небо – свинцовым... Просто страшная сказка какая-то... Для меня всё было в диковинку. Я ведь ничего этого не видела – ни по пути в лагерь, ни тем более по прибытии на место...

Ох, и брат был у твоего деда! Это что-то с чем-то... Озорной, заводной, безбашенный. И что редко – фартовый... Я-то сначала и не поняла, что это за всплески прямо у борта... Под пулями в полный рост стоял и шутил!.. Обалдеть...

– А что с ним потом было?

– Он лишь однажды возник на горизонте... Уже после войны. А потом – с концами. Говорили, какое-то подпольное ателье в Воронеже организовал и совсем не бедствовал... Мне почему-то кажется, что жил он долго-долго... С его-то неутомимостью вполне мог и где-нибудь на Западе оказаться... У деда с ним связи не было. Да и я ничего специально не узнавала... Трудно сказать – почему. Всё течёт, всё меняется... И, может быть, я боялась лишний раз убедиться в этом?..

О чём ещё думал студент третьего курса? О тех, кто стремится жить и по мере возможности противостоять переходу в иную ипостась... И о тех, кто сопровождает их в этом безнадежном противостоянии. Или лечит как умеет, или, наоборот, приближает переход... И это вовсе не означает, что первые – добрые, а вторые – злые. Так уж сложилось в каждом конкретном случае... Хотя, конечно, финальная расстановка обстоятельств – всего лишь расшифровка детских смутных начал... Но жизнь и сопровождение чужой жизни – это совсем разные участи. И не факт, что первая слаще...

– Так вот. О деле, – кинула вместо приветствия бабушка при очередном визите. Будто мы долго болтали перед этим бог весть о чём...

А между тем я не видел её много дней, и я уже начал было думать, что бабушка не вернётся никогда.

– Дело в том, что я оставила в совершенно непотребном месте то, чего оставлять нельзя. И никакие обстоятельства оправданием тому быть не могут... Речь о моём нательном кресте. Конечно, кресты нещадно отбирали, да ещё и были при этом... Я там на кухне работала – всё время на виду... Скрыть было невозможно... Но никогда себе этого не прощу... Ну да что теперь говорить... У меня к тебе настоятельная просьба. Нужно вызволить его оттуда. Понимаю, дело это хлопотное. Но мне поручить это больше некому...

– Как это – вызволить?..

– Очень просто – поехать и забрать.

– Ты считаешь, что это просто?..

– Я считаю, что тебе это нужно сделать.

– Но я же работаю...

– Придумаешь что-нибудь. Это дело куда важнее работы...

– Ты в этом уверена?

– На все сто...

– Как же я там отыщу этот крест?.. А может, его давно уже и нет вовсе?.. А если он даже и сохранился каким-то чудом – как я узнаю, что это именно он?..

– Узнаешь, – отрезала бабушка.

Девчонки в нашей группе были броскими, яркими, острыми на язык... Почти все – из районов окрестных областей. Потому ли, нет ли – но общались мы будто на танцах в сельском ДК...

– Не желаете ли нынче вечером пройтись?..

– Буду безумно счастлива...

– Какое шампанское предпочитаете?..

– «Вдова Клико». Впрочем, оно в последнее время испортилось...

– Совершенно с вами согласен. Империалисты всякий стыд потеряли... «Советское», безусловно, предпочтительнее...

– Главное, не чем угощают, а с каким чувством...

– В качестве чувств можете не сомневаться...

– А я и не склонна принимать какие-либо приглашения при наличии сомнений...

– И очень осмотрительно поступаете. Всецело поддерживаю...

– О, как важна трепетной девушке поддержка! За это многое можно отдать...

– С огромным удовольствием возьму. Если позволите, конечно...

– Это порой не вполне от меня и зависит... Мне ли Вам объяснить?

– Что вы, что вы... Никаких объяснений. Они совершенно убивают очарование...

– Его так легко убить?..

– Чем эфемерней материя, тем она драгоценней...

«...Территория относится к таёжной подзоне, поэтому вдоль берегов много густых лесов. Они состоят преимущественно из елей и сосен с примесью лиственниц, пихт, берёз и ольхи. Летом в лесу много черники, клюквы и другой ягоды. Также можно собирать самые разные грибы, в том числе белые. В лесу живут куропатки, перепела, тетерева, глухари, совы и другие птицы, а также многочисленные животные. В воде – заросли камыша, рогоза, тростника. В них обитают водоплавающие птицы – утки, журавли, кряквы, гагары, лебеди и другие. Там встречается более 200 растений, внесённых в региональные красные книги. Среди редких и исчезающих видов можно назвать пихту сибирскую, родиолу розовую и валериану блестящую. К охраняемым животным относятся белки-летяги, манулы и кабарги...

...Недостатком текущего расположения производительных сил в регионе является привязка к водным путям снабжения, которая была исторически обусловлена наличием больших запасов леса в прибрежных лесничествах и низкой стоимостью транспортировки сырья по воде... Создание сети перспективных

лесопильных предприятий осложнено отсутствием общей транспортной и энергетической инфраструктуры в этих районах...»

Ночью мы с подружкой вели беседы на необязательные темы. Она, откинув простыню, просила подтвердить её неотразимое очарование... А я щеголял окололитературной эрудицией...

– После того, как невеста придушила Николая Рубцова подушкой, хорошо его знавший Виктор Астафьев сокрушался, что «исчадью северных лесов» совсем не та нужна была женщина... Ему нужна была мамка... Только в этом и состояло возможное спасение.

– Я никогда и ни за что не буду мамкой, – делано надувалась подружка. – Я девочка. Мне самой нужен папик...

– Так ты бы и ему изменяла...

– Конечно. Глупо тратить молодость на верность...

Мы хохотали, и этот смех казался нам воздухом всего на свете...

Судёнышко шло до самого Архангельска, но моя остановка была значительно ближе. Пассажирский люд в массе своей был рабочим. Лишь одна группка туристов при бородах и гитарах выглядела наособицу. Тяжёлые крупные брызги порой долетали из-за борта и холодом прожигали щёки. По берегам проплывали высокие древесные ветви, сплетающиеся в одну бесконечную общую крону.

Я заранее выяснил, что на прежнем месте лагеря давно уже не существовало. Там устроили музей незаконных репрессий, а потому доступ туда был свободным. И трудность состояла лишь в транспортной доступности. Но разве это проблема?..

Как мне действовать по прибытии на место, было неясно. Понятно, что сообразно обстоятельствам. Но какими эти обстоятельства случатся – ведал один Бог. И надеяться приходилось только на Него...

И ещё: меня пугало то, что могу не распознать бабушкин крест. Она, понятное дело, помнила его отчётливо и потому была уверена, что спутать его с прочими я никак не могу. Но я-то хорошо знал, что крест другого человека явлен только ему. И близкие здесь не помощники...

Чёрные разлапистые деревья провожали меня настороженными взглядами, и я кожей чувствовал холодное воздушное электричество...

Музеем заведовал худой подержанный человек, похожий на бывшего ээка. Он посетовал, что посетители случаются на каждый день. А впрочем, ему до лампочки. Вход один чёрт бесплатный, и денежка ему капает в любом случае. А рассказывать он готов всегда – хоть среди ночи растолкай... Работу в посёлке не сыщешь, а потому пришлось податься в артисты разговорного жанра...

– Итак, что я могу сообщить по интересующему вас вопросу. В Российской империи к 1917 году большинство тюрем подчинялись Главному тюремному управлению Министерства юстиции. После Февральского переворота была объявлена широкая амнистия, и число заключённых к сентябрю 1917 года сократилось до 34 тысяч человек, тогда как ещё в 1916 году количество их составляло 142 тысячи. Новыми властями была создана новая структура – Главное управление местами заключения, которая после Октябрьского переворота была в свою очередь распущена. Вместо неё в апреле 1918 года учреждён Центральный карательный отдел. В июле 1918 года служащие сего отдела составили «Временную инструкцию Народного комиссариата юстиции» – о создании новой системы мест заключения. Она основывалась на двух принципах: самокупаемость – доходы от труда заключённых должны покрывать расходы правительства на содержание мест заключения – и полное перевоспитание заключённых.

Нужно сказать, что в Советской России до 1922 года существовало пять типов лагерей принудительных работ: лагерь особого назначения, концентрационные лагеря общего типа, производственные лагеря, лагеря для военнопленных, лагерь-распределители. Но с терминологией тогда обращались вольно. В документах НКВД термины «лагерь принудительных работ» и «концентрационный лагерь» использовали часто как синонимы. Встречается и название «концентрационные трудовые лагеря» – так что скорее всего разделение на типы было формальным. Кроме того, при необходимости – как при подавлении Тамбовского восстания – организовывались временные полевые лагеря...

Поначалу заключённых не рассматривали как дешёвую рабочую силу – в лучшем случае рассчитывали лишь на то, что их труд покроет затраты на содержание мест лишения свободы. Но потом ситуация изменилась... Слово сочетание «исправительно-трудовой лагерь» впервые прозвучало 27 июня 1929 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). 11 июля 1929 года постановлением Совета народных комиссаров СССР «Об использовании труда уголовно-заключённых» были созданы две параллельные структуры, ведающие местами лишения свободы. Первая управлялась в ОГПУ СССР, вторая – республиканскими НКВД. Основу первой составляли исправительно-трудовые лагеря для осуждённых к лишению свободы на срок свыше трёх лет, а вторая включала в себя места лишения свободы для лиц, осуждённых на срок до трёх лет, для содержания которых следовало было организовать сельскохозяйственные и промышленные колонии...

А 25 апреля 1930 года во исполнение постановления СНК СССР «Положение об исправительно-трудовых лагерях» от 7 апреля 1930 года приказом ОГПУ было организовано Управление лагерями ОГПУ – УЛАГ, которое в 1934 году было переименовано в Главное управление лагерей, трудовых поселений и мест заключения – ГУЛАГ... Ну вот мы и подошли к знакомой до боли аббревиатуре... Лагеря в те годы появлялись как

грибы после дождя... На месте, где мы с вами сейчас мирно беседуем, как раз и располагался один из исправительно-трудовых лагерей. Их и выше, и ниже по реке было много... Здесь содержались женщины. Лагерь был средних размеров, общего режима... Типовое такое учреждение этого рода. Заключённые занимались швейными работами. Производили форменную одежду для красноармейцев... Два барака ещё сохранились – доживают свой век. Никто ремонтировать их, конечно, не собирается. Есть нынче дела поважнее...

– Основная экспозиция развёрнута в помещении администрации лагеря. На этих стендах можно увидеть фотографии его рабочей зоны – производилась официальная съёмка. На лицах работниц – энтузиазм, между прочим... Скажете, постановка? Но разве так сыграешь?..

– Жить захочешь – и не так сыграешь...

– Среди заключённых соревнование организовывалось – два дня ударного труда за три дня срока шло...

– Царская, прямо-таки, щедрость...

– По крайней мере, это поманче денег было...

– А находились ли желающие как можно быстрее выпасть из этих трудовых гонок?

– Это вы о чём?

– Случались ли побеги?

– Нет, такого за всю историю лагеря не было ни разу...

– Ни разу?!

– Впрочем, был один случай... Вроде бы сбежала одна из поварих... Но это нигде документально не зафиксировано. Похоже на легенду...

– Всё тут похоже на легенду... Какие музеи не гандоби – а всё до конца не верится...

– Это почему же не верится? Вот здесь – личные вещи заключённых. Расчёска, заколка, нательный крестик... Кстати, якобы той самой улизнувшей кухарки. Ох, уж этот лагерный фольклор!..

– А откуда вы его знаете?

– А некоторые из отбывших срок так и осели потом в посёлке. Моя бабушка работала в хозчасти при зоне. Работу и тогда выбирать не приходилось... Так что я в детстве много чего наслушался.

– Выходит, это учреждение перешло вам по наследству?..

– По наследству перешло удовольствие существовать при нём...

– Не сгущайте краски.

– И не думаю. Это не самая печальная стезя...

– А в этой комнате всё, что можно показать? Не густо...

– Для объёмной экспозиции деньги нужны. А презренного металла в музее, как водится, в обрез... Крыша течёт, полы гниют, экспонаты плесневеют... Кое-какие из них – что под открытым небом – местные втихаря растащили... А нанять сторожа всё никак не сподобятся... Охранную сигнализацию – и ту поставить не на что... Да что музей?! Дорогу в посёлок до сих пор не проложили. Стыд и срам! У нас и поныне одна только связь со всем остальным миром – та же самая неизменная река...

Дым высоко поднимался над кронами. На костре стоял огромный котёл. Варевое волновалось, пузырилось, закипало... Бабушка сидела чуть поодаль и думала о том, чем будет кормить народ. Отсутствие необходимого – это личная проблема повара. Дерзай, придумывай, выкручивайся... Ведь ценится лишь вкус на выходе. Им одним, конечно, не насытишь. Но порадуешь. А радость сплошь и рядом нужнее сытости...

В центре посёлка располагался гостевой дом. Вросший в землю, почерневший, с плесенью по углам... Я был в нём единственным постояльцем, а потому свободно разгуливал по его скрипучему коридору и облупившейся кухне без риска вступить в какой-либо дежурный диалог. Меня радовала возмож-

ность спокойно всё обдумать. Хотя думать, по сути дела, было и не о чем... Всё сложилось само.

Окно поддалось легче, чем я предполагал. Стекло вывалилось из рамы и даже не разбилось. Я без лишнего шума забрался в тёмную комнату, вытащил фонарик и быстро отыскал нужный стенд. А уж тут стекло и вовсе никакой помехой на стало... Я деловито сунул крестик в карман и неспешно ретировался прежним путём. Кругом было тихо и черно. Ещё бы! Три часа ночи...

УК РФ – Ст. 158, ч. 2, п. «б» «Кража, совершенная с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище... Наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до четырёхсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового, либо лишением свободы на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового...»

Билет на катер я купил заранее. Я прекрасно понимал, что из этой дыры иначе как по реке не выбраться, и поджидать меня будут именно у речных касс. Но могли караулить и прямо на пристани... Нужно было глядеть в оба. Хотя и грела надежда, что грешить станут на местных...

Я долго смотрел на однообразные лесистые берега, и мне начинало казаться, что мы никуда не движемся – за бортом всю дорогу одно и то же. Наверное, от желания того, чтобы мы шли быстрее. Ожидание остановки оказалось безразмерно долгим...

Но, наконец, мы причалили к небольшому пирсу. Я не спеша направился к выходу и, проходя мимо рубки, услышал, как по громкой связи капитану диктуют мою фамилию, имя, отчество... К счастью, дорожная сумка была со мной... Я ускорил шаг и через несколько минут оказался в центре населённого пункта. Он был совсем крохотным, но междугородные автобусы сюда ходили...

– Наши лахудры и там по-крестьянски быстро сориентировались. Унывать – дело рискованное... Вохровцы все сплошь молодые да горячие, подружки сердечные далече... Жизнь начиналась после отбоя. Девочек вызывали к начальству... Возвращались они под утро – весёлые, очумелые... Никто их не заставлял. Они сами напрашивались. И никаких особых поблажек за это не имели. «Что ты кочевряжишься, – говорила соседка, – жизнь проходит...» Ко мне тоже подкатывали... Но зачем мне это? Не под дулом ведь пистолета... «Представляешь – шампанское, икра, шоколад... Только он слишком быстро кончает. Но ласковый, ласковый... Только ты об этом никому. Договорились?»

Даже не знаю, вышли они потом оттуда или нет. Болтовни вдогонку не любит никто...

Я сидел на остановке и ждал автобуса. Ясное дело, ходили они сюда неохотно, но иного пути не было... Редкие прохожие поглядывали на меня с недоверием и, удаляясь, по несколько раз оглядывались.. Что во мне такого необычного? Во лбу звезда не горит...

Я, понятное дело, тоже озирался опасливо – для полноты ощущений только отсидки и не хватало... Но было ощущение, что слишком заморачиваться моей персоной здешние ищейки не станут... Даром долго прислушиваться к себе не пришлось – рейсовый возник как из-под земли. История с погоней повторялась в виде фарса...

Улица утопала в цвету. Щербатая мостовая горбилась по прибрежным буграм, порой исчезая вовсе, порой снова выныривая из зарослей. Набитые зеленью дворы напозлали друг на друга. Из густой листвы в глубине участков торчали крашенные крыши приземистых строений. По прибытии из северных краёв бабушка снимала в одном из них комнату. Дед жил и работал в Грязях. По их мнению, так было лучше для конспирации...

Я любил гулять по этим местам. Прекрасно зная, что бабушкино пристанище сгорело ещё в Отечественную, заглядывал в калитки, радовался лавочкам на пригорке, тёр в ладонях травяные стебли...

Спал я плохо. Долго не мог сомкнуть глаз. Потом проваливался и стремительно шёл на дно сознания. А когда выплывал – водяная толща беспощадно испытывала череп на прочность. Болевой напор казался нескончаемым...

Во время войны дедовский завод эвакуировали бог знает куда, стремительно развернули, перепрофилировали на изготовление танков... Вскоре и бабушка последовала за мужем и очутилась на неожиданно солнечной стороне жизни – с невиданными могучими кедрами, желанными домохозяйскими обязанностями, новыми нелюбопытными друзьями... Впрочем, и на прежнем месте всем было уже не до неё...

– Бабушка, я привёз его тебе. Возьми...

– Спасибо. Но он мне больше не понадобится...

– А зачем же я всё это проворачивал?.. Выходит, что напрасно...

– Как это напрасно? Разве можно его оставлять тем, кто над ним надругался? Пусть он будет у тебя. Он теперь твой...

– А что я с ним делать буду?

– Нести.

- В каком смысле?
 - В прямом. На собственной шее...
 - Неужели все мои приключения – только ради этого?..
- Я думал, что это жизненно важно именно для тебя.
- Это важно и для меня тоже... Но «жизненно» – в моём случае не то слово... А что тебя так смущает?.. Ну так и не бери в голову...

Страх перед будущим нелеп,
стареть без паники сумейте.
Как ели, так и ешьте хлеб,
вино как пили, так и пейте...

Это, кстати, подруга-убийца твоего любимого непутёвого поэта написала...

Напрасного на свете не бывает. Если бы всё можно было понять разом – не существовало бы времени...

Я задумался и опустил глаза. А когда поднял голову – бабушки уже не было...

Какие только таблетки для сна я не глотал!.. И те, которые все пьют, и всяческие экзотические – на названиях язык сломаешь... Толку было чуть. Подуспокаивало, смягчало... А потом – всё в полный рост по новой... Вопросы, вопросы, вопросы... Далеко не сразу до меня дошло, что дело не в лекарствах, а в умении не тормозить на ответах... Не останавливаться, не вглядываться, не тупить... Ответчики уже давно за всё в иных пределах ответили... А дурацкие заминки отпечатываются навсегда...

Я очнулся один в четырёхместной палате, хотел поднять голову, но не смог. Нестерпимая боль сдавила виски. Я хотел позвать постовую сестру, но голос пропал начисто... Ночная комната наполнилась бледным дневным светом. Я понял, что

это из-за обледенелых фонарей, которые казённым тусклым взглядом не отрываясь глядели в моё окно.

Бабушки рядом не было. Она умерла полвека назад. Но палата была той же. Те же инвентарные номера на грядушках коек, те же листки с температурными кривыми, те же обшарпанные колченогие тумбочки. Всё было на месте. Я с облегчением выдохнул и закрыл глаза.

– А с чего всё началось?

– Долго рассказывать... Если не размазывая – с постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации крестьянских хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 года. Хотя это вовсе не самое начало... А 2 февраля 1930 года был издан приказ ОГПУ СССР № 44/21. В нём говорилось, что «в целях наиболее организованного проведения ликвидации кулачества как класса и решительного подавления всяких попыток противодействия со стороны кулаков мероприятиям Советской власти по социалистической реконструкции сельского хозяйства – в первую очередь в районах сплошной коллективизации – в самое ближайшее время кулаку, особенно его богатой и активной контрреволюционной части, должен быть нанесён сокрушительный удар». Ну и нанесли...

– У тебя и память!.. Неужели ты все эти даты и номера помнишь?

– Мне полагается. У ведь меня ничего другого не осталось. Ну да разве что ты...

«Вода смыкается с небом, и плывут по нему облака, а там другие, а потом гряда облаков уходит за выгнутый дугой простор. И, верно, от привычки человека, оставаясь наедине с природой, с красотой родной земли, вопрошать прошлое, сама собой приходит здесь мысль, что и ты видишь сейчас всё так, как первый новгородец, которого беспокойная русская душа позвала с волховских берегов обживать неведомую северную реку. Так

же далеко уходят песчаные откосы убегающих берегов и круто обрываются в свинцово-серую воду, так же желтеют твёрдые, сглаженные водой отмели, а за зелёными длинными островами взблёскивают на солнце протоки, спят в опуши ивняка тихие старицы, и до синевы темны зелёные увалы лесов, окаймлённые по краю изумрудными пожнями со слюдяным блеском чарус, которые расступаются только затем, чтобы пустить дальше по берегу череду сизых деревень, уходящих по холмам в иные дали, в иной простор». Ни изумрудных пожней, ни сизых деревень мне увидеть так и не привелось. Берега у каждого свои...

Больница была светлой и почти праздничной – просторные прямые коридоры, квадратные холлы с весёлым настенным узором, панорамные окна, из которых порой выбрасывались слетевшие с катушек пациенты... И прерывистый шёпот весёлых студенток, с круглыми глазами обсуждавших очередной случай... Пространство словно раздвигалось, объём яви увеличивался. И нечеловеческое давление просто обязательно оставалось где-то там – в цепких недрах небытия. Если бы все обязанности на свете неизменно выполнялись!..

– После возвращения из Сибири на улице я случайно столкнулась с братом твоего деда... И уже почти бросилась ему на шею, но он кратко и остро зыркнул, втянул голову в плечи и резко зашагал в сторону... Я замерла как вкопанная и только проводила его пустым взглядом... Сутулая спина, поднятый воротник, приплюснутая кепка... Может быть, он меня не узнал? Может быть, принял за сумасшедшую? Может быть, следовало кинуться за ним, догнать, напомнить?.. Нет, этого делать не следовало ни в коем случае... Я и сейчас так думаю.

По берегам могучей реки стояли непроглядные чёрные леса. Отражения деревьев мелко дрожали на рябой поверхности тяжёлой воды. Рваные тучи покорно шли по течению.

Вокруг было тихо, и я думал, что через какое-то время можно уже будет где-нибудь причалить и перевести дух. И принял-ся было выбирать подходящее место... Но вдруг что-то коротко ударило в судовую обшивку, потом ещё раз и ещё... Потом резкое пламя вспыхнуло в животе, потом в груди...

В судёнышко стремительно набиралась вода – по щиколотку, по колено, по пояс... Чтобы не накрыло с головой, нужно было вставать. Но силы уходили вместе с предательски быстрой кровью. Я всё же собрался, облокотился о ближний борт... И мир перевернулся.

– А твой дед никуда не сворачивал... Всегда ходил по прямой. Когда вернулись, опять работал на паровозоремонтном... В партию, правда, никогда не вступал. А для начальника это было куда как непросто... И в тот же день, когда ему исполнилось шестьдесят – ушёл на пенсию. Его долго и усердно упрашивали – кадр всё-таки ценный... Но он мягко улыбался и говорил: «Нет, нет... Спасибо за доверие, но всё что мог, я сделал...» И не слышалось в этом ни кокетства, ни надрыва... Он с детским азартом играл в городки, воздвигал из фанерных ящиков дачный домик, придирчиво изучал кулинарные рецепты... По утрам дед надевал соломенную шляпу и отправлялся за свежими газетами. А потом долго читал их на лавочке во дворе... Будто из них можно было почерпнуть что-то неведомое... Он слишком любил быть в тени. И, возможно, эта любовь была искренней...

...Теперь мне было не выплыть... И дежурный врач тут, как ни упирайся, не при делах... Я всё прекрасно понимал – сам на практике хаживал по таким вызовам... Слава Богу, некоторым верхоглядам всё-таки даётся под занавес не свойственное им понимание... И это, что ни говори, разновидность счастья. А значит, я его заслужил... Крест был на мне.

Где-то над головой являлись и уносились течением какие-то случайные силуэты, стёртые черты, забытые лица... Завод-

ные подружки из группы, бородатые романтики на баркасе, настороженные северяне в допотопном посёлке... Всё быстро, безвозвратно, пунктиром... Точно кто-то стремительно прокручивал плёнку, мельком показывая запечатлённое... Смысла останавливать показ не просматривалось никакого. С остановками всё было ясно...

– Мне всегда хотелось всех накормить. И, видит Бог, я очень старалась... И радость при этом давалась прежде всего мне самой... Так что действовала я из корыстных побуждений... И стало быть, наказана вполне заслуженно... Да что мы всё обо мне да обо мне?.. Ты сам-то каким воздухом дышишь?

– Твоим.

– И тебе его хватает?

– Такова уж участь сопровождающего... С прежней работой пришлось расстаться. Начальству нужно иное... Похоже, придётся попрощаться и с чем-то более ценным... Но разве быть подле тебя – это дорога в никуда?..

– Мы как-то невзначай поменялись ролями... Это неправильно. Мне виделось, что всё будет с точностью до наоборот...

– Ничего страшного – всё рано или поздно переворачивается...

– Это единственное, в чём сомнений нет никаких...

...И мнимая бабушка промелькнула, и обрывок нашего нелепого разговора, и жгучее недоумение от него...

Стебли света лениво змеились перед глазами, любопытные рыбы замирали совсем вблизи, бойкие воздушные пузыри наперегонки мчались вверх... Осклизлые коряги кратко салютовали изломанными руками, разномастные водяные пласты стремительно сменяли друг друга, стойкая придонная взвесь невозмутимо поджидала внизу... Там происходила другая жизнь. И её предстояло принять.

Содержание

Отпуск без сохранения. <i>Лесная история</i>	3
Илья. <i>Скелет из семейного шкафа</i>	35
Портвейн как портвейн. <i>Шесть стаканов счастья</i>	51
Мама. <i>Околонаучные записки</i>	99
Живая латынь. <i>Anamnesis morbi</i>	107
Созвездие Ориона. <i>Хроника путешествия</i>	136
Окончание сезона. <i>Из жизни садоводов</i>	152
Бристоль, или Возвращение Леонида. <i>Реплики и оклики</i>	167
Дневник Фондаминского. <i>Парижский апокриф в четырёх действиях</i>	198
Поручение. <i>Сага о бессоннице</i>	218

Литературно-художественное издание

Сергей Викторович Попов

ЖИВАЯ ЛАТЫНЬ

Проза и пьесы

Верстка О.И. Сотникова
Корректор Н.А. Белявцева

9 785442 012453

Подписано в печать 06.08.2025 г.
Формат набора 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,95.
Заказ № 474. Тираж 300 экз.

Изготовлено по заказу ООО «Пресса ИПФ»
394006, г. Воронеж, ул. Челюскинцев, д. 143
Отпечатано в АО «Воронежская областная типография»
394071, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73а.
www.oblprint.ru
тел.: 8(473)20-20-900